

Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
«РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ
Д. С. Лихачёва» (Институт Наследия)

На правах рукописи

ЗОТОВА Татьяна Анатольевна

**КОНЦЕПЦИЯ «ЖИВОГО МУЗЕЯ»
В РОССИЙСКОМ МУЗЕЕВЕДЕНИИ:
опыт культурологического анализа**

5.10.2. Музееведение, консервация
и реставрация историко-культурных объектов

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
Окороков Александр Васильевич,
доктор исторических наук

Москва
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1.	
Генезис концепции «живого музея» в музееведческих работах и отечественной музейной практике конца XIX – второй половины XX вв.	25
1.1. Основные прообразы «живого музея» в публикациях последней трети XIX – первой трети XX вв.	26
1.2. Ключевые идеи и проекты «живого музея» в конце XIX – первой трети XX вв. (Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Б. М. Соколов)	43
1.3. Расцвет форм «живого музея» в советской музейной практике 1930–1980-х гг.	73
ГЛАВА 2.	
Развитие концепции «живого музея» в российском музееведении конца XX – начала XXI вв.	94
2.1 Формирование понятия «живой музей» в музееведческом дискурсе конца XX – начала XXI вв.	94
2.2 «Живой музей» как мягкая музеефикация (культурно-ландшафтный, средовой и этноэкологический подходы)	116
2.3. «Живой музей» как технология проектирования музейной экспозиции	144
2.4. «Живой музей» как творческая модель музейной деятельности: теоретические основания и перспективный анализ	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	206
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	213

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение музейной проблематики приобретает в XXI столетии всё более широкое общественное значение. Именно музей, являющийся хранителем овековеченной социальной памяти, дает человеку в цифровую эпоху уникальную возможность ощущения реальности своего бытия. В то же время, играя активную роль в моделировании прошлого и проектировании будущего, музей всё дальше отходит от классического образа, сложившегося в культуре Нового и Новейшего времени. Различные социальные изменения подталкивают исследователей как к переосмыслению устоявшихся музейных правил, норм, подходов, так и к более глубокому изучению *национальных особенностей музейного дела* и концепций сохранения наследия.

Тема исследования тесно связана с осмыслением современных тенденций развития российского музейного дела. Границы музейного мира России расширяются, а традиционные музеи осваивают и предлагают новые интерактивные и иммерсивные технологии актуализации наследия. Это изобилие актуальных форм организации, экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности музеев откликается в музееведческой рефлексии разнообразием определений и дефиниций. Нередко для осмысления современных практик одновременно применяются привычные термины из советского и российского музееведения, привлекаются исторические концепции, сложившиеся в культурном контексте императорской и революционной России, а также понятия, пришедшие из западной музеологии в последние десятилетия. Поэтому одним из наиболее актуальных направлений музееведческих исследований становится *изучение и уточнение понятийно-терминологического аппарата*.

Яркий пример научно-методического многоголосия – термин «*живой музей*», который активно используется в исследованиях для обозначения широкого круга явлений музейной сферы. К нему обращаются, когда

рассматривают отечественные и зарубежные музейные концепции начала XX в. (Дж. К. Дана, Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского и др.), когда анализируют интерактивные виды экспозиционной и культурно-образовательной деятельности, или же, когда рассуждают о новых музейных формах и учреждениях музейного типа. Наконец, в последние годы, отмеченные повсеместным распространением в сфере охраны и актуализации культурного наследия России мировых техник «живой истории», смысловое поле понятия «живой музей» еще более расширилось. В зону его влияния вошла деятельность исторических и тематических парков, центров «живой истории» и экспериментальной археологии. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: понятие «живой музей» встречается повсеместно в научных публикациях, звучит в ходе научно-практических конференций и семинаров, но не имеет устоявшегося смысла. В связи с этим, определение его места в понятийной структуре российского музееведения является своевременной и важной задачей.

Отметим, что в настоящем исследовании понятие «живой музей» рассматривается не только в узком музейно-методическом смысле, но и в самом широком – как *уникальное явление российской культуры*, которое в своем историческом развитии прошло путь от идеального образа до практического подхода к сохранению историко-культурного наследия. Предлагаемое исследование стремится проследить этот путь и обозначить перспективы его дальнейшего развития.

Степень научной разработанности проблематики. В российском музееведении отсутствуют работы, посвященные комплексному анализу понятия «живой музей», его различных трактовок и концептов. Однако существует немало исследований, которые затрагивают отдельные аспекты изучаемой проблематики. Систематизируем их, выделив тематические группы, характеризующие степень научной разработанности темы.

В первую, наиболее широкую группу следует объединить философские, культурологические и музееведческие исследования,

посвященные концепции «живого музея» П. А. Флоренского, предложенной философом в 1918 г. в контексте музеефикации Троице-Сергиевой Лавры. Данная тематика разрабатывалась Л. С. Алексеевой, И. В. Андреевой, Л. П. Воронковой, М. А. Гагановой, И. Л. Галинской, М. Е. Каулен, А. А. Корольковым, Р. В. Ковриковым, А. М. Копировским, Е. Ю. Перовой, Т. П. Поляковым, Д. А. Поповым, Т. В. Смирновой, игуменом Андроником (А. С. Трубачёвым), М. С. Трубачёвой, И. А. Тульпе, М. В. Шваровой, Л. М. Шляхтиной, П. В. Флоренским¹ и др.

Вторую группу составляют работы, направленные на изучение и интерпретацию музейной концепции Н. Ф. Фёдорова, ставшей частью его учения – философии общего дела. К ней относятся исследования О. А. Аксеничева, Н. А. Бенедиктова, З. А. Бонами, А. А. Жилиева, А. В. Зыкова, М. Е. Каулен, Е. Н. Мастеницы, Т. П. Полякова, С. И. Сотниковой² и др.

Третью группу формируют публикации, обращенные к изучению этнографических концепций «живого музея», предложенных и частично реализованных во второй половине 1920-х – середине 1930-х гг. В

¹ Например, см.: Алексеева Л. С. Музееведческие идеи священника Павла Флоренского в современной деятельности музеев Кемеровской области // Актуальные проблемы социокультурных исследований: сб. науч. ст. по итогам Межрегиональной науч.-практич. конф. аспирантов и соискателей. Вып. 10. Кемерово, 2014. С. 292–299; Гаганова М. А. Проекты и практики музеефикации Троице-Сергиевой Лавры в 1920–40-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. М., 2016. 261 с.; Галинская И. Л. Павел Флоренский об идее «живого музея» // Новая литература по культурологии: Дайджест. М., 1995. № 3. С. 22–29; Перова Е. Ю. Принципы и практики сохранения культурного наследия в России начала XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 1(843). С. 220–228; Поляков Т. П., Смирнова Т. В. Музей-заповедник: идеальный проект и реальность истории // Российская провинция: среда, культура, социум. Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII–XX век. М., 2011. С. 423–465; Трубачева М. С. Из истории охраны памятников в первые годы советской власти. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры 1918–1925 годов // Музей: Худож. собр. СССР. [Сб.] 5. М., 1984. С. 152–164; Шляхтина Л. М. Музейные инновации в ретроспективе музееведческих идей // Вопросы музеологии. 2010. № 1(1). С. 44–49.

² Например, см.: Аксеничев О. А. Философия музея Н.Ф.Фёдорова // Музейное дело. [Вып. 21]. М., 1992. С. 91–101; Бенедиктов Н. А., Трусов А. А. Музей как транслятор ценностей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Социальные науки. 2008. № 3(11). С. 121–129; Бонами З. А. Н.Ф.Фёдоров и западная музеологическая традиция. Диалоги // Музей – памятник – наследие. 2017. № 1. С. 127–136; Жилиев А. А. Музей Николая Фёдоровича Фёдорова // Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903): сб. науч. ст. М., 2018. С. 206–211; Зыков А. В. Музееведческие взгляды Н.Ф.Фёдорова и современное музееведение: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2004. 23 с.; Каулен М. Е. Концепция музея в философии Н.Ф.Фёдорова // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения: информ. сб. М., 1990. Вып. 6. С. 82–87; Мастеница Е. Н. Феномен музея в философском наследии Н.Ф.Фёдорова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 137–142.

исследованиях и статьях Т. Андреевой, О. Всеволодской-Голушкевич, Т. А. Крюковой, В. Г. Пушкарёва, Т. М. Смирновой, О. Сомовой, Е. Н. Студенецкой¹ рассматривается деятельность *В. Н. Всеволодского-Гернгросса*, создателя Этнографического театра Русского музея (1930–1936). *Музейная концепция Б. М. Соколова*, бывшего во второй половине 1920-х гг. директором Центрального музея народоведения в Москве, представляется в работах В. А. Бахтиной, И. А. Головнёва, А. Б. Ипполитовой, М. М. Керимовой, О. А. Кубанкиной, И. В. Маковецкого, Х. М. Турьинской, В. Чичерова, И. И. Шангиной² и др.

В четвертую группу следует объединить исследования, в которых разрабатываются *современные концепции, методики и трактовки «живого музея»*. Среди них – работы Т. П. Полякова, посвященные авторской концепции «живого музея» как технологии проектирования экспозиции³; публикации М. Е. Каулен, разрабатывавшей принципы средового подхода к музеефикации и понимающей «живой музей» как тип средового музея⁴; исследования С. И. Сотниковой, рассматривающей «живой музей» как уникальную историческую территорию (культурный ландшафт)⁵; публикации В. М. Кимеева, а также П. В. Абрамовой (Глушковой),

¹ Например, см.: *Андреева Т., Сомова О.* Забытый эксперимент (из истории Этнографического театра) // Советская этнография. 1985. № 2. С. 83–90; *Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н.* Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1957–1971. Вып. VII. 1971. С. 9–120; *Пушкарев В. Г.* «Опережая время» (о деятельности первого этнографического театра) // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. № 120/2010. С. 339–344; *Смирнова Т. М.* Фольклорный театр В.Всеволодского (Экспериментальный и Этнографический театры в Ленинграде) // Клио. 2016. № 10(118). С. 154–174.

² Например, см.: *Бахтина В. А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых. М., 2000. 334 с.; *Головнёв И. А.* «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. 2021. № 3(13). С. 244–263; *Ипполитова А. Б.* История музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160; *Керимова М. М.* Б.М.Соколов – первый директор Центрального музея народоведения в Москве, организатор журнала «Этнография» // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: сб. мат. Ижевск, 2017. С. 45–46; *Маковецкий И. В.* Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. 1963. № 2. С. 7–18; *Померанцева Э., Чичеров В.* Борис Матвеевич Соколов // Советская этнография. 1955. № 4. С. 97–105.

³ Например, см.: *Поляков Т. П.* Технологии, зоны и объекты «живого музея» в экспозиционном пространстве: генезис, развитие, перспективы // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». М., 2021. С. 113–162.

⁴ Например, см.: *Каулен М. Е.* Методы актуализации объектов наследия и проблема классификации музеев // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков: Труды ГИМ. Вып. 127. М., 2001. С. 86–98; *Ее же.* Музей и наследие // Музей. 2009. № 5. С. 10–19; *Словарь актуальных музейных терминов / М. Е. Каулен, А. А. Сундиева, И. В. Чувилова [и др.]. // Музей. 2009. № 5. С. 51.*

⁵ *Сотникова С. И.* Музей в меняющемся мире // Обсерватория культуры. 2007. № 2. С. 60–66.

Т. И. Кимеевой, С. Г. Родионова и др., в которых развиваются идеи этноэкологического (средового) подхода к сохранению наследия¹. К относительно самостоятельной подгруппе следует отнести исследования, посвященные разработке философских принципов, теоретических и методических аспектов сохранения наследия в формате культурных ландшафтов; это – статьи Д. С. Лихачёва², излагающие его учение об экологии культуры, а также публикации Ю. А. Веденина, А. В. Горбунова, Г. А. Зайцевой, В. Н. Калущкова, М. Е. Кулешовой, Б. Б. Родомана, В. П. Столярова, Д. В. Тормосова, Р. Ф. Туровского, П. М. Шульгина³ и др.

В пятую группу входят работы, посвященные *истории развития российских музеев-заповедников и музеев под открытым небом*, в практике которых сформировались в 1970–1990-е гг. и продолжают развиваться ныне различные формы «живого музея». Среди их авторов – П. В. Глушкова, Б. В. Гнедовский, Б. А. Гущин, А. Н. Давыдов, М. Е. Каулен, И. В. Маковецкий, Е. Н. Мастеница, А. В. Ополовников, А. Б. Пермиловская, О. Г. Севан, В. В. Тихонов, В. Г. Шмелев⁴ и др.

Наконец, в шестую группу следует выделить исследования, в которых как формы «живого музея» рассматриваются *современные интерактивные практики этнографических музеев под открытым небом – скансенов*

¹ Например, см.: Кимеев В. М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектура, функции. Томск, 2008. 452 с.; Глушкова П. В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–1(61). С. 59–63; Родионов С. Г. Музеефикация историко-культурного наследия шорцев: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2018. 19 с.

² Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л., 1985. 575 с.

³ Например, см.: Веденин Ю. А., Шульгин П. М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географическая. 1992. № 3. С. 90–99; Культурный ландшафт как объект наследия / Под. ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М., СПб., 2004. 617, [1] с.; Родоман Б. Б. Культурный ландшафт и судьба России. М., 2023. 488 с.; Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998. 208 с.

⁴ Например, см.: Гнедовский Б. В. Памятники деревянного зодчества России в музеях под открытым небом. 12 старейших музеев народного зодчества и быта. М., 2002. 69 с.; Мастеница Е. Н. Музейные заповедники: учеб. пос. СПб., 2015. 131 с.; Музей-заповедник «КИЖИ»: 40 лет / ред.-сост. И. В. Мельников; [кол. авт.: Б. А. Гущин и др.]. Петрозаводск, 2006. 201 с.; Ополовников А. В. Музеи под открытым небом как метод сохранения памятников деревянного зодчества и их значение для города // Памятники архитектуры и современная городская застройка. М., 1973. С. 93–101; Пермиловская А. Б. Музеи под открытым небом в современной культуре России и Западной Европы // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: сб. мат. конф. Архангельск, 2010. С. 39–49; Севан О. Г. «Малые Карелии». Архангельский музей деревянного зодчества: история создания, методология проектирования, современное состояние. М., 2012. 367 с.; Тихонов В. В. Особенности музеефикации архитектурно-этнографических комплексов Предбайкалья: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2004. 197 с.

(В. А. Котосина, А. Б. Пермиловская, Е. А. Полякова, О. Г. Севан, В. В. Тихонов и др.)¹, а также – работы, посвященные организации и развитию в России музеев / центров «живой истории», исторических и подводных парков. В их числе публикации А. С. Богатыревой, В. В. Велитченко, А. Н. Дробышева, О. А. Крыниной, О. Ю. Нельзиной, А. В. Огорокова, иеромонаха Феокиста (А. Петрова), Д. А. Прокудиной, М. Г. Теребилова, Е. Н. Чернявской² и др. Помимо этого, анализ и сопоставление современных музейных практик потребовали обращения к зарубежной литературе, представляющей концепцию «полезного музея», особенности «живой истории» как музейной техники, принципы работы экономузеев, микромузеев и др. (Jay Anderson, Kathryn Boardman, Virginia Wolf Briscoe, Fiona Candlin, John Cotton Dana, Marie Vaillancourt Laporte, Timothy J. McNeil и др.)³.

Завершив обзор основных исследований, непосредственно затрагивающих проблематику «живого музея», важно отметить работы,

¹ Например, см.: *Пермиловская А. Б.* Историко-культурный заповедник – новая форма создания живого музея под открытым небом (на примере уникального исторического поселения с. Кимжа Мезенского района Архангельской области) // Проблемы развития этнографических музеев под открытым небом в современных условиях: мат. науч.-практич. конф. Иркутск, 2006. С. 15–27; *Полякова Е. А.* Музейно-этнографические программы как способ сохранения национальной идентичности (на примере деятельности Омского государственного музея-заповедника «Старина Сибирская») // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. № 10. С. 350–357; *Севан О. Г.* Музеи под открытым небом Европы // Обсерватория культуры. 2006. № 3. С. 60–69; *Ее же.* Российские музеи под открытым небом // Обсерватория культуры. 2006. № 6. С. 66–75.

² Например, см.: *Велитченко В. В.* Формат «живая история» как одно из перспективных направлений развития музеев // Вопросы музеологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 88–93; *Дробышев А. Н.* Музейный парк как форма презентации археологического наследия: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2011. 24 с.; *Крынина О. А.* Музей-заповедник «Старина Сибирская» – музей живой истории (из опыта работы) // Аношинские чтения: сб. мат. Омск, 2022. С. 57–61; *Нельзина О. Ю., Огороков А. В., Поляков Т. П.* Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы. М., 2019. 288 с.; *Подводное культурное наследие: подводные музеи, исторические парки и заповедники / А. В. Огороков, Д. В. Бабекин, Т. П. Поляков, О. Ю. Нельзина.* М., 2018. 140 с.; *Прокудина Д. А.* Нематериальное культурное наследие как ресурс для развития территории // Культура и образование. 2020. № 4(39). С. 23–31; *Теребилов М. Г.* Реконструкция повседневной культуры средневекового общества в музейной экспозиции // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 2(47). С. 96–100; *Чернявская Е. Н., Базарова Э. Л.* Тематический парк как феномен современной культуры // Вопросы культурологии. 2014. № 4. С. 51–58.

³ Например, см.: *Candlin Fiona.* Micromuseology: An Analysis of Small Independent Museums. Bloomsbury: London, 2016. 224 p.; *Dana John Cotton.* A Plan for a New Museum: The Kind of Museum it Will Profit a City to Maintain: No. 4 of the New Museum Series. Woodstock, Vermont: ElmTree Press, 1920. 57 p.; *The living history anthology: perspectives from ALHFAM / Ed. Martha B. Katz-Hyman, Cliff Jones, Susan J. McCabe and Mary Seelhorst; Association for Living Historical Farms and Agricultural Museums (U.S.).* New York, NY: Routledge, 2019. 262 p.; *McNeil Timothy J.* A Site for Convergence and Exchange: Designing the Twenty-first-century University Art Museum // *The Future of Museum and Gallery Design: Purpose, Process, Perception / ed. S. MacLeod, T. Austin, J. Hale, O. H. Hing-Kay.* London and New York: Routledge, 2018. Pp. 100–115.

имеющие *общетеоретическое значение* для комплексного изучения выбранной темы:

– научно-философские публикации и учебно-методические пособия А. И. Арнольдова, Э. А. Баллера, В. С. Библера, В. П. Большакова, Н. С. Злобина, С. Н. Иконниковой, М. С. Кагана, Г. С. Кнабе, Л. Н. Когана, В. А. Лекторского, Д. С. Лихачёва, Э. С. Маркаряна, В. М. Межуева, Э. А. Орловой, В. М. Розина, А. Я. Флиера ¹ и др., *определившие культурологический характер и терминологические особенности представленной работы;*

– публикации Т. А. Алешиной, В. Г. Ананьева, Ю. де Варина, В. П. Грицкевича, М. Б. Гнедовского, Т. П. Калугиной, И. А. Куклиновой, А. М. Кулемзина, Е. Н. Мастеницы, П. ван Менша, А. И. Михайловской, Н. А. Никишина, О. С. Сапанжи, Ж. А. Ривьера, Д. А. Равикович, А. М. Разгона, Н. А. Томилова, К. Хадсона, Е. Чайковского, Т. Шола, Ф. Юбера, Т. Ю. Юрeneuveй ² и др. в области *теоретического и исторического музееведения;*

– работы А. Б. Закс, В. И. Златоустовой, И. П. Иваницкого, О. В. Ионовой, М. Е. Каулен, А. И. Михайловской, С. А. Овсянниковой (Каспаринской), М. А. Поляковой, Д. А. Равикович, А. М. Разгона,

¹ Например, см.: *Библер В. С.* От наукоучения – к логике культуры: Два филос. введ. в двадцать первый век. М., 1991. 413 с.; *Каган М. С.* Философия культуры. СПб., 1996. 415 с.; *Кнабе Г. С.* Древо познания и древо жизни. М., 2006. 751 с.; *Культурология: учеб.* / [В. П. Большаков и др.]; под ред. С. Н. Иконниковой и В. П. Большакова. М., 2011. 527 с.; *Наука глазами гуманитария* / [отв. ред. В. А. Лекторский]. М., 2005. 687 с.; *Орлова Э. А.* Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994. 214 с.; *Основы культурологии: [учеб. пособие]* / [Е. Я. Александрова и др.]. М., 2005. 493 с.; *Розин В. М.* Культурология: учеб. для вузов. М., 2005. 462 с.; *Флиер А. Я.* Культурология для культурологов. учеб. пособие. М., 2000. 496 с.

² Например, см.: *Музейное дело и охрана памятников: обзорная информация.* М., 1984–1989. 1986, вып. 1: *Современные тенденции развития музейной коммуникации в капиталистических странах: теория и практика* / М. Б. Гнедовский. 41 с.; *Мениш П.* К методологии музеологии / [пер. с англ. В. Г. Ананьева]. М., 2018. 447 с.; *Никишин Н. А.* Музей или уникальная историческая территория? // Тезисы докладов II Междунар. конф. по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. М., 1992. С. 36–39; *Сапанжа О. С.* Основы музейной коммуникации. СПб., 2007. 115 с.; *Томилов Н. А.* Музееведение и музеи России: избран. науч. работы: в 2 ч. Ч. 1: Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты. Омск, 2016. 368 с.; *Хадсон К.* Влиятельные музеи / [пер. с англ. Л. Мотылева]. Новосибирск, 2001. 194 с.; *Чайковский Е.* Музеям под открытым небом – 100 лет // На пути к музею XXI века. Музеи-заповедники. М., 1991 (1992). С. 10–25; *Шола Т. С.* Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музейных грехов. Тула, 2013. 357 с.; *Юрeneuve Т. Ю.* Музееведение: учебник для подготовки кадров высшей квалификации. М., 2020. 438 с.

А. А. Сундиевой, А. И. Фролова, Л. М. Шляхтиной¹ и др. публикации, в том числе в сборниках «Очерки по истории музейного дела в СССР (России)» (1957–1971), «Музей и власть» (1991), которые посвящены *истории отечественного музейного дела*;

– методические и исследовательские работы О. А. Антюфеевой, О. С. Драничкиной, Р. Р. Кликс, Ф. Г. Кротова, М. Т. Майстровской, А. И. Михайловской, Т. П. Полякова, Н. И. Решетникова, Е. А. Розенблюма, Н. И. Романова, Н. Саймон, Т. И. Чуклиной, Ф. И. Шмита² и др. в области *истории и методики музейного проектирования*.

Проблема исследования определяется противоречием в отечественном музейном деле между широкой практикой проектирования, выявления, описания «живых музеев» и отсутствием теоретических и методологических работ, которые осуществляют комплексный анализ и обобщение эмпирических данных и концепций в этой области, рассматривают соотношение данного концепта с близкими музееведческими понятиями и категориями, использующимися российскими и зарубежными музееведами.

¹ Например, см.: *Закс А. Б.* Источники по истории музейного дела в СССР (1917–1941) // *Очерки истории музейного дела в СССР*. Вып. VI. 1968. С. 5–53; *Златоустова В. И.* Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // *Музей и власть*. [в 2 ч.]. М., 1991. [Ч. 1]. С. 226–298; *Иваницкий И. П.* Сельскохозяйственные музеи капиталистической России (1861–1917 гг.) // *Очерки истории музейного дела в СССР*. Вып. V. 1963. С. 276–326; *Музейное дело России* / под общ. ред. М. Е. Каулен (отв. ред.), И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. М., 2010. 676 с.; *Овсянникова С. А.* Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917 гг.) // *Очерки истории музейного дела в России*. Вып. II. 1960. С. 66–144; *Полякова М. А.* Охрана культурного наследия России: учеб. пособие. М., 2005. 271 с.; *Равикович Д. А.* Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925) // *Очерки истории музейного дела в СССР*. Вып. VI. 1968. С. 97–145; *Разгон А. М.* Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.) // *Очерки истории музейного дела в СССР*. Вып. V. 1963. С. 189–275; *Фролов А. И.* Из истории становления музееведческих центров России // *Музей и власть*. М., 1991. [Ч. 2]. С. 62–103; *Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н.* Музейно-педагогическая мысль в России: исторические очерки. СПб., 2006. 271 с.

² Например, см.: *Антюфеева О. А., Душко О. В., Птичникова Г. А.* Архитектурно-градостроительные основы экспонирования объектов археологического наследия: учеб. пособие. Волгоград, 2018. 230 с.; *Кликс Р. Р.* Художественное проектирование экспозиций. М., 1978. 368 с.; *Майстровская М. Т.* Музей как объект культуры. XX век: искусство экспозиционного ансамбля. М., 2018. 679 с.; *Михайловская А. И.* Музейная экспозиция. М., 1964. 518 с.; *Поляков Т. П.* Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). М., 1997. 253 с.; *Драничкина О. С.* Искусство экспонирования под открытым небом: эволюция, типология, современная трансформация формы: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. М., 2015. 39 с.; *Решетников Н. И.* Музей и проектирование музейной деятельности: учеб. пособие. М., 2014. 160 с.; *Романов Н. И.* Местные музеи и как их устраивать. М., 1919. 111 с.; *Саймон Н.* Партиципаторный музей / [пер. А. Глебовской]. М., 2017. 439 с.; *Шмит Ф. И.* Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929. 246 с.

Объект исследования: музееведческие идеи и музейные практики, сложившиеся в культурном контексте России в конце XIX – начале XXI вв. и получившие условное определение «живой музей».

Предмет исследования: генезис, развитие и современные трактовки концепции «живого музея», а также принципы ее реализации в музейной практике.

Цель исследования: систематизировать идеи, принципы и подходы к определению и созданию «живого музея», предложенные российскими философами, культурологами, музееведами, и на этой основе разработать обобщающую дефиницию и культурологическую модель «живого музея».

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

1) Определить и систематизировать основные прообразы «живого музея», которые встречаются в отечественных письменных источниках конца XIX – первой трети XX вв.

2) Сопоставить и охарактеризовать наиболее известные исторические идеи и проекты «живого музея», возникшие в культурном контексте России в конце XIX – первой трети XX вв.

3) Выявить и рассмотреть формы советской музейной практики 1930–1980-х гг., определившие взаимосвязь исторических идей, проектов и современных подходов к сохранению и актуализации культурного наследия, реализующих принцип «живого музея».

4) Проследить трансформацию образов и идей «живого музея» в соответствующее музееведческое понятие, используемое в современном российском музееведении (1980–2020-х гг.).

5) Охарактеризовать и сопоставить те современные методики, в которых идеи «живого музея» получили наиболее глубокую теоретическую проработку или практическое переосмысление.

6) Определить основные этапы формирования концепции «живого музея» в российском музееведении.

7) Разработать обобщающее определение и культурологическую модель «живого музея», охватывающую его исторические, современные и перспективные формы.

Хронологические рамки исследования: последняя треть XIX – начало XXI вв. Выбор данного периода обусловлен особенностями генезиса идей «живого музея» в отечественной научно-философской мысли и их реализации в музейной практике. В частности, диссертантом был обнаружен наиболее ранний документ, где встречается оксюморон «живой музей» в музейно-выставочном контексте, который относится к последней трети XIX в. (Всеобщий календарь 1873 г.). В конце XIX в. была впервые сформулирована задача преобразования традиционного музея в активное, деятельное учреждение, сохраняющее историю для будущего (Н. Ф. Фёдоров). В концепциях и проектах 1910–1920-х гг. (П. А. Флоренский, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Б. М. Соколов) разрабатывались общие принципы создания «живых музеев». Вторая половина XX в. ознаменовалась становлением российских музеев под открытым небом и развитием их методики работы. Период конца XX – начала XXI вв. связан с формированием новых подходов к сохранению наследия и концепций музейного развития и проектирования, в которых принцип «живого музея» играет значительную роль.

Территориальные рамки исследования определяются темой и охватывают всю территорию исторической России (в зависимости от рассматриваемого периода, это – территория Российской Империи, СССР или РФ). Зарубежные модели и методики сохранения наследия рассматриваются в исследовании в аспекте их внедрения и освоения в отечественной культуре.

Источники исследования. Работа опирается на широкий круг письменных источников, позволяющих проследить возникновение и развитие идей, форм и методик «живого музея» в российском музееведении.

Первую, наиболее многочисленную группу составляют *повествовательные источники*, в числе которых – опубликованные воспоминания, дневники, личная переписка, научные отчеты и доклады, философские и научные труды (Л. А. Бострем, Б. Н. Бухгейма, В. П. Вахтёрова, М. А. Волошина, Д. А. Золотарёва, А. Н. Краснова, Д. С. Лихачёва, П. Н. Милюкова, П. П. Муратова, К. П. Победоносцева, В. П. Семёнова-Тян-Шанского, Б. М. Соколова, Н. Ф. Фёдорова, А. И. Филиппова, П. А. Флоренского и др.), содержащие прообразы, идеи, проекты «живого музея», а также – музеографические издания, отображающие особенности воплощения подобных идей в музейной практике¹. Среди *неопубликованных материалов* данной группы следует отметить корпус архивных документов, характеризующих нереализованный и малоизученный проект Московского этнопарка Б. М. Соколова (РГАЛИ)², и ряд сценариев и концепций (музеефикации, систем экспозиций и т. д.) из личного архива Т. П. Полякова и текущей документации Центра экспозиционно-выставочной деятельности ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» (Институт Наследия, Москва).

Вторая обширная группа источников включает материалы *периодической печати*, в том числе статьи в изданиях:

– «Городское дело», «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», «Исторический вестник», «Коми Му – Зырянский Край», «Русская мысль», «Этнографическое обозрение» и др., которые позволяют выявить прообразы «живого музея» конца XIX – начала XX вв.;

¹ Например, см.: Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. 1930–1931. Л., 1931. 8, [8] с.; Музеи и выставки Москвы и Подмосковья / сост. К. А. Ворчинская. М., 1947. 128 с.; Музей крестьянского быта Латвии XVII–XIX веков (Рига). Рига, 1958. 33 с.; Музей-заповедник «КИЖИ»: 40 лет / ред.-сост. И. В. Мельников; [кол. авт.: Б. А. Гущин и др.]. Петрозаводск, 2006. 201 с.; Путеводитель по Московской этнографической выставке. М., 1867. 35 с. и др.

² Российский государственный архив литературы и искусства, фонд братьев Соколовых (Ф. 483).

– «Архитектура СССР», «Вопросы музейного дела», «Музейное дело в СССР», «Очерки истории музейного дела в СССР», «Советский музей», «Советская этнография» и др., отражающие особенности музейной практики 1930–1980-х гг.;

– «Вестник Московского университета», «Вестник РГГУ», «Вестник Томского государственного университета», «Вопросы музеологии», «Вопросы культурологии», «Известия РАН», «Музей», «Труды ГИМ», «Труды СПбГУКИ», «Учёные записки музея-заповедника “Томская Писаница”», «Этнография», сериях изданий РГБ (Информкультура), «На пути к музею XXI века», сборниках материалов ежегодных конференций «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия», «Экологические проблемы развития музеев-заповедников» и др., которые дают возможность проследить этапы становления современного понятия «живой музей», его основные значения.

Третью группу составляют *источники официального происхождения* (документальные источники), в том числе – адресные справочники, календари, экономико-статистические сборники, делопроизводственные документы и др., содержащие сведения о малоизученных образах и объектах «живого музея» 1920–1930-х гг., документы стратегического планирования музейной работы, а также законодательные документы СССР и РФ, оказавшие влияние на становление и развитие отечественного музейного дела.

Кроме того, при подготовке диссертации использовались электронные источники, представляющие особенности современной деятельности российских музеев (официальные сайты музейных учреждений, материалы, опубликованные в официальных аккаунтах музеев в социальных сетях и т.д.).

Методология и методы исследования. Теоретико-методологической основой работы является культурологический подход к изучению музейной проблематики, обоснованный и апробированный в исследованиях Т. А. Алешиной, А. Ю. Волькович, В. П. Грицкевича, Л. С. Именновой,

М. С. Кагана, Т. П. Калугиной, А. М. Кулемзина, Е. Н. Мастеницы, А. Е. Мурзинцевой, Т. М. Пчелянской, С. В. Пшеничной, О. С. Сапанжи, М. Н. Чесноковой, Э. А. Шулеповой, И. А. Щепетковой, Т. Ю. Юрениной¹ и др.

Предлагаемая обобщающая дефиниция и модель «живого музея» опирается на категорию «деятельность» и актуализирует теоретические положения деятельностной концепции культуры. Апробация такого подхода в осмыслении проблем музейного развития была осуществлена в диссертации Л. И. Сизинцевой². Представленная работа ориентируется также на *динамическую модель* деятельностного подхода, которая рассматривает культуру как творческую деятельность человека (А. И. Арнольдов, Э. А. Баллер, Н. С. Злобин, Л. Н. Коган, В. М. Межуев и др.)³. Использование данной модели позволяет трансформировать привычное противопоставление «живого музея» и «мертвого хранилища» (Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский и др.)⁴ в противопоставление двух подходов к пониманию культуры – как нескончаемого процесса и как совокупности культурных ценностей.

¹ Например, см.: *Алешина Т. А.* Музей как феномен культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Ростов-на-Дону, 1999. 142 с.; *Грицкевич В. П.* История музейного дела в новейший период (1918–2000). СПб., 2009. 151 с.; *Именнова Л. С.* Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. М., 2011. 40 с.; *Каган М. С.* Музей в системе культуры // Вопросы искусствознания. 1994. № 4. С. 445–460; *Калугина Т. П.* Художественный музей как феномен культуры. СПб., 2008. 243 с.; *Кулемзин А. М.* Охрана памятников в России как историко-культурное явление: дис. ... д-ра культурол. наук: 24.00.03. Томск, 2001. 403 с.; *Пчелянская Т. М.* Социально-культурная детерминация музейной экспозиции. Культурологические аспекты: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2005. 164 с.; *Пшеничная С. В.* Музей как информационно-коммуникативная система: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2000. 220 с.; *Шулепова Э. А.* Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.02, 24.00.03. М., 1998. 42 с. *Юренина Т. Ю.* Музей в истории мировой культуры: генезис и эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.01. М., 2004. 36 с.

² *Сизинцева Л. И.* Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие: XIX – первая треть XX века: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. М., 1998. 22 с.

³ *Арнольдов А. И.* Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира. М., 1987. С. 5–27; *Баллер Э. А.* Социальный прогресс и культурное наследие. М., 1987. 160 с.; *Злобин Н. С.* Культура и общественный прогресс. М., 1980. 303 с.; *Коган Л. Н.* Теория культуры: учеб. пособие. Екатеринбург, 1993. 160 с.; *Межуев В. М.* Идея культуры: очерки по философии культуры. М., 2006. 408 с.

⁴ Музей, его смысл и назначение // *Фёдоров Н. Ф.* Собрание сочинений: в 4-х тт. М., 1995–1999. Т. II. С. 370–437; Троице-Сергиева Лавра и Россия // *Флоренский П. А.* Сочинения: в 4-х т. М., 1994–1999. Т. 2. 1996. С. 352–369.

Для решения поставленных задач используются философские методы, общелогические приемы и общенаучные методы. Среди частнонаучных и специализированных методов изучения приоритетное значение имеют:

– *интерпретация* как базовый метод культурологического исследования;

– *метод социокультурной рефлексии*, который позволяет конструировать культурологические понятия на основе результатов наблюдения;

– *историко-генетический (генетический) метод*, который применяется в исследовании для определения природы и условий возникновения концепции «живого музея» в культурном контексте России в конце XIX – начале XXI вв.;

– *типологический (историко-типологический) и сравнительный методы*, используемые для систематизации прообразов, идей, проектов и методик «живого музея», предложенных за длительное время развития концепции;

– *ретроспективный анализ*, который применяется для определения прототипов «живого музея» в советской музейной практике 1930–1980-х гг.;

– *терминологический анализ*, а также *типологический и хронологический историографический анализ*, которые помогают интерпретировать различные трактовки понятия «живой музей» на основе изучения их генезиса, сопоставления и уточнения значений;

– *метод моделирования (мысленного эксперимента)*, использующийся для уточнения прикладных аспектов деятельностной трактовки «живого музея» на примере существующих и перспективных музейных учреждений.

Научная новизна исследования определяется тем, что автор первым обращается к комплексному анализу идей и принципов «живого музея», сложившихся в российском музейном деле. Если говорить о конкретных результатах, обладающих научной новизной, то диссертантом впервые:

– обнаружены, систематизированы и введены в научный оборот ранее неизвестные прообразы «живого музея», содержащиеся в письменных источниках последней трети XIX – первой трети XX вв.; на их основе разработано контекстное определение выражения «живой музей», актуальное для первого этапа формирования концепции и оказавшее влияние на авторскую интерпретацию проблематики;

– идеи и проекты «живого музея» Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, В. Н. Всеволодского-Гернгросса, Б. М. Соколова, предложенные в конце XIX – первой трети XX вв., соотносятся и рассматриваются в широком культурном контексте прообразов, практик и современных методик динамичного подхода к сохранению историко-культурного наследия;

– определяются особенности развития и реализации принципов «живого музея» в советской музейной практике 1930–1980-х гг.; показано, что первая половина данного периода связана с возникновением в структуре музеев разнообразных вспомогательных учреждений и массовых форм просветительской работы, вторая половина – с образованием сети музеев под открытым небом и развитием их «живых» форм работы;

– прослеживаются этапы становления современного понятия «живой музей» в российских музейведческих публикациях середины 1980 – начала 2020-х гг. и его основные значения;

– соотносятся и интерпретируются актуальные концепции, развивающие идеи «живого музея» в методику мягкой музеефикации историко-культурного наследия и методику музейно-экспозиционного проектирования;

– выделяются основные этапы становления концепции «живого музея» в российском музейведении конца XIX – начала XXI вв.;

– разрабатывается обобщающее определение «живого музея» как творческой модели музейной деятельности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Традиционно считается, что появление идей «живого музея» исторически связано с концепциями Н. Ф. Фёдорова и П. А. Флоренского, однако данный оксюморон нередко встречается в письменных источниках последней трети XIX – первой трети XX вв. Анализ контекстов его использования позволяет выделить несколько основных прообразов «живого музея» (этнографическая выставка, культурный регион, природный объект и др.). Чаще всего встречаются два значения: «живой музей» как территория, где в естественных условиях сохраняются памятники и самобытная традиционная культура; «живой музей» как коллекция объектов живой природы, парк, сад или заповедник. Синтез этих значений дает контекстное определение: «живой музей» – это культурные и природные объекты, которые сохраняются в своем естественном состоянии – в динамике и развитии. Данная дефиниция характеризует идею «живого музея» в моменте ее проявления в первых философских и прикладных проектах, предложенных в конце XIX – первой трети XX вв.

2. В истории музейного дела России наиболее влиятельными оказались идеи и проекты «живого музея», сформулированные Н. Ф. Фёдоровым, П. А. Флоренским, В. Н. Всеволодским-Гернгроссом и Б. М. Соколовым. Каждый из этих авторов конца XIX – первой трети XX вв. внес свой вклад в современную концепцию «живого музея». В «Философии общего дела» Н. Ф. Фёдорова впервые прозвучало противопоставление «пассивного музея» (хранилища) и музея активного, сохраняющего прошлое для будущего. В концепции П. А. Флоренского, пытавшегося оградить Троице-Сергиеву Лавру от тотальной музеефикации, была сформулирована идея создания «живого музея», способного сохранить культурный объект в его развитии. В проектах В. Н. Всеволодского-Гернгросса и Б. М. Соколова были предложены ясные и понятные формы внесения «народной жизни» в музейное пространство (организация живого этнографического музея-театра или комплексного этнопарка). Оставшись нереализованными, данные

проекты превратились в своеобразные эталоны, на которые ориентируются современные музеееды, развивающие идеи и образы «живого музея» как технологию музейной работы.

3. В 1930-е гг. концептуальные и методические поиски принципа «живого музея» потеряли актуальность. Борьба с «музеем-хранилищем» превратилась в главный приоритет практической работы, трансформировавшей его в «культпросветкомбинат». Несмотря на ряд перегибов этой политики, положительным результатом стало возникновение в музеях разных «вспомогательных учреждений» публичного характера – прототипов современных «живых музеев» (учреждений музейного типа). В этом же качестве следует рассматривать динамичные формы представления народной культуры, сложившиеся в советских музеях под открытым небом в 1970–1980-е гг. и способствующие появлению новых подходов к представлению наследия, возрождающих идеи «живого музея».

4. Современное понятие «живой музей» сформировалось в российском музееведении в контексте обсуждения исторических концепций и идей, а также актуальных форм музейной работы, возникших на рубеже XX–XXI вв. Термин начал употребляться в 1980–1990-е гг., и к рубежу 2010–2020-х гг. сложилась практика его постоянного использования в нескольких значениях: «живой музей» П. А. Флоренского, музейная концепция Н. Ф. Фёдорова, «живой музей» как технология проектирования музейной экспозиции, «живой музей» как мягкая музеефикация, «оживший» этнографический музей, «живой музей» как аналог зарубежных техник актуализации наследия.

5. На современном этапе наибольшее значение имеют два концепта, развивающих идеи «живого музея» в методику сохранения наследия. Первый концепт – «живой музей» как мягкая музеефикация. Он объединяет влиятельные концепции уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов; Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова, П. М. Шульгин и др.), средового подхода (М. Е. Каулен) и этноэкологического подхода (В. М. Кимеев), каждая из которых предлагает свое решение проблемы

сохранения историко-культурных и природных объектов без их изъятия из хозяйственной деятельности человека. Второй концепт – «живой музей» как технология проектирования музейной экспозиции (Т. П. Поляков). В нем предлагаются универсальные инструменты для проектирования и анализа динамичных музейных объектов, а также формулируется важный принцип, гласящий – «живым» может быть любой музей, использующий соответствующие экспозиционные технологии.

6. На основе комплексного исследования исторических и современных идей, проектов, практик, а также их взаимосвязей, можно выделить три основных этапа развития концепции «живого музея» в российском музееведении: первый этап – формирование основных прообразов и принципов «живого музея» (конец XIX – первая треть XX вв.); второй этап – возникновение прототипов «живого музея» в непосредственной музейной практике (середина – последняя треть XX в.); третий этап – концептуализация идей «живого музея» и превращение их в методику сохранения историко-культурного наследия (конец XX – первые десятилетия XXI вв.).

7. Применение культурологического инструментария позволяет построить обобщающее определение, выделив в исторических и современных концептах «живого музея» их общие черты. В основе данного определения лежит интерпретация базового противоречия между традиционным и «живым» музеем как дихотомии «репродуктивной» (повторяемой) и «творческой» (обновляемой) моделей музейной деятельности. Исходя из этой дихотомии, «живой музей» – это особый творческий подход или творческая модель музейной деятельности, не ограниченная воспроизведением культурных образцов, а направленная на создание новых культурных форм и на поиск «живого в старом» (по выражению Д. С. Лихачёва). В основе любого проекта или объекта «живого музея» находится творческая деятельность его создателей и посетителей, актуализирующая процессуальный характер объектов культуры и наследия.

Теоретическая значимость исследования. Систематизация идей, принципов, методик «живого музея» способствует развитию теоретического инструментария российского музееведения. Рассматривая понятие «живой музей» как особую, динамичную модель сохранения историко-культурного наследия, автор уточняет ряд современных терминов, используемых для выявления, определения и изучения интерактивных форм музейной деятельности. В исследовании обсуждаются такие понятия, как «живой музей», «музей / парк живой истории», «технологии проектирования экспозиции», «технологии интерпретации экспозиции», «технологии, зоны и объекты живого музея», «средовой музей», «экомузей-заповедник» и др. Вместе с тем, решая поставленные задачи, диссертант формулирует новые термины, определения и теоретические модели, в том числе: контекстное определение «живого музея», основанное на прообразах конца XIX – первой трети XX вв.; обобщающее определение и деятельностную модель «живого музея», актуальные для современного этапа; дихотомию «репродуктивной» и «творческой» моделей музейной деятельности, объясняющую возникновение и будущие перспективные формы «живого музея». Наконец, интерпретация проблемы «живого музея» в контексте деятельностной теории культуры предлагает развитие теоретических подходов к изучению музейной проблематики, что напрямую или косвенно (в форме инициации дискуссии) может содействовать совершенствованию методологии отечественного музееведения.

Практическая значимость исследования. Представленное исследование носит прикладной характер и направлено на развитие методики отечественного музейного дела. Материалы и выводы исследования предназначены для использования при проектировании музейных экспозиций, зон и объектов «живого музея», в процессе стратегического и текущего планирования музейной деятельности, в контексте разработки концепций развития музеев, музейно-парковых комплексов, музеев под открытым небом и концепций музеефикации историко-культурных объектов,

в том числе в формате «живого музея». Кроме того, полученные результаты могут быть использованы для подготовки научно-методического пособия, а также в образовательных целях.

Личный вклад соискателя состоит:

– в постановке проблемы комплексного изучения идей, принципов и методик «живого музея», сложившихся в российском музееведении; в выборе и обосновании методологии и методики данного исследования, а также в сборе эмпирических материалов, их обобщении и теоретическом осмыслении;

– в поиске и введении в научный оборот ранее неизвестных прообразов «живого музея», сохранившихся в источниках конца XIX – первой трети XX вв., и разработке определения, актуального для первого этапа становления концепции;

– в выявлении наиболее влиятельных исторических концепций и проектов «живого музея» (Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, В. Н. Всеволодского-Гернгросса, Б. М. Соколова), их интерпретации и сопоставлении;

– в ретроспективном анализе музейной практики 1930–1980-х гг., обусловившей взаимосвязь исторических и современных идей, проектов, методик; изучении прототипов «живых музеев», сложившихся в указанный период;

– в определении генезиса, основных этапов формирования и ключевых значений актуального термина «живой музей», используемого в современном российском музееведении (середины 1980 – начала 2020-х гг.);

– в анализе и сопоставлении современных концепций, превращающих идеи и принципы «живого музея» в методику музейной деятельности;

– в реконструкции основных этапов формирования концепции «живого музея» в российском музееведении, разработке обобщающей дефиниции и авторской методики «живого музея».

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов, в том числе пунктам: 6. История, теория и практика охраны культурного и природного наследия; 9. История музейного дела и реставрации; 27. Музейное экспонирование; 33. Музей как феномен культуры. Музей в контексте культуры; 34. История отечественных музеев и их роль в российской культуре.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности проведенного исследования обусловлена комплексным изучением научной проблемы. По теме исследования опубликовано 15 работ, в том числе – 6 статей в периодических изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по научной специальности 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов.

Основные результаты исследования были апробированы диссертантом в выступлениях на конференциях и круглых столах различного уровня: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Экспозиционная деятельность музеев-заповедников и современные музейные практики в контексте реализации “Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года”: проблемы брендинга территорий» (Московская область, Институт Наследия, Музей-заповедник «Горки Ленинские», 26–27.11.2020); Научно-практическая конференция «Музей и город. История. Коллекции. Практика» (Московская область, Музеи наукограда Королёв, 14–15.09.2021); VI, VII, VIII Научно-практическая конференция аспирантов и молодых ученых «Науки о культуре и искусстве: перспективные исследования» (Москва, Институт Наследия, 24–25.01.2022, 23–24.01.2023, 23–24.01.2024); Круглый стол «Война и Музей: особенности экспозиционной деятельности военно-исторических музеев России на современном этапе» (Москва, Институт Наследия, 18.12.2023);

IV научно-практическая конференция «Исследователь в музее: традиционные методы и новые технологии» (Москва, Музей-панорама «Бородинская битва», 05–06.09.2024).

Апробация материалов исследования осуществлялась также в ходе выполнения государственного задания ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» (Институт Наследия, Москва) по темам НИР: Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», 2019–2020 гг. (№ АААА-А19-119050790063-3); Современные музейно-парковые комплексы в России: оригинальные проекты и проблемы их реализации, 2021–2022 гг. (№ 122031400578-3); Война и Музей: особенности экспозиционной деятельности военно-исторических, военно-морских и военно-патриотических музеев России на современном этапе, 2023–2024 гг. (№ 123011600029-9).

Практическая реализация отдельных положений осуществлялась в рамках проектной деятельности, осуществляемой в Институте Наследия (проекты «Остров фортов», Кронштадт, 2020 г., Музей истории ВМФ, Москва, 2021 г., и др.), а также в ФГБУК «Государственный исторический музей-заповедник “Горки Ленинские”» (Концепция развития музея-заповедника в 2019–2025 гг.; Концепция музеефикации оранжерейного комплекса усадьбы «Горки», 2021 г.).

Структура работы обусловлена проблематикой, целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка литературы. Общий объем диссертации 257 с. Список литературы включает 450 наименований.

ГЛАВА 1.

ГЕНЕЗИС КОНЦЕПЦИИ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» В МУЗЕЕВЕДЧЕСКИХ РАБОТАХ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ КОНЦА XIX – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.

Середина XIX в. в России характеризуется развитием исторической науки, археологии и этнографии, что приводит к накоплению значительного объема вещественных источников и расширению музейного строительства¹. В этих условиях складывается понимание музея как хранилища уникальных предметов старины, общественной и природной истории, которое стало традиционным для российской культуры и поныне остается приоритетным. Уже на том этапе данное восприятие музея находило как своих сторонников, так и критиков. Наиболее яркие идеи, стремящиеся к преодолению противоречивого тождества «музея – хранилища», вошли в историю музейной мысли как первые проекты «живых музеев». К ним относятся, главным образом, музейно-философские концепции Н. Ф. Фёдорова и П. А. Флоренского.

В первой главе диссертации данные проекты рассматриваются в широком историко-культурном контексте. Первый параграф посвящен поиску практически неизвестных предложений или прообразов «живого музея», зафиксированных в письменных источниках конца XIX – первой трети XX вв., но не отображенных (или мало представленных) в историографии изучаемой темы. Во втором параграфе производится обзор и сопоставление наиболее известных концептов «живого музея», сформулированных в указанный период. Наконец, третий параграф обращается к анализу музейной практики 1930–1980-х гг., которая позволяет проследить взаимосвязь исторических проектов и современных методик работы «живых музеев».

¹ Разгон А. М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1957–1971. Вып. V. 1963. С. 218–221.

1.1. Основные прообразы «живого музея» в публикациях последней трети XIX – первой трети XX вв.

Традиционно считается, что выражение «живой музей» начали употреблять Н. Ф. Фёдоров и П. А. Флоренский¹. Однако в работах Н. Ф. Фёдорова, посвященных музеям и выставкам, это выражение не встречается, хотя противопоставляется концепция музея как деятельного учреждения, направленного на «воскрешение всех ушедших поколений», и традиционного музея как «хранилища». Что касается П. А. Флоренского, то еще до него оксюморон «живой музей» появляется в отечественных публикациях, начиная с последней трети XIX в.

Данный факт ранее не рассматривался подробно исследователями, занимавшимися проблематикой «живых музеев». Исключением является только публикация Л. С. Алексеевой, А. В. Горбатова², в которой упоминаются строки Н. К. Рериха, содержащие указанный оксюморон³. Потому одна из задач диссертационного исследования заключалась в поиске и анализе *иных*, как позже выяснилось – весьма многочисленных случаев употребления выражения «живой музей» в XIX – начале XX вв. Результаты проведенного генетического исследования, позволившего выявить основные прообразы «живого музея» и построить контекстное определение, актуальное для выбранного исторического периода, представлены в первом параграфе.

Источниковая база исследования была сформирована с помощью автоматизированной информационной системы НЭБ. Она включила повествовательные письменные источники последней трети XIX – первой трети XX вв. (наиболее ранний источник – 1872 г., наиболее поздний –

¹ Например, см.: Поляков Т. П. Учение академика Д.С.Лихачёва об экологии культуры в контексте современного «живого музея» // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С.Лихачёва: науч. сб. по мат. Междунар. юбилейной науч. конф. М., 2017. С. 115.

² Алексеева Л. С., Горбатов А. В. Деятельность церковных музеев Сибири по сохранению историко-культурного наследия // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 101–108.

³ Эти строки были подготовлены Н. К. Рерихом по поводу заседания межведомственной комиссии по вопросу об охране памятников старины, созданной в 1908 г. при Императорской археологической комиссии (1869–1919). Подробнее см. ниже.

1929 г). В их числе – документы личного происхождения (письма, мемуары), периодика, публицистика, научные труды и отчеты, адресные справочники.

В результате работы с этими первоисточниками было определено несколько контекстов использования оксюморона «живой музей». Безусловно, данное выражение нередко выступало частью весьма *отвлеченного поэтического образа*. Например, его использовал В. О. Ключевский в биографической статье, подготовленной к 100-летию со дня смерти И. Н. Болтина, где писал, что этот российский просветитель первым высказал «в литературно-ученой обработке мысль, что современность есть *живой музей древностей*, ходячая летопись прошедшего [здесь и далее выделено мной – Т. З.]»¹. В. П. Вахтёров в своей книге «Предметный метод обучения», посвященной идее вовлечения в учебный процесс всех чувств детей, «живым музеем» называл времена года². Наконец, М. А. Волошин использовал этот оксюморон, описывая Феодосию периода Гражданской войны. В данном случае хотелось бы привести полную цитату:

«Я рекомендовал сохранить один из дворцов во всей его неприкосновенности внутренней обстановки, выкрасть где-нибудь на Кавказе чету бежавших буржуев и поселить их, как Адама и Еву, в этом идеальном раю мещанства, чтобы сохранить их семейный и хозяйственный быт для наглядного сравнения с формами грядущего пролетарского рая. Большевики, занятые политической суетой и Владиславовским фронтом, к сожалению, не оценили всего социально-педагогического значения моего предложения. К счастью, приход добровольцев, которые привезли с собою всех представителей временно исчезнувшего вида, снова превратили Екатерининский проспект в *живой музей*, своими богатствами и научной полнотой способный соперничать с самой Аскания-Нова»³.

¹ Ключевский В. О. И.Н.Болтин (6 октября 1792 г.) // Русская мысль. Г. 13. Кн. 11 [Ноябрь]. М., 1892. С. 128.

² Вахтеров В. П. Предметный метод обучения. М., 1911. С. 277.

³ Волошин М. А. Искусство в Феодосии // Очерки и статьи, опубликованные в 1917–1927. С. 450. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005437033/ (дата обращения: 04.03.2024).

Можно было бы привести еще несколько красочных примеров. Но приоритетное внимание следует сосредоточить на тех случаях использования искомого выражения, которые способны заинтересовать специалистов в *области охраны наследия и музееведения*. Еще раз подчеркнем, что их в публикациях конца XIX – первой трети XX вв. оказалось немало. Представим разнообразие этих контекстов, выделив основные прообразы «живого музея».

Первый прообраз: выставка как «живой музей». Одно из первых упоминаний оксюморона «живой музей» встречается в описании московской *Политехнической выставки 1872 г.*, оно вошло как приложение во Всеобщий календарь 1873 г.¹ Автор, подписавшийся А. Н., использовал данный оксюморон, оценивая устройство туркестанского отдела выставки, которое произвело на него и других посетителей сильное впечатление:

«Вмещающая в себе решительно всё относящееся к производительности вновь приобретенного края, отдел этот дал нам один из самых интересных уголков выставки, и каждый из ее посетителей не мог не поблагодарить гг. распорядителей за ту услугу, которую они принесли обществу устройством такого *живого музея*, каким показался нам отдел туркестанский». В особенности удивительной была его этнографическая часть, организованная в духе *обстановочных сцен* с ростовыми манекенами: «Базар и улица, обстроенная лавками, наполненная живыми людьми, погруженными лишь в какой-то магнетический сон, сразу же переносили вас на далекий юго-восток, воспроизводили пред вами повседневную жизнь его обитателей»².

Следует отметить, что строительство подобных архитектурно-бытовых экспозиций стало распространенной практикой во время Всемирных выставок; об этом упоминает в своих работах известный российский скансенолог В. В. Тихонов³. Он описывает, что в 1867 г. на парижской выставке была представлена экспозиция «Улица народов», состоявшая «из

¹ Обзор Московской Политехнической Выставки 1872 года [Приложение № 1] // Всеобщий календарь: 1873. СПб., [1872]. LXIV, 554, 24 с.

² Там же. С. 5–6.

³ Тихонов В. В. Особенности и перспектива формирования методической базы этнографических музеев под открытым небом в СССР и России // Омский научный вестник. 2012. № 5(112). С. 251–254.

макетов уникальных деревянных скандинавских построек эпохи позднего средневековья с галереей манекенов, одетых в национальную скандинавскую одежду». Считается, что строительство этих обстановочных сцен, в котором принимал участие А. Хазелиус (в частности, в создании выставки 1878 г.), стало предтечей наиболее влиятельного в истории музея под открытым небом «Скансен-парк»¹.

Российская выставочная деятельность второй половины XIX в. развивалась в лоне мировых тенденций². В частности, масштабные обстановочные сцены, воспроизводящие «живую этнографическую карту России»³, составили основу Московской этнографической выставки 1867 г. Она была организована Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ; 1863–1931) при участии мецената, будущего директора Московского Публичного и Румянцевского музеев В. А. Дашкова⁴, возглавившего комитет выставки⁵. Концепция мероприятия была подготовлена А. П. Богдановым, который опирался на опыт Всемирной выставки в Лондоне 1862 г. Научная концепция разрабатывалась учеными Московского университета⁶.

Позволим себе достаточно полно обрисовать структуру и экспозицию этой выставки, пусть и не названной «живым музеем», но безусловно тяготеющей к этому образу и его характеризующей. Воспользуемся путеводителем 1867 г.

В середине «огромного московского манежа», напротив царской ложи, посетителя встречала центральная «великорусская группа». Обратим

¹ Там же.

² Подробнее о выставках см.: Михайловская А. И. Из истории промышленных музеев и выставок капиталистической России // Очерки музейного дела в СССР. Вып. VI. 1968. С. 312–380; Иванова О. А. Всероссийская этнографическая выставка 1867 года (исторический очерк) // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок: сборник [ст.]. М., 1972. С. 99–142.

³ Путеводитель по Московской этнографической выставке. М., 1867. С. 6.

⁴ Подробнее см.: Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете в 1867 году. М., 1867. 114 с.

⁵ В комитет вошли А. П. Богданов, Г. Е. Щуровский, Д. Д. Сонцов, Н. Г. Керцел-ли, Н. К. Зенгер, В. А. Соболев, Н. Березницкий, Н. А. Попов, А. П. Федченко; подробнее см.: Иванова О. А. Всероссийская этнографическая выставка 1867 года (исторический очерк) // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок. С. 99–142; Соловей Т. Д. Всероссийской этнографической выставке 1867 года в Москве – 155 лет // Культурное наследие России. 2022. № 1(36). С. 62–68.

⁶ Там же.

внимание, что ее сердцем стала «сельская ярмарка», отчасти закрытая «крышами наскоро устроенных домиков». Рядом с ними были «сгруппированы предметы деревенской великорусской промышленности». Наиболее высокой точкой обстановочной группы выступила реконструкция «ветряной мельницы», позади которой был виден «купол деревенской церкви (декорация), выглядывающий из-за купы сосновых и еловых деревьев»¹.

Подходя ближе к ярмарочной группе, посетитель видел *замершую сцену из крестьянской жизни*. «Прежде всего, – отмечается в путеводителе, – кидается в глаза группа вожака медведей. И крестьянин и его четвероногие плясуны очень хороши. Не дурен правее этой группы ... мальчик у разложенного лотка с деревенскими лакомствами. Очень хорош крестьянин, купивший у него фунт орехов... и женщина, с которой он говорит ...Заметим далее три богатые женские костюма, еще далее прекрасную мужскую фигуру в черном армяке, потом типическую фигуру фабричного крестьянина с гармоникой в руках, у которого на лице написано, что ему добром не кончить». Наконец, «у подножия холма, стоит телега с привязанной к ней лошастью... это прикатил на ярмарку Рязанец, горожанин, и как заметно фронт»². Отметим, что в целом, центральную группу составило около 60-ти фигур, одетых в «подлинную» национальную одежду. Они были установлены на возвышении рядом с мельницей, а задним фоном выступило *живописное полотно*, изображающее село.

Бегло осмотрим другие группы. От ярмарки была несколько отделена экспозиционная зона с *кузницей* – она примыкала «к группе Уральских казаков». Влево от центральной декорации разворачивалась обстановочная группа «Белорусов, Литовцев и др., расположенная вдоль опушки *соснового леса*». Вправо уходило несколько групп – «малороссийская, расположенная вокруг обыкновенной *малороссийской мазанки*», «группа Русских, населяющих восточную часть Галиции и Царства Польского и рассыпанных

¹ Путеводитель по Московской этнографической выставке. 1867. С. 5.

² Там же. С. 14–15.

в Венгрии», и «польская группа». Далее них следовали декорации «заграничных славян»¹ – «Чехов, Хорватов, Сербов, Черногорцев и пр.». Причем, манекены черногорцев «в сверкающем белизной костюме» выглядели «из-за *каменных уступов горы*, маскирующей угол манежа»².

Вдоль одной из стен была установлена галерея с «павильоном в русском стиле». Под ним, «в *темном углублении*», располагалась обстановочная группа закавказских «Гвербов»³, организованная вокруг очага. Далее посетителя встречал живописный кавказский отдел, обозначенный *характерным пейзажем*: «гора, убранный азалеями и рододендронами, а на вершине соснами, за которыми уходят вдаль снеговые вершины». Среди красочных декораций чернела «бурка Черкеса», а также был устроен «духан», объединивший «жителей Кавказа и Закавказья». Продолжая осмотр экспозиции, гости знакомились с ландшафтно-архитектурными группами, устроенными по схожим принципам. В их центре находились фигуры «Киргизов», «Туркменов», «Татар», «Черемисов», «Мордвы», «Самоедов», «Камчадалов» и др.⁴

Следует сказать, что всего на выставке было *около 300 ростовых манекенов*, большинство из которых изготовлены художниками И. Гейзертом⁵, С. П. Закревским, С. И. Ивановым, А. М. Любимовым, Н. А. Рамазановым, И. Л. Севрюгиным, И. В. Шаманским и Я. М. Яковлевым. Некоторые манекены были получены в дар – от Императорского Русского географического общества, Эстляндского литературного общества, а также частных лиц – фабриканта Л. Феликса

¹ Следует отметить, что к выставке был приурочен созыв Славянского съезда, который должен был засвидетельствовать покровительственную роль России в отношении зарубежного славянства.

² Путеводитель по Московской этнографической выставке. 1867. С. 6–7.

³ Согласно энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, гевебы – это персияне, последователи учения Заратустры; некоторое число их поселилось в Баку в XVII в., еще при персидском владычестве. Известно, что недалеко от Баку, на Апшеронском полуострове, находился храм огня. Вероятно, он стал прототипом этой обстановочной группы.

⁴ Путеводитель по Московской этнографической выставке. 1867. С. 7–9.

⁵ В каталоге выставки упоминается только фамилия художника; имя указано по каталогу Музея антропологии и этнографии РАН (СПб.), который содержит гипсовые горельефы с изображением народов Африки, выполненные в 1860-е гг. художником Иваном Гейзертом; См.: Кунсткамера. Коллекции онлайн [официальный сайт]. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/36712?fund=37&index=23> (дата обращения: 13.02.2024).

(Славония) и директора Коломенского банка Г. Я. Буфеева¹. Традиционная одежда и предметы обихода тоже были получены в дар; значительная часть была передана правительственными инстанциями, местными администрациями и губернскими статистическими комитетами. Остается сказать, что после закрытия выставки эти манекены, их одеяния и бытовые предметы составили основу Дашковского этнографического музея, образованного в структуре Московского Публичного и Румянцевского музея. Но его экспозиция была составлена по другим принципам, близким коллекционному методу².

Второй прообраз: этнокультурные и исторические территории как «живой музей». Этнографическая тематика, так подробно расписанная на предыдущих страницах, неразрывно связана с оксюмороном «живой музей». Об этом говорят не только те исторические параллели, которые мы постарались провести, рассказывая об Этнографической выставке 1867 г. Дело в том, что выражение «живой музей» чаще всего использовалось в публикациях конца XIX – первой трети XX вв. именно в контексте описания исторических поселений, районов, регионов, где сохранялась *самобытная народная культура*, исторические памятники и традиционный уклад жизни.

Россию в целом называли «живым этнографическим музеем» в своих работах П. Н. Милюков и В. В. Богданов. Историк и общественный деятель, П. Н. Милюков в труде «Очерки по истории русской культуры» (Ч. 1, 1898) писал: «Пестрота племенного состава до сих пор превращает Россию в *живой этнографический музей* всевозможных народностей ... Тогда как на западе Европы уже со времени переселения народов чуть не каждый клочок земли имеет свою межу, своего владельца, – у нас через всю историю красной нитью проходить процесс расселения жителей на пустых ...

¹ Всероссийская этнографическая выставка... 1867. С. 19, 98, 102, 107.

² Подробнее об истории Дашковского музея и его экспозициях см.: Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею / Моск. публич. и Румянцев. музеи. М., 1905. 64 с.; Музейные коллекции традиционного русского костюма: формирование и проблемы хранения. Систематическое описание русской коллекции Дашковского этнографического музея, 2-я половина XIX века / Сост. Т. Р. Валькова, О. Н. Климова. Отв. за выпуск А. В. Ефимов. М., 2019. 186 с.

пространствах. Этот процесс колонизации русской земли точно также далеко не закончился в настоящую минуту, как и процесс слияния различных этнографических элементов русского населения»¹. Это же выражение и значение мы встречаем в рецензии крупнейшего отечественного этнографа В. В. Богданова на шестой том издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (1902)².

В публикациях Л. П. Загурского, Д. А. Золотарева, В. П. Налимова, В. И. Смирнова, И. Н. Смирнова, А. Суздальцева, Н. Н. Харузина, Г. Ф. Чурсина «живым музеем» названы *отдельные регионы России*.

Приват-доцент Московского университета и один из основателей российской этнографии Н. Н. Харузин именует «живым музеем» район Томской губернии – от г. Барнаула до Костина Лога и Микешина Лога – в статье «Среди новоселов». Она посвящена поездке ученого по старым и новым селениям, совершенной в 1896 г. В большинстве деревень он встречал смешанное население, а потому написал: «Путешествующий попадает сразу как бы в *живой этнографический музей*: рядом с коренными сибиряками, ... встречаешь здесь жителей Курской и Самарской, Вятской, Тамбовской и Орловской, Рязанской и Саратовской, Воронежской и Могилевской, Нижегородской, Симбирской, Уфимской, Пермской, Казанской и др. губ., малороссов из Черниговской и Полтавской губ., чувашей, мордву, старообрядцев из Саратовской губ. и пр.»³.

Краевед А. Суздальцев называет «живым музеем» Туркестан, излагая древнейшую историю региона. В 1919 г. он писал: «Туран стал провинцией Ирана. Это, однако, не помешало дальнейшему развитию.... Персы были

¹ Миллюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1898. С. 51–52.

² В. В. Богданов пишет: «... автор обходит описание в.-р. племени в бытовом отношении, отсылая читателя к 1-му тому. Интересно, как эту не только “настольную” книгу, но и “дорожную” брать в дорогу? Едешь на Волгу, забирай с собой все 20 томов! Ведь любой русский район есть *живой этнографический музей*; стало быть, он всё найдет; стало быть, без какого-либо тома “России” в дороге не обойдешься»; См.: Вл. Б. [Богданов В. В.]. Отчеты о новых изданиях: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией В. П. Семенова и под общим руководством П. П. Семенова и В. И. Ламанского. Т. VI. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. СПб. 1901 // Этнографическое обозрение. 1902. № 1. С. 124.

³ Харузин Н. Н. Среди новоселов (от Барнаула до Костина Лога) // Русская мысль. Г.18. Март. 1897. С. 19.

вообще известны своею веротерпимостью и к этому времени Туран был *живым музеем всех религий и культов Востока*¹.

Этнограф, сотрудник Академии истории материальной культуры Д. А. Золотарёв в отчете о работе этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях в 1921–1922 гг.² отмечал: «На берегах Мологи есть деревни, как Усть-Кировское, где сохраняются *живые музеи украшений русской избы*, то необычайно просто, то вычурно и ярко убраной кружевной резьбой очень разнообразного в одном селении рисунка»³.

В целом *Русский Север* (и в частности, «область Коми») назвал «живым музеем» профессор Московского университета, географ и этнограф В. П. Налимов (1924)⁴, отмечавший, что здесь «происходит полное сочетание сожителства более ранних культур с элементами культуры более позднейшими». Кроме того, селения еще одного района, близкого к Русскому Северу – Костромского края – охарактеризовал как «*живой музей русской одежды*» краевед и музейный деятель В. И. Смирнов (1926)⁵.

Другой российский регион, который часто именовали в публикациях конца XIX – первой трети XX вв. «живым этнографическим музеем», – это *Кавказ и Закавказье*. Например, данное выражение встречается в статье члена Кавказского отдела Императорского Русского географического общества Л. П. Загурского (1884), посвященной изучению горцев Кубанской области⁶.

¹ Суздальцев А. Краткий обзор истории Туркестана (Турана) // Туркестан и сопредельные страны (Бухара, Кашгар, Афганистан, Персия и Хива) / под ред. Ю. Ю. Рустейко и П. М. Войтик. Самара, 1919. С. 91.

² Д. А. Золотарёв указывает, что экспедиция была организована по инициативе Разряда этиологии Российской Академии Истории Материальной Культуры в Петрограде и при участии Этнографического Отдела Русского Музея, Комиссии по изучению племенного состава населения России, Отделения Этнографии Русского географического общества.

³ Золотарев Д. А. Работа этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях [Доклады 1921, 1923 гг.] // Изв. РАИМК. Т. III. 1924. С. 19.

⁴ Налимов В. К этнологии Коми (наброски) // Коми Му – Зырянский Край. 1924. № 3. Май. 1924. С. 45.

⁵ В. И. Смирнов пишет: «В деревне Костромского края, одним словом, как в *живом музее* можно изучать историю русской одежды век за веком, так как памятники ее сохранились, застывши, так сказать, в прежнем виде в течение ряда столетий»; См.: Смирнов В. Население Костромского края в прошлом и настоящем // Прошлое и настоящее Костромского края. Кострома, 1926. С. 79.

⁶ Говоря о миграциях военного и послевоенного времени, Л. П. Загурский пишет: «Для любознательных исследователей остается только южная часть Кубанской области, сохранившая остатки

Профессор Казанского университета И. Н. Смирнов назвал Кавказ в целом «*живым колоссальным этнографическим музеем*» в работе, посвященной механизмам аккультурации, сложившимся в российском государстве (1892)¹. То же обозначение мы встречаем в статье «Население» из статистико-экономического сборника «Закавказье» (1925), подготовленной этнографом, заведующим Историко-этнологическим отделом Закавказской научной ассоциации при ЗакЦИКе, Г. Ф. Чурсиным: «...постепенно, в течение ряда веков, и создалась в Закавказье та пестрота племенного состава, которая всегда поражала путешественников и исследователей и придавала стране характер некоторого рода *живого этнографического музея*»².

В еще одну группу можно объединить публикации, в которых выражение «живой музей» используется в контексте описания *зарубежных городов и регионов*. К ней относятся – статья И. Василевского, посвященная Гамбургу («Время вовсе не коснулось этого архаического уголка, *живого музея* старой Ганзы...»)³; публикация В. А. Гордлевского, рассказывающая о русской старообрядческой деревне под Ак-шехиром в Турции («Под влиянием вечного брожения в Малой Азии создался *живой этнографический музей*, обзор которого объясняет историю страны»)⁴; брошюра М. С. Годеса,

горцев и представляющая собою живой этнографический музей»; См.: *Загурский Л. П.* По поводу трудов Е.Д.Фелицына о горах Кубанской области // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Т. VIII. 1884. Вып. 2. С. 363.

¹ К слову, И. Н. Смирнов подмечает важное отличие русского и европейского менталитетов, актуальное поныне: «Нам мерещатся прусские образцы – школы с преподаванием исключительно на государственном языке, с запрещением детям говорить в стенах училища и вне его на родном языке. Нужно сидеть всю свою жизнь в кабинете и смотреть на вещи исключительно западными – немецкими, мадьярскими, галицийско-польскими глазами, чтобы не видеть, как претит русскому чувству эта противоречащая нашей истории система. Немец видит в поляке, французе врага, которого нужно согнать с земли, раздавить; русский, селившийся рядом с инородцами на колоссальных пустынных пространствах, исторически не мог воспитать в себе этого чувства: он ... не прочь поэксплуатировать его, как и своего брата – простака, но он же живо подмечает добрые стороны инородца, сочувственно оценивает их и далек от истребительных вожелений немца, мадьяра и озлобленного историческими неудачами поляка»; См.: *Смирнов И. Н.* Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Исторический вестник. 1892. Г. 13. Март [Т. 47]. С. 752, 763.

² *Чурсин Г. Ф.* Население // Закавказье. Советские республики: Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия, Аджаристан, Юго-Осетия, Наг. Карабах, Нахичевань. Статистико-экономический сб. Изд. высшего экономического совета З.С.Ф.С.Р., 1925. С. 142.

³ *Василевский И.* Гамбург // Европа. Иллюстрированный географический сборник / под ред. А. Крубера, С. Григорьева, А. Баркова, С. Чефранова. М., 1912. С. 249.

⁴ *Гордлевский В. А.* Уголок России в Турции. Старообрядческая деревня под Ак-шехиром // Русская мысль. Г. 33. Кн. XII [Декабрь]. 1912. С. 119.

обращенная к китайскому вопросу («Для человека, знакомого немного с историей Европы в последнее тысячелетие, Китай послужит *живым музеем*. Там одинаково богато представлены и XI и XX вв.»)¹. Также в эту группу входит работа «Латинский квартал. Квартал Марэ» А. Борового, которая посвящена одному из старейших районов Парижа, практически не затронутому масштабной модернизацией города в 1860–1870-е гг. Данную цитату хотелось бы привести максимально полно:

«Воистину, квартал-музей! И никакие литографии, никакие планы, развешанные чинно по стенам, не научат вас так полно, так разносторонне, как прихотливое блуждание среди обломков старины. Увы! И в этот *живой музей* вторглась святотатственная рука реформатора ... Перед Hotel de Sens выстроили рынок, ... производящий удручающее впечатление рядом с капризной выдумкой XV века. Еще ужаснее поступили с Hotel Sully. От улицы он был отделен низкими стенами. ... Современные хозяева дворец превратили в доходный дом. Они наложили по три этажа с каждой стороны ворот, и теперь самое испытующее око не угадает с улицы сокровища, скрытого за ординарными мещанскими постройками»².

Нельзя не заметить, как эти заметки рифмуются с идеями, высказанными в 1909 г. Н. К. Рерихом. Рассуждая о формировании комиссии по выработке положения об охране старины, он говорил о важности поиска не только «культурных», «археологических», но и «человеческих» путей сохранения памятников, о необходимости создания «обществ друзей старины». Рерих писал: «Не в сумраке темниц, как многие музейные предметы, должны памятники доживать свой век; они должны светить всей праздничной жизни народа. Не застраивайте памятников доходными домами; не заслоняйте их казармами и сараями, дайте памятнику то “чистое” место, которое он имел при создании, — и к такому *живому музею* пойдет толпа»³.

¹ Годес М. Что такое кемалистский путь и возможен ли он в Китае? Л., 1928. С. 53.

² Боровой А. Латинский квартал. Квартал Марэ // Культурные центры Европы. Т. 4. Париж. / А. Боровой, Я. Глотов, Б. Лопатинский [и др.]. М., 1916. С. 123.

³ Рерих Н. По старине // Городское дело. 1909. № 6 (15 марта). С. 41–44.

Словом, он призывал к сохранению вокруг исторических объектов той архитектурной и природной среды, что окружала их при создании.

Следует добавить, что этот образ «живого музея», запечатленный в словах Н. К. Рериха, оказался наиболее влиятельным и известным из всех рассматриваемых в параграфе. Как уже отмечалось, он отображен в исследовании современного сибирского музееведа Л. С. Алексеевой¹. Но еще интереснее тот факт, что данная заметка Рериха обсуждалась на страницах предреволюционных изданий. В частности, – в статье А. А. Миронова «Из жизни археологических учреждений», где «общества друзей старины», пропагандируемые художником и сторонником «живых музеев», сравнивались с губернскими учеными архивными комиссиями².

Возвращаясь к контекстному анализу работ, содержащих выражение «живой музей», отметим, что некоторые из них были посвящены *реальным музейным учреждениям*. Близким к этнографическому значению данного выражения выступает доклад «Финляндские общества родиноведения», сделанный учредителем Костромского научного общества по изучению местного края В. И. Болотовым (1913). В нем рассказывается, в том числе, о создании на окраине Хельсинки «живого музея» (то есть музея под открытым небом) *Сеурасаари*³. Автор пишет, что его история началась в 1909 г., когда «сюда перевезена была из глуши центральной Финляндии торна (хутор) Ниемелэ со всеми постройками (18-го века), хозяйственными принадлежностями и обстановкой; в 1911 г. кроме торны здесь уже находились еще рыбачьи, почтовые и церковные (24-весельные) лодки, лопарский шалаш и наконец церковь (постройки 17-го века), перевезенная сюда из Абосской губернии»⁴.

¹ Алексеева Л. С., Горбатов А. В. Деятельность церковных музеев Сибири по сохранению историко-культурного наследия. 2018. С. 101–108.

² Миронов А. А. Из жизни археологических учреждений // Исторический вестник. 1909. Т. 116. № 6. С. 1027–1036.

³ Основателем известного финского музея «Сеурасаари» был этнограф и археолог, профессор Хельсинкского университета А. О. Хейкель. Считается, что он был вдохновлен опытом шведского «Скансена», создавая свою «миниатюрную Финляндию».

⁴ Болотов В. И. Финляндские общества родиноведения // Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края. За 1912 год (Г. 1). Кострома, 1913. С. 30–34.

Рассуждая в духе Н. К. Рериха и А. Борового, московский искусствовед Б. Н. Бухгейм отмечает эпитетом «живой» римский музей в Термах Диоклетиана. В книге «По Италии» (1914) он восхищается подлинным обликом собранных здесь произведений античного искусства: «Из всех музеев Рима только *музей Терма* действительно *живой музей*. ... И так странно, что такая метаморфоза возможна именно здесь, где нет почти ни одной цельной статуи, где всё собранное стоит так, как было когда-то найдено. От некоторых фигур остались одни торсы, от других уцелели только головы или отдельные конечности. Но именно это ревнивое оберегание произведений искусства от варварской реставрации, этот черновой вид музея придают ему жизнь»¹.

Наконец, неоднократно встречаются упоминания о *живом музее* – Учебно-показательном питомнике на Крестовском острове в Петрограде-Ленинграде, где «экскурсанты и учащаяся молодежь знакомятся с различными отраслями сельского хозяйства на *живых образцах и показательных участках*»². Напомним, что этим музеем руководил М. В. Новорусский – революционер и музейный просветитель, апологет образовательной миссии музея³. И отметим, что данное контекстное значение: «живой музей» как некий природный объект – одно из *наиболее часто встречаемых* в публикациях конца XIX – первой трети XX вв. Потому рассмотрим эти случаи подробнее.

Третий прообраз: природные объекты как «живой музей». В ряде подобных работ искомый оксюморон используется для описания *коллекций или экспозиций объектов из живой природы*. Например, агроном и публицист А. П. Мертваго пишет, рассказывая про селекционную деятельность на французском семенном хозяйстве семьи Вильморен, что там «*живые ботанические музеи* культивируются ... и по отношению к другим

¹ Бухгейм Б. Н. По Италии [Впечатления, настроения, размышления]. М., 1914. С. 42–43.

² Фигнер В. Н. Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925). М., 1925. С. 14.

³ Например, см.: Новорусский Михаил Васильевич // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: Сб. документов и материалов / Кол. авт.; отв. ред. Э. А. Шулепова. М., 2010. С. 405–413.

корнеплодам, к хлебным злакам, бобовым-кормовым, огородным горохам и друг. Эти музеи являются неоцененным пособием в семенном деле фирмы...»¹ (1901). Ученый-биолог В. А. Рихтер посвятил свою статью организации в 1919 г. «музея живых бактериальных культур» при Пермском Бактериологическом Институте². Музеевед А. И. Филиппов, излагая принципы развития местных музеев, отмечает в публикации 1926 г., что «очень оживляют ест[ественно]-научные отделы, т[ак] н[азываемые] “уголки живой природы”, ... небольшие зоологические и ботанические сады и даже парки. Мы имеем уже ряд попыток (в Соловках, Пензе, Омске, Ярославле и др.) организации подобных “живых” музеев, и можно быть уверенным, что при надлежащей энергии и любви к делу, такие уголки могут быть организованы почти всеми музеями»³. Наконец, профессор 2-го Московского государственного университета М. М. Завадовский неоднократно использует оксюморон «живой музей», представляя опыт и концепцию работы Московского Зоопарка, им руководимого (1926)⁴.

Схожее значение оксюморона «живой музей» наблюдается в работах, посвященных ландшафтными паркам, садам и природным заповедникам. Например, М. П. Нагибина, говоря о планах создания парка на Воробьевых горах в Москве, пишет: «он мог бы быть мировым парком по красоте местоположения ... и по тому ботаническому интересу, который он мог бы

¹ *Мертваго А. П.* В чужих краях: [Поездка на Париж. выставку]. СПб., 1901. С. 14.

² *Рихтер В. А.* Музей живых бактериальных культур при Пермском Бактериологическом Институте // Пермский Бактериологический Институт. 1897–1922 г. Сб. работ и ист. очерк развития и деятельности за двадцатилетие. Пермь, 1922. С. 19–24.

³ *Филиппов А. И.* Принципы организации местных музеев // На новых путях краеведной работы: сб. ст. под ред. А. И. Дзенс-Литовского и К. П. Ягодовского. Л., 1926. С. 83.

⁴ М. М. Завадовский был братом Б. М. Завадовского – основателя московского Биомузея им. К. А. Тимирязева. Выбирая наиболее информативные фрагменты из указанной публикации, следует процитировать следующие строки: «...была проведена всесторонняя пропаганда делом и ... настойчивая борьба ... с остатком дореволюционной трактовки Зоопарка, как увеселительного летнего сада... В самом сочетании живого биологического музея с легким театральным зрелищем сквозит протестирование того ценного, что таится в культурно-просветительной работе. Переименование Зоологического сада в Зоопарк отчасти навеяно необходимостью стереть с названием воспоминания о прошлом. ... В настоящее время культпросветительная работа Зоопарка осуществляется тремя секциями нашего учреждения, в тройковой форме. Секции эти – Экскурсионное Бюро, Кружок Юных Биологов (КЮБ) и Педагогический семинарий. Все они работают на фоне *живого музея*, культурно-просветительная постановка которого представляет собою основное содержание деятельности Зоопарка, как целого»; См.: *Завадовский М. М.* Строительство Московского Зоопарка. Краткая историческая справка // Строительство Москвы. 1926. № 9 (сентябрь). С. 15, 19.

иметь для русских и иностранцев, как *живой музей русской флоры*» (1911)¹. Патриарший сад г. Владимира, который был создан еще в XVIII в. и содержал все разновидности владимирской вишни, лирично называется «замечательным памятником» и «*живым музеем*», требующим спасения и ухода, в статье М. С. Антиповича (написанной при участии П. И. Неволлина, 1914)². Это же обращение использовалось в публикациях по отношению к ботаническому саду 1-го МГУ (1928)³. Наконец, «*живым музеем ископаемых форм*» названо о. Байкал в отчете профессора Г. Ю. Верещагина, Начальника Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР (1929)⁴.

Следует подчеркнуть, что это географическое значение оксюморона находилось в тесной связи с *практикой организации первых природоохранных парков* России. В частности, один из постоянных образов «живого музея» в публикациях конца XIX – начала XX вв. – это зоологический парк Ф. Э. Фальц-Фейна в имении Аскания-Нова Таврической губернии. Кроме М. А. Волошина, слова которого были приведены в самом начале параграфа, «живым музеем» его называл Семёнов-Тян-Шанский в публикации «Из задач природохранения», перепечатанной в популярном юношеском издании «Родник» (1914)⁵. В другой статье В. П. Семёнова-Тян-Шанского, посвященной начальному этапу создания сети природоохранных парков СССР, данный образ был перенесен на национальные парки и заповедники в целом: это – «*живые музеи со всей в них строгостью музейных порядков*» (1927)⁶. Кроме того, схожую оценку можно увидеть в

¹ Нагибина М. П. Королевский ботанический сад в Кью // Русская мысль. Г. 32. Кн. II. 1911. С. 172.

² Антипович М. С. (при участ. П. И. Неволлина). Владимирская вишня // 1913. Ежегодник Главного Управления Землеустройства и Земледелия по Департаменту Земледелия. Г. 7. П., 1914. С. 620.

³ В царстве растений. Очерк А. Р. Палея // Огонек. № 41(289). 7 октября 1928 г. С. 8.

⁴ Верещагин Г. Ю. Начальник Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР, — о работах Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР в 1926 году // Отчет о деятельности с 1 октября 1926 г. по 1 января 1929 г. / Бурят-Монгольское Научное общество им. Доржи Банзарова. Верхнеудинск, 1929. С. 34–35.

⁵ Инициалы автора не указаны; См.: Зоологический парк Фальц-Фейна [По статье Семенова Тян-Шанского «Из задач природохранения»] // Родник. 1914. Февраль (№ 2). С. 259.

⁶ Семёнов-Тян-Шанский В. П. Географическое изучение природы СССР // Наука и техника СССР, 1917–1927 / под ред. А.Ф. Иоффе, Г. М. Кржижановского, М. Я. Лапирова-Скобло, А. Е. Ферсмана. Т. 3. М., 1928. С. 394.

разделе «Значение национальных парков» из книги профессора Одесского сельскохозяйственного института, А. А. Браунера (1923)¹.

В завершение параграфа хотелось бы показать один из самых ярких географических образов «живого музея», который встречается в работе основателя Батумского ботанического сада, А. Н. Краснова. В своей статье (1911), посвященной «будущности» природы Батуми, он не просто использовал оксюморон «живой музей», а предложил достаточно интересную концепцию развития территории. В качестве показательного примера и образца для Батумского парка он называл шведский Джюргарден – *«живой этнографический музей среди шведской природы»*. Стараясь смотреть «несколько шире и грандиознее», Краснов предложил создать в окрестностях Батуми «не маленькую Швецию, а, как на всемирной выставке, ... представить *жизнь доброй половины человечества земного шара*, в лице его характернейших представителей и среди *настоящей обстановки* воспитавшей их природы».

Рассуждая о возможных объектах такого всемирного парка в окрестностях Батуми, он видел «подобие бульвара мексиканского или чилийского города, засаженного стройными финиковыми, кокосовыми и веерными пальмами», где «в тавернах креолки угощали бы туристов ликерами из местных мандаринов, хурмы и др. субтропических плодов». Перемещаясь по огромной территории на экипаже, туристы могли бы посетить «негритянскую хижину», «чайные японские домики с гейшами, с характерными японскими маленькими садиками», бунгало из Новой Гвинеи, где «можно-бы было поместить несколько из тех недавно открытых горных карликов этого острова...», а также – другие этнографические секторы, где проживали представители разных народов².

¹ Цитата: «Вслед за музеями, зоологическими и ботаническими садами появилось желание сохранить памятник и природы; начали создаваться “национальные парки”, “заповедники”, т. е. музеи жизни, *живые музеи...*»; Браунер А. А. Сельско-хозяйственная зоология: с 200 рисунками и 9 картами. Харьков, 1923. С. 394–395.

² Краснов А. Н. Возможная будущность природы Батумского края // Батумское побережье: «Русские тропики»: сб. ст. Батум, 1911. С. 115–116.

Наконец, продумывая перспективы своего проекта, А. Н. Краснов в современном духе показывал его экономическую рентабельность: «Содержание такого сада – выставки не стоило бы много. Каждый отдел окупал бы себя. ... Продажа характерных изделий, материал для которых доставлял бы сад, с лихвою окупала бы их труд [*жителей – прим. Т. З.*]... Еще более бойко пошла-бы торговля ресторанов, чайных домов и кофеен. Таким образом, наша этнографическая выставка окупала бы себя и скоро покрыла бы стоимость недорогих тропических павильонов для этих народностей. Доход же от посещения сада шел бы на его чисто научные цели...»¹.

Краткие выводы. В первом параграфе было показано разнообразие контекстов, в которых использовалось выражение «живой музей» в публикациях последней трети XIX – первой трети XX вв. Анализ исторических источников позволил выделить основные прообразы «живого музея», такие как этнографическая выставка, культурный регион, уникальный природный объект и др. Следует подчеркнуть, что среди прочих вариантов наиболее часто встречаются два значения:

- «живой музей» как поселение или территория, где в естественных условиях сохраняются памятники и самобытная традиционная культура;
- «живой музей» как описание коллекций живой природы, парков, садов и заповедников.

Синтез этих значений дает контекстное определение, актуальное для России конца XIX – первой трети XX вв., то есть времени рождения первых философских и прикладных проектов «живого музея». Обозначим его следующим образом: *«живой музей» – это культурные и природные объекты, которые сохраняются в своем естественном состоянии – в динамике и развитии.* Отталкиваясь от этого определения, в дальнейшей

¹ Краснов А. Н. Возможная будущность природы Батумского края // Батумское побережье: «Русские тропики»: сб. ст. Батум, 1911. С. 119.

работе будем использовать выражение «*динамичный подход*» как синоним «живого музея».

1.2. Ключевые идеи и проекты «живого музея» в конце XIX – первой трети XX вв. (Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Б. М. Соколов)

В истории музейного дела России наиболее влиятельными оказались идеи и проекты «живого музея», сформулированные в конце XIX – первой трети XX вв. Н. Ф. Фёдоровым и П. А. Флоренским. Именно к этим авторам, чаще всего, обращаются современные российские музейеведы, стремящиеся превратить прообразы и идеи динамичного подхода в методику музейной работы¹. Кроме того, в рамках этнографического музейеведения сложилась своя концепция «живого музея», восходящая к экспериментам и разработкам В. Н. Всеволодского-Гернгросса и Б. М. Соколова. Рассмотрим все эти проекты в хронологическом порядке, ориентируясь на идеографический (индивидуализирующий) подход², то есть акцентируя внимание на своеобразии, наиболее ярких и новаторских идеях, изложенных в них.

Первый проект: «активный музей» Н. Ф. Фёдорова. Сложилась научная традиция³, согласно которой проблематика «живого музея» впервые прозвучала в «Философия общего дела» Н. Ф. Фёдорова. Напомним, что этот

¹ Подробнее см. главу 2.

² Идеографический (идиографический) метод (от греч. ἴδιος – особенный, своеобразный, странный, необычный, неслыханный и γραφῶ – пишу) – способ познания, целью которого является изображение объекта в его индивидуальности и неповторимости, как единого уникального целого. Логико-теоретическое обоснование идеографического метода получил в русле баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт); См.: *Давыдов Ю. Н. Идиографический метод // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Электронная библиотека ИФ РАН [сайт]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH7c503315983e7f8f24187c> (дата обращения: 25.03.2024).*

³ Например, см.: *Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) // Музей. 2007. № 3. С. 7–12.*

мыслитель, почетно называемый «идеальным библиотекарем» и «московским Сократом»¹, является ключевой фигурой в истории российской культуры последней трети XIX в. Родоначальник русского космизма оказал значительное влияние на многих деятелей культуры и науки своего времени. Библиотека Московского публичного и Румянцевского музеев, где работал Фёдоров в 1874–1898 гг., стала центром неформальной «философской школы», объединившей В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, А. А. Фета, К. Э. Циолковского и др. Да и впоследствии взгляды Фёдорова привлекали разных философов, исследователей и людей искусства – как в XX столетии, так и в современности.

Совершенно особое отношение к идею Н. Ф. Фёдорова сформировалось в российском музееведении. Среди исследователей, которые обращались к осмыслению его концепции следует назвать Н. А. Бенедиктова², З. А. Бонами³, А. А. Жилиева⁴, А. В. Зыкова⁵, М. Е. Каулен⁶, Е. Н. Мастеницу⁷, Т. П. Полякова⁸, Д. А. Попова⁹ и др. Несмотря на отличие интерпретаций, разницу подходов и контекстов обращения к рассуждениям московского Сократа, сложилось общее понимание, что его музейные идеи

¹ Выражение «идеальный библиотекарь» вошло в научный обиход с легкой руки А. А. Гинкена, опубликовавшего в 1911 г. статью, посвященную Н. Ф. Фёдорову. «Московским Сократом» назвал Фёдорова С. Н. Булгаков вскоре после выхода в свет «Философии общего дела» и первой биографической книги о философе, написанной В. А. Кожевниковым (1908). Подробнее см.: Семёнова С. Г. Философ будущего века Николай Федоров. М., 2004. 583 с.; Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903): сб. науч. ст. М., 2018. С. 3–6.

² Бенедиктов Н. А., Трусов А. А. Музей как транслятор ценностей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2008. № 3(11). С. 121–129.

³ Бонами З. А. Н.Ф.Фёдоров и западная музеологическая традиция. Диалоги // Музей – памятник – наследие. 2017. № 1. С. 127–136; *Ее же*. Незримый диалог: музейный проект Н.Ф.Фёдорова в контексте западноевропейской философии, музеологии и художественной критики // Московский Сократ: Николай Федорович Фёдоров. М., 2018. С. 565–572.

⁴ Жилиев А. А. Музей Николая Федоровича Федорова // Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров. 2018. С. 206–211.

⁵ Зыков А. В. Музееведческие взгляды Н.Ф.Фёдорова и современное музееведение: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2004. 23 с.

⁶ Каулен М. Е. Концепция музея в философии Н.Ф.Фёдорова // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения: информ. сб. М., 1990, вып. 6. С. 82–87; *Ее же*. Идеи Николая Фёдорова в современном мире // Музей. 2010. № 6. С. 14–25.

⁷ Мастеница Е. Н. Феномен музея в философском наследии Н.Ф.Фёдорова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 137–142.

⁸ Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) // Музей. 2007. № 3. С. 7–12; *Его же*. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 2) // Музей. 2007. № 5. С. 74–80.

⁹ Попов Д. А. Опыт осмысления музейного пространства в концепциях П.А.Флоренского и Н.Ф.Фёдорова // Научный аспект. 2022. Т. 4. № 3. С. 445–453.

намного опередили свое время. И сегодня актуально высказывание философа: «Хранилище памятников прошлого – музей, не есть ли он учреждение, еще не дозревшее и еще не понимающее, для чего оно собирает отжившее»¹ ...

В текстах Н. Ф. Фёдорова, подготовленных к печати и опубликованных его учениками и последователями², не встретишь оксюморона «живой музей». Вместо него философ использует понятия «*храм-музей*», «*школа-музей*», «*музей-школа*» и др. Они дополняются целым рядом определений («кладбищенский музей», «народовоспитательный», «истинно-вселенский»³, «полный», «всеотеческий»⁴ и т.д.), которые достаточно выразительно характеризуют его концепцию *истинного и всенаучного музея*, «не ограничивающегося хранением останков прошедшего».

Отметим интересную деталь: искомое выражение «живой музей» можно обнаружить в переписке педагога Н. П. Петерсона, бывшего учеником, последователем и публикатором Н. Ф. Фёдорова. В письме от 14 марта 1881 г. к обер-прокурору Святейшего синода К. П. Победоносцеву он излагает свою концепцию устройства высшего учебного заведения, ориентированного на практическое освоение знаний, а потому совмещенного с музеем и библиотекой. «При таком преобразовании, – отмечает Н. Петерсон, – профессора будут библиотекарями относящихся до их предмета отделов библиотеки, хранителями различных коллекций, собраний, руководителями студентов в их занятиях; студенты же будут помощниками профессоров ..., обязанности ... поставят студентов в необходимость составлять каталоги, указатели и всякие такого рода пособия; и все эти занятия должны быть систематически разделены между студентами. При таком устройстве Университета-Музея совокупность профессоров и студентов представит живую библиотеку, *живой музей*, в котором не

¹ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. М., 1995–1999. Т. I. 1995. С. 399.

² Публикаторами сочинений Н. Ф. Фёдорова стали В. А. Кожевников и Н. П. Петерсон; См.: Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Фёдоровича Фёдорова, изданные под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. I. Верный, 1906; Т. II. Москва, 1913.

³ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. Т. I. 1995. С. 74, 120–121, 366, 452.

⁴ Там же. Т. II. 1995. С. 59, 287.

останется ни одной книги, ни одного предмета неизвестным, без употребления»¹.

Бесспорно, данные рассуждения всецело связаны с философской концепцией Фёдорова, выступающей за присоединение «к школам-храмам, то есть к школам духовным, молитвенным, школ светских», а также «музеев таких, которые занимались бы не одним хранением останков прошедшего и отживающего, а и наблюдением и направлением текущего»².

В статьях, посвященных музейной концепции Н. Ф. Фёдорова, чаще всего цитируются строки, в которых философ сравнивает обычный музей с «особым кладбищем», для которого ученые собрали «лишенных жизни животных, высушенные растения, минералы и металлы, извлеченные из их естественных месторождений» и куда поместили «всё это в виде обломков, осколков, гербариев, чучел, скелетов, манекенов» и т. п.³ Проводятся параллели между этими критическими рассуждениями и размышлениями европейских авторов XIX – первой половины XX вв., сравнивающих музеи с кладбищами или мавзолеями – по причине происходящего в них отрыва произведений искусства от культурного контекста (З. А. Бонами)⁴.

Потому следует подчеркнуть, что идеи Н. Ф. Фёдорова, конечно же, носят куда более широкий характер. Он призывает преодолеть разобщенность науки и религии, города и села, отцов и сыновей, и вместе с тем пересмотреть место и роль человека в грядущем «цивилизованном» веке. Философ пишет: «Во имя естественного Запад отверг христианское, а за Западом и наша интеллигенция ... примерами отрицания христианства во имя естественного могут служить Базаровы, Карамазовы в интеллигентной части общества и Смердяковы вне ее. Ошибка Петербургского периода заключалась в том, что он свободу поставил на место долга к отечеству, а введя воинскую повинность, *отделил просвещение от долга*, вместо того

¹ Письмо Н.П.Петерсона к К.П.Победоносцеву, 14 марта 1881 г., Керенск // Письма и записки / К.П.Победоносцев и его корреспонденты. М.; П., 1923. С. 284.

² Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. Т. II. 1995. С. 193.

³ Там же. Т. I. 1995. С. 230.

⁴ Бонами З. А. Н.Ф.Фёдоров и западная музеологическая традиция. Диалоги. 2017. С. 129–130.

чтобы соединить их неразрывно»¹. Также «небратское состояние» общества считается им по запуску кладбищ, для которых «как и для музеев, недостаточно быть *только хранилищем*, местом хранения»², по пассивной и ответственной науке («мертвеннее всех других знаний — история, потому... менее, чем всякая другая наука, может быть без дела»³), по замене «отцов опекунами, *отечества государством*, братства гражданством»⁴. Н. Ф. Фёдоров отмечает: «Как только синодик отделяется от истории, храм от музея, так вера превращается для народа в суеверие, ... знание же, если оно ведет к *делу*, спасает от упадка»⁵.

В концепции мыслителя «человек – прежде всего *деятель... активное должно быть предпочтено пассивному*»⁶, а потому он призывает науку и церковь к выработке плана преобразовательной и объединяющей деятельности человечества. Фёдоров задается вопросом: «Кто должен восстановить смысл памятников, утраченный благодаря неравенству, проникшему даже в царство смерти? – и отвечает на него, – Конечно, нужен музей...»⁷.

«Нынешний пассивный музей», который «не собор даже и ученых»⁸, в философии Н. Ф. Фёдорова превращается в «учреждение историческое в смысле не только знания, но и *действия*», в проективный музей-рай, в «высшую инстанцию, которая должна и может *возвращать жизнь*»⁹. Не ограничиваясь общими рассуждениями, мыслитель формулирует принципы его устройства и структуру. В наиболее концентрированном виде они изложены, помимо статьи «Музей, его смысл и назначение», в работе

¹ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. Т. I. 1995. С. 120–121.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 413.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Там же. С. 314.

⁶ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. Т. II. 1995. С. 434.

⁷ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. Т. I. 1995. С. 73.

⁸ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. Т. II. 1995. С. 378.

⁹ Там же. С. 372, 374–375.

«Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства»¹.

Каков же «идеальный музей» Фёдорова? Это «дом ученых», который перешел «под защиту пятого сословия, сельского, живущего у могил отцов»². Его основой выступает сельская кладбищенская церковь, преобразованная грандиозным проектом в «*народовоспитательный храм*»³. Центральную его часть занимает исторический музей, организованный вокруг «*лицевого синодика, музейского иконостаса*», заменяющего своеобразную портретную галерею – «это собор всех (местных) умерших отцов, требующий собора всех живущих сынов». По плану Фёдорова, во входной части исторического музея предстоит изобразить «*апокалипсическую притчу* (страшный суд), указывающую на будущее, ... если не произойдет полного объединения». Далее, в передней части музея будет изображено и «прошедшее», то есть «*история как факт*», и «будущее», то есть «*история как проект*»⁴. В примечаниях есть уточнение относительно поэтажного расположения этих своеобразных функционально-тематических зон (прим. № 19). Приведем его полностью: «1. *Нижний этаж музея* – краниологический или остеологический синодик с надписями, вещами и изображениями, перенесенными из разного рода могил. 2. *Средний этаж* – лицевой синодик или галерея портретов с живого лица на одной стороне и с мертвого лика – на другой, с деяниями на полях, в общей рамке подножия креста, выходящего в *верхний этаж*, который есть самый храм, где приносится бескровная жертва»⁵.

Фёдоров пишет: «в противоположность искусственному собиранию лишенных жизни ... предметов, производимому современной наукой», существует «сельское знание, которое *не отделяется от жизни*, составляет с

¹ Полное название: Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим).

² Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. Т. I. 1995. С. 73.

³ В качестве основы для всенаучного музея Фёдоров называет также «кремли» и «острожки».

⁴ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. Т. II. 1995. С. 73–74.

⁵ Там же. С. 358.

ней одно». В его основе – астрономия, а потому вокруг кладбищенского (исторического) музея он проектирует «музей естествоведения»¹ с вышкой (обсерваторией) для наблюдения и регуляции природных сил. Отмечая недопустимость переноса в село городского образования, как губительного и пустого, философ вводит в структуру своего народовоспитательного храма новую школу, дающую «истинное воспитание ... не в сознании превосходства над отцами, а в сознании отцов в себе и себя в них»².

В итоге всех преобразований формируется «храм-музей (памятник всех поколений) ...», в котором младшее поколение воспитывается под руководством старшего». Он соединяет «в себе храм (религию), музей (искусство и историю) и вышку (астрономию), между коими нет противоречия, а существует полное единство». Этот «музей-храм всех предков», как отмечает философ – «действительная патрофикация»³, то есть преодоление смерти...

Таким образом, музей в учении Н. Ф. Фёдорова становится главным средством «Общего дела», преодолевающим в воспитании новых поколений разобщение религии и науки, города и села, отцов и детей. Обладая энциклопедическими познаниями и являясь свидетелем распространения модели публичного музея, мыслитель выявил и показал несколько онтологических музейных противоречий. Прежде всего следует отметить, что в его концепции было сформулировано базовое противопоставление «пассивного музея» (хранилища) и музея активного, деятельного, сохраняющего прошлое для будущего. Это противопоставление будет прослеживаться во всех исторических и современных проектах «живых музеев», предлагающих собственный взгляд и принцип его разрешения.

Второй проект: «живой музей Лавры» П. А. Флоренского. Совершенно особым явлением в истории отечественной музейной мысли стал поиск «жизненных» путей музеефикации Троице-Сергиевой Лавры

¹ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений. Т. II. 1995. С. 79.

² Там же. С. 56.

³ Там же. Т. II. 1995. С. 297.

после революции 1917 г. Историография изучения этого проекта «живого музея», связанного с именем П. А. Флоренского, наиболее обширна; в нее входят исследования С. А. Ан¹, И. В. Андреевой², И. Л. Галинской³, Р. В. Коврикова⁴, А. М. Копировского⁵, И. А. Тульпе⁶, М. В. Шваровой⁷, Л. М. Шляхтиной⁸ и др. Наиболее глубокий анализ идей «живого музея» Флоренского был произведен: М. Е. Каулен – по мере разработки методики средового подхода к музеефикации историко-культурного наследия⁹; Т. П. Поляковым – в процессе построения актуальной классификации методов и технологий музейно-экспозиционного проектирования¹⁰; Е. Ю. Перовой – в контексте выявления принципов сохранения наследия, сформулированных в философской мысли России начала XX в.¹¹; Л. С. Алексеевой – при комплексном изучении деятельности церковных музеев Сибири¹². Кроме того, следует подчеркнуть работы М. С. Трубачёвой

¹ Ан С. А., Хмырова С. Р. Музей как феномен культуры в философской и общественной мысли России рубежа XIX–XX вв. // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Липецк, 2023. С. 3–9.

² Андреева И. В. Музеология в дискурсе документности: опыты философской рефлексии кон. XIX – первой трети XX века // Вестник КемГУКИ. 2021. № 54. С. 32–42.

³ Галинская И. Л. Павел Флоренский об идее «живого музея» // Новая литература по культурологии: Дайджест. Москва, 1995. № 3. С. 22–29.

⁴ Ковриков Р. В. Музейная коммуникация в сохранении культурного наследия в музеях-заповедниках // Педагогика искусства. 2019. № 3. С. 178–185.

⁵ Копировский А. М. «Живой музей» свящ. Павла Флоренского: утопия или антиутопия? // Философия в полицентричном мире: сб. науч. ст. М., 2020. С. 882–885.

⁶ Тульпе И. А. Икона в храме и музее (читая о. П. Флоренского) // Музей – хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества: мат. V Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений. СПб., 1997. С. 14–16.

⁷ Шварова М. В. Концепция «живого музея» П.А.Флоренского // П.А.Флоренский и современность: мат. науч. конф. Калининград, 2007. С. 73–77.

⁸ Шляхтина Л. М. Музейные инновации в ретроспективе музееведческих идей // Вопросы музеологии. 2010. № 1(1). С. 44–49.

⁹ Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. С. 13–41.

¹⁰ Поляков Т. П., Смирнова Т. В. Музей-заповедник: идеальный проект и реальность истории // Российская провинция: среда, культура, социум. Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII–XX век. М., 2011. С. 423–465; Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» в экспозиционном пространстве: генезис, развитие, перспективы // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». М., 2021. С. 113–162.

¹¹ Перова Е. Ю. Принципы и практики сохранения культурного наследия в России начала XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 1(843). С. 220–228.

¹² Например, см.: Алексеева Л. С. Генезис и трансформация деятельности церковных музеев Сибири по сохранению православного наследия: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2022. 23 с.; Ее же. Музееведческие идеи священника Павла Флоренского в современной деятельности музеев Кемеровской области // Актуальные проблемы социокультурных исследований: сб. науч. ст. по итогам Межрегиональной науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей. Вып. 10. Кемерово, 2014. С. 292–299;

и игумена Андроника (Трубачёва)¹, возродивших идеи П. А. Флоренского в современной России, а также исследования М. А. Гагановой, П. В. Флоренского² и др., посвященные истории музеефикации Лавры.

Кратко напомним, что 21 октября 1918 г. была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, в нее вошли И. Е. Бондаренко, Ю. А. Олсуфьев, М. В. Боскин, П. Н. Каптерев, Н. Д. Протасов, Т. Н. Александрова-Дольник. Ученым секретарем комиссии стал священник Российской Православной Церкви, богослов, религиозный философ и ученый П. А. Флоренский. В короткие сроки комиссией было принято на хранение всё самое ценное (отраженное в монастырских описях), взяты под охрану библиотеки и архивы монастыря, обследованы памятники Сергиева Посада и его окрестностей³. Но самое главное, что уже в конце ноября 1918 г. был составлен проект «Музея Троице-Сергиевой Лавры». Его первая строчка гласила: «Комиссия рассматривает Лавру, как единый *живой Музей*»⁴.

Авторами этого документа выступили, как отмечено в заглавии, «профессора П. А. Флоренский и П. Н. Каптерев». Они кратко изложили главные *принципы музеефикации* Лавры: «*дорожить* не только отдельными сторонами ее исторического бытия, но и в особенности их *взаимной связанностью*, вне которой каждая из сторон теряет значительную долю присущей ей значительности», а также – стремиться к сохранению «каждого

Алексеева Л. С., Оленич Л. В. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев // Вестник КемГУКИ. 2017. № 41–2. С. 111–121.

¹ Трубачева М. С. Научно-музейная деятельность свящ. Павла Флоренского в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице – Сергиевой Лавры: 1918–1920 // Музей: Худож. собр. СССР. [Сб.] 5. М., 1984. С. 52–164; Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. / священник Павел Флоренский; сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева) и др. Москва: Мысль, 1994–1999.

² Гаганова М. А. Проекты и практики музеефикации Троице-Сергиевой Лавры в 1920–40-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. М., 2016. 261 с.; *Ее же*. Троице-Сергиева Лавра и государственная культурная политика (1918–1941 гг.) // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 7 (108). С. 227–235; Флоренский П. В. Павел Флоренский–священник, мыслитель, ученый // Природа. 2018. № 7(1235). С. 80–91.

³ Гаганова М. А. Троице-Сергиева Лавра и государственная культурная политика (1918–1941). 2013. С. 228.

⁴ Проект музея Троице-Сергиевой Лавры, составленный членами Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры, профессорами П. А. Флоренским и П. Н. Каптеревым по поручению комиссии // Флоренский П. А. Собрание сочинений. М., 2000-. [Т. 1]: Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. 2000. С. 52–55.

по возможности предмета в его конкретной связи с обстановкой его возникновения и жизни»¹.

Кроме того, проект содержал будущую структуру музейных отделов и учреждений, составляющих основу «живого музея». Авторы пишут: «Основным из этих учреждений должна быть ризница», разделенная на две части – «древлехранилище», в котором «должны быть сосредоточены все предметы ..., составляющие художественный или исторический интерес», и отдел инвентаря Лаврских храмов – «собственно ризницу», содержащую «расхожие (обиходные) облачения, сосуды, иконы и т. д.»². Наравне с данным учреждением, предполагалось образовать «особый Музей Лавры» – центр «теоретического изучения Лавры, как живого Музея». Исходя из предложенной структуры, можно заключить, что этот музей должен был иметь *традиционный характер* и соответствовать ведущим в музейных собраниях принципам *историзма* и *систематизма*. Планировалось, что он объединит:

- всю литературу о монастыре, «древнюю и новую», а также коллекцию «изданий Лавры, Академии, Троицкой Семинарии»;
- всю иконографию Лавры, «ее насельников и деятелей по возможности в подлинниках, а где нельзя – в воспроизведениях»;
- «собрание автографов в подлинниках или воспроизведениях всех вышеназванных лиц»; «собрание планов, чертежей и архитектурных деталей всех зданий Лавры в их исторических судьбах»;
- разборные модели монастыря и отдельных зданий, «на которых, путем удаления частей, можно было бы прослеживать исторические напластования и переделки», а также рельефную карту местности;

¹ Проект музея Троице-Сергиевой Лавры, составленный членами Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры, профессорами П. А. Флоренским и П. Н. Каптеревым по поручению комиссии // *Флоренский П. А. Собрание сочинений*. М., 2000-. [Т. 1]: Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. 2000. С. 52.

² Там же. С. 53.

- «карты, диаграммы и схемы, наглядно показывающие распространение культурного влияния Лавры и разные стороны ее жизни (экономическая жизнь, рост населения, количество богомольцев и т. д.)»;
- биографический словарь-справочник с указаниями: «а) всех деятелей и насельников собственно Лавры; б) лиц, соприкосновенных с ней»;
- справочники по Некрополю Лавры и «собрание надгробий, могущих найтись при раскопках и иными путями»;
- «собрание фотографий и эстампажей всех древних надписей, имеющихся в Лавре», а также «резных, лепных, чеканных, битых, гравированных и пр. орнаментов»;
- «воспроизведение миниатюр и заставок из Лаврских собраний»;
- собрание музыкально-вокального творчества: «а) рукописные и печатные ноты Лаврских песнопений; б) фонограммы Лаврских напевов»;
- коллекцию «вариантов и древних воспроизведений замечательнейших икон Лавры, особенно “Троицы” Рублева», а также – каталог, рассказывающий об исторической эволюции «некоторых замечательных икон в связи с записями и копированием»¹.

Данные планы по организации комплексного музея были реализованы лишь отчасти². Однако те философские идеи и принципы, которые лежали в основе проекта, не теряют своей актуальности до сих. Они высказаны в

¹ Проект музея Троице-Сергиевой Лавры, составленный членами Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры, профессорами П. А. Флоренским и П. Н. Каптеревым по поручению комиссии // Флоренский П. А. Собрание сочинений. М., 2000-. [Т. 1]: Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. 2000. С. 53–55.

² Кратко представим историю вопроса. В 1918 г. храмы были переданы в ведение приходских советов, а монашеская община – оформлена как «трудовая артель» по охране Лавры. В 1919 г. члены Комиссии подготовили сборник очерков, посвященных Лавре как художественному памятнику мирового значения. Манифестом сборника стала статья П. А. Флоренского «Троице-Сергиева Лавра и Россия», в которой он обосновал необходимость создания в монастыре «живого музея». Но сборник был снят с выпуска из-за доноса бывшего священника М. Галкина. В январе 1920 г. комиссия по охране Лавры была расформирована, а летом – утвержден новый состав. Начались работы по организации Сергиевского историко-художественного музея. При этом отдельные положения «проекта музея Лавры» были реализованы в экспозиционной практике 1920-х гг. Музейные экспозиции знакомили посетителей с историко-культурными коллекциями. Часть экспозиций была посвящена историческим интерьерам бывшего монастыря. С особенностями архитектурного комплекса Троице-Сергиевой лавры XV–XVIII вв. знакомил отдел иконографии. В музее работала «Показательная живописная мастерская» (представляющая процесс создания иконы) и «Отдел звона», посвященный музыкальной культуре Лавры. Однако в 1929 г. произошла полная смена кадрового состава музея, а затем его реорганизация и перепрофилирование в историко-краеведческий и антирелигиозный музей.

статьях П. А. Флоренского (первоначально – докладах), опубликованных под названиями «Храмовое действо как синтез искусств» (1922)¹ и «Троице-Сергиева Лавра и Россия» (1919)². Рассмотрим их подробнее.

Отвергая в них традиционное восприятие музея как собрания предметов, философ пишет: «Музей, *самостоятельно* существующий, есть дело ложное и в сущности вредное для искусства, ибо *предмет искусства* хотя и называется вещью, однако отнюдь не есть вещь». Он «должен быть понимаем как *никогда не иссякающая*, вечно бьющая струя *самого творчества*, как *живая, пульсирующая деятельность творца* хотя и отодвинутая от него временем и пространством, но всё еще *неотделимая* от него». В ином случае, по мнению П. А. Флоренского, художественное произведение «*умирает* или по крайней мере переходит в состояние анабиоза, *перестает восприниматься*, а порою и *существовать* как художественное»³.

Приводя в пример превращение музеев естествознания «в зоологические и ботанические сады», обеспечивающие естественные условия для наблюдения и изучения, священник постулирует необходимость использования «функционального метода постижения» при изучении *духовных деятельностей человека*. «Самое страшное для меня в деятельности нашей Комиссии..., – отмечает отец Павел, – это возможность погрешить против жизни, соскользнув на *упрощенный путь* умерщвляющего и обездушивающего коллекционирования»⁴. Цитируя строки П. П. Муратова, посвященные критике традиционных музеев-хранилищ античной

¹ Это первая работа, написанная Флоренским во время работы в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Доклад сделан 9 ноября 1918 г. В отредактированном виде текст был опубликован в 1922 г.: *Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств* // Маковец. Москва, 1922. № I. С. 28–32; См. подробнее: *Флоренский П. А. Сочинения*. Т. 2. М., 1996. С. 768–769.

² Статья «Троице-Сергиева Лавра и Россия» была подготовлена Флоренским в первый месяц деятельности Комиссии, доклад сделан 26 ноября 1918 г. Как уже отмечалось, она стала идейным манифестом сборника очерков, посвященных Лавре как художественному памятнику мирового значения. Было напечатано всего несколько экземпляров этого сборника, тираж уничтожен по обвинению в контрреволюционной деятельности; См.: *Троице-Сергиева лавра: [сб.]*. Сергиев Посад, 1919. 155 с.; *Флоренский П. А. Сочинения*. Т. 2. 1996. С. 762.

³ Храмовое действо как синтез искусств // *Флоренский П. А. Сочинения*. Т. 2. 1996. С. 371.

⁴ Там же. С. 373.

скульптуры¹, он пропагандирует «не собирание редкостей только для гурманов искусства», а всенародное и всестороннее *«жизненное усвоение человеческого творчества»*. Лозунгами своей «музейной реформы» и проектируемого «живого музея» П. А. Флоренский называет *«вынесение музея в жизнь и внесение жизни в музей»*².

Развивая эти идеи, философ подчеркивает: «всякий знает, что для эстетического феномена картины или статуи нужен свет, для музыки – тишина, для архитектуры – пространство». Но очень часто забывается, что эти условия *«конститутивно входят в самый организм художественного произведения»*, они предусмотрены «творцом его, образуют его продолжение». Поэтому искусство начинает восприниматься упрощенно – какая-нибудь «одна грань» понимается как нечто самодовлеющее. В итоге нарушается органическое единство «содержания и способов выражения этого содержания», уничтожается «стиль предмета искусства» и пропадает его «подлинная художественность». Избежать этого можно, если воспринимать произведение искусства *«не иначе как в полноте необходимых для существования его условий, в расчете на которые и в которых оно было порождено»*³.

Раскрывая данные тезисы на примере экспонирования икон, созданных в «келье полутемной, с узким окном, при смешанном искусственном освещении», отец Павел показывает необходимость сохранения или воссоздания вокруг них *подлинной храмовой атмосферы*. То есть, «трепетного, волнуемого каждым ветерком пламени», тончайшей голубой завесы фимиама, «растворенного в воздухе». Кроме того, П. А. Флоренский подчеркивает необходимость органического единства искусства иконописи со всеми другими храмовыми искусствами: «вспомним о пластике и ритме

¹ Флоренский цитирует следующие строки П. П. Муратова: «Когда-нибудь поймут, что для античного лучше честное умирание от времени и от руки природы, чем летаргический сон в музее»; См.: *Муратов П. П. Образы Италии: Т. 1-й. Москва: Научное слово, 1911–1912. [Ч. 1]. Венеция; Путь к Флоренции; Флоренция; Города Тосканы. 1911. 265 с. [Ч. 2]. Рим; Неаполь и Сицилия. 1912. 159 с.*

² Храмовое действо как синтез искусств // *Флоренский П. А. Сочинения. Т. 2. 1996. С. 374.*

³ Там же. С. 374–375.

движений священнослужащих», «об *игре и переливах* складок драгоценных тканей, о благовониях, об особых огненных провеиваниях атмосферы, ионизированной тысячами *горящих* огней». Наконец, о вокальном искусстве и *звучащей* поэзии¹.

«Я понял бы фанатическое требование *разрушить* Лавру, – пишет философ, – так, чтобы не осталось камня на камне, – во имя религии социализма; но я решительно отказываюсь понять культуртрегерство, ... ревностно защищающее икону, стенописи и самые стены и равнодушное к другим, нисколько не менее драгоценным достижениям древнего искусства, главное же – не считающееся с высшей задачей искусств – их предельным синтезом, так удачно и своеобразно разрешенною в храмовом *действе* Троице-Сергиевой Лавры»².

Словом, перенося «функциональный метод постижения» на весь монастырь, П. А. Флоренский предлагает общий принцип его музеефикации. Он говорит: «Лавра ... должна, как единое целое, быть *сплошным “музеем”*, не лишаясь ни одной капли драгоценной влаги культуры.... Как памятник и центр высокой культуры Лавра бесконечно нужна России, и притом в ее целостности, с ее бытом», со всем *своеобразным укладом жизни* этого острова XIV–XVII вв. В том числе, с «искусством огня», «искусством запаха», «искусством дыма», «искусством одежды», единственными в мире Троицкими просфорами «с неведомым секретом их печения» и «своеобразной хореографией», проявляющейся «в размеренности церковных *движений* при входах и выходах церковнослужителей, в схождениях и восхождениях ликов, в обхождении кругом престола и храма и в церковных процессиях»³.

Развивая данную идею, П. А. Флоренский дает ряд новаторских предложений о конкретных *формах музеефикации* этого сложного комплекса. Он пишет: «мы видим тут великолепный подбор икон всех веков

¹ Храмовое действо как синтез искусств // *Флоренский П. А. Сочинения*. Т. 2. 1996. С. 377–379.

² Там же. С. 382.

³ Там же. С. 380–381.

и изводов; как же можно представить себе Лавру без *школы иконописи* и без *иконописных мастерских?*»; «Лавра – показательный музей архитектуры; естественно организовать здесь *школу архитектурную*»; «В Лавре сосредоточены превосходнейшие образцы шитья», а значит необходимо создать Общество изучения этого искусства и «соответствующую *школу и мастерские*»; «превосходнейшие образцы дела ювелирного в Лавре наводят на мысль о необходимости *устроить здесь учреждение*, пекущееся об этом деле»; также «необходима здесь *певческая школа*, изучающая русскую народную музыку»¹. При таком подходе монастырь, где ощущается не только «эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности»², видится Флоренскому «русскими Афинами, *живым музеем России*», где «в мирном сотрудничестве и благожелательном соперничестве учреждений и лиц» осуществляется «изучение и *творчество*»³...

Таким образом, пытаясь оградить Лавру от закрытия и «умертвляющей» (тотальной) музеефикации, П. А. Флоренский сформулировал гармоничные принципы сохранения и развития памятника истории и культуры, актуальность которых не утрачена и поныне. Он впервые высказал идею создания «живого музея», способного сохранять не только отдельные культурные артефакты, имеющие художественное, историческое или научное значение, но и *историко-культурную роль* музеефицируемого объекта, ту разноплановую и многозначную духовную деятельность, в которой она выражалась.

Третий проект: «живой художественный музей-театр» В. Н. Всеволодского-Гернгросса. В 1920-е гг., вне зависимости от предложений П. А. Флоренского, в рамках этнографического музееведения начала складываться еще одна концепция живого, а точнее «ожившего» музея. Если в философии Н. Ф. Фёдорова впервые прозвучала идея

¹ Троице-Сергиева Лавра и Россия // Флоренский П. А. Сочинения. Т. 2. 1996. С. 368–369.

² Там же. С. 353.

³ Там же. С. 369.

«активного музея», в концепции Флоренского – принцип сохранения «жизни» музеефицируемого объекта, то в этнографических проектах 1920-х гг. были предложены ясные и понятные формы внесения этой «жизни» в музейное пространство. Среди прочих, наибольшую известность получили проекты В. Н. Гернгросса (Всеволодского) и Б. М. Соколова. Рассмотрим их поочередно.

Деятельность В. Н. Всеволодского-Гернгросса не нашла широкого отображения в поздне-советском и современном российской музееведении, несмотря на явную близость его идей преобладающим сегодня принципам средового подхода и иммерсивности¹. Его музейно-театральная работа отражена в небольшом ряде публикаций – Т. Андреевой, О. Всеволодской-Голушкевич, Т. Г. Ивановой, Т. А. Крюковой, Е. Н. Студенецкой, О. Сомовой² и др. Особо среди прочих следует выделить комплексное исследование В. Г. Пушкарёва и статью Т. М. Смирновой, в которых максимально полно представлена история интересующего нас проекта «музее-театра»³.

Итак, В. Н. Гернгросс (псевдоним – Всеволодский)⁴ был одним из первых российских театроведов, доктором искусствоведения. В контексте

¹ Подробнее о средовом подходе см. параграф 2.2, а также: *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012; о музейной иммерсивности см.: *Чуклина Т. И.* Метод погружения как актуальный метод построения музейной экспозиции: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2011. 24 с.

² *Андреева Т., Сомова О.* Забытый эксперимент (из истории Этнографического театра) // Советская этнография. 1985. № 2. С. 83–90; *Всеволодская-Голушкевич О.* Первый Этнографический театр // Советский балет. 1990. № 4. С. 43–47; *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века. 1900 – первая половина 1941 гг. СПб., 2009. С. 454–456, 656–660; *Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н.* Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VII. 1971. С. 9–120.

³ *Пушкарев В. Г.* В.Н.Всеволодский-Гернгросс и его концепция «живого музея» // Рябининские чтения – 2007: мат. V науч. конф. «Традиционная культура Русского Севера: история и современность». Петрозаводск, 2007. С. 486–489; *Его же.* «Опережая время» (о деятельности первого этнографического театра) // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. № 120/2010. С. 339–344; *Его же.* Культурный потенциал современного фольклорного театра: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. СПб., 2011. 179 с.; *Смирнова Т. М.* Фольклорный театр В.Всеволодского (Экспериментальный и Этнографический театры в Ленинграде) // Клио. 2016. № 10(118). С. 154–174.

⁴ Всеволод Николаевич Всеволодский, псевдоним – Гернгросс (1882–1962) – российский и советский актер, театровед, доктор искусствоведения (1936), профессор. Окончил Высшие драматические курсы в Петербурге (1908), а также Горный институт (1909). Служил актером Александринского театра. С конца 1900-х гг. занимался отечественной историей театрального дела. Был участником и руководителем этнографических экспедиций по Русскому Северу. Наиболее крупной его работой считается «История русского театра» (1929).

поиска «не буржуазных» истоков русской театральной культуры¹, он сформулировал оригинальный принцип театральной и музейной работы. Изучая историю театра, Всеволодский развивал метод «художественной реконструкции», позволяющий восполнить пробелы путем восстановления старинных спектаклей и обрядов. В 1918 г. он основал и возглавил Институт Живого Слова², а в 1923 г. организовал Экспериментальный театр, где предложил абсолютно новое понимание театральных постановок. На сцене воссоздавались фрагменты из народной жизни и традиционные обряды.

Наибольшую известность из ранних постановок получил двухдневный спектакль «Обряд русской народной свадьбы» (1923). Он вошел в основной репертуар труппы и показывался в разные годы. В одной из рецензий 1924 г. отмечено: «Мне пришлось слышать такое мнение: это не искусство, это – этнография»³. Следует сказать, что данная оценка близка к истине, несмотря на то, что оспаривается автором рецензии, подчеркивающим, что данный спектакль – самое настоящее искусство, подлинное и «безыскусственное» (то есть непосредственное). Постановка была знаменательна как раз тем, что давала «первый опыт инсценировки обрядового действия» как «возможно ближе к этнографической правде». В центре спектакля оказался «обряд как таковой», представляющий «собою своеобразную формулу, выработанную крестьянским бытом», в которую «каждый раз вставляются новые лица, но обряд остается неизменным»⁴.

В поиске новых театральных форм, В. Н. Гернгросс стремился к созданию «своеобразного “живого” художественного музея», ведь, по его мнению, фольклор выступает «историческим документом исключительной художественной ценности, является культурным наследством, знание

¹ В противовес своим оппонентам, утверждавшим концепцию русского театра как заимствованного, Всеволодский связывал возникновение российского театрального искусства с национальными основами языческой и христианской обрядности.

² Институт Живого слова – учебное заведение, существовавшее в Петрограде в 1918–1924 гг. В него входили научная, воспитательная и учебная секции, которые занимались разработкой научно-теоретических вопросов и подготовкой мастеров живого слова – педагогов общей школы и преподавателей искусства речи, ораторов, поэтов, писателей, сказителей, актеров, певцов и др.

³ Меньшой А. Об «Обряде русской народной свадьбы» // Жизнь искусства. 1924. № 9. С. 5.

⁴ Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. 1930–1931. Л., 1931. С. 3–4.

которого необходимо для построения искусства социалистического будущего»¹. Потому вместе со своей экспериментальной труппой Всеволодский неоднократно совершал фольклорные поездки по северным селениям. Например, старинный свадебный обряд, послуживший основой для инсценировки «Обряд русской крестьянской свадьбы», был записан вместе с артистами театра М. Киссель, Э. Розенберг, Е. Степановой, А. Фоминой в Мезени (Архангельская губ.)². В дальнейшем эта работа продолжалась. Участвуя в исследованиях секции древнерусского и фольклорного театров Института истории искусств (совместно с Б. Асафьевым, Д. Зелениным), В. Н. Гернгросс собирал материалы в комплексных этнографических экспедициях 1926–1927 гг. на Русский Север, которые стали основой новых спектаклей³, привлекающих всё большее внимание общественности.

С 1930 г. театральная труппа Всеволодского начала работу при Этнографическом отделе Русского музея как Государственный этнографический театр. Как подчеркивает исследователь этого проекта, В. Г. Пушкарёв, в положении о деятельности нового музейного коллектива было указано, что это учреждение «является научно-художественной организацией, осуществляющей реконструкцию средствами театра и эстрады явлений фольклора народов СССР и выполняющий, таким образом, функции *живого Этнографического музея*»⁴.

В брошюре 1931 г., посвященной Этнографическому театру Русского музея, отмечалось, что данная организация не имеет «себе подобной в отношении своей общей установки и своих заданий ни в СССР, ни в буржуазных странах. Это единственная в своем роде научно-художественная

¹ Архив Российского этнографического музея (далее – РЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 299. Л. 30. [Делопроизводственные материалы по работе Этнографического театра Русского музея]. Оpubл.: *Андреева Т., Сомова О.* Забытый эксперимент (из истории Этнографического театра). 1985. С. 86.

² *Пушкарев В. Г.* В.Н.Всеволодский-Гернгросс и его концепция «живого музея». 2007. С. 486–489.

³ *Пушкарев В. Г.* «Опережая время» (о деятельности первого этнографического театра). 2010. С. 339–344.

⁴ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 299. Л. 41. [Делопроизводственные материалы по работе Этнографического театра Русского музея]. Оpubл.: *Пушкарев В. Г.* В.Н.Всеволодский-Гернгросс и его концепция «живого музея». 2007. С. 486–489.

организация. Она дает одновременно то, что может дать театр и музей, каждый в отдельности, так как театральная репродукция быта усиливает впечатление и помогает глубокому усвоению культурных явлений прошлого и настоящего»¹.

Главная задача этнографического театра выражалась в представлении театральным языком всего того, «что не в состоянии сделать *мертвый музейный экспонат*». В первую очередь речь шла о «весьма сложных явлениях процесса общественного развития» (обрядов) и различных видах народного художественного творчества². Выступления коллектива были органично связаны с экскурсионной деятельностью и проходили в Мраморном зале после ознакомления с предметной экспозицией. Они сопровождались вступительными *комментариями* Всеволодского и были основаны на материалах экспедиций в Карелию, Поволжье и Сибирь. Эффект от подобных выступлений превосходил все ожидания – об этом говорят отзывы посетителей. Приведем один из них: «Безмолвный, *мертвый музей ожил*. Манекены превратились в живых вологодских голосистых девок, в веселых остроумных парней, в степенных стариков»³.

Новые сведения, музыкальные и кинозаписи из экспедиций представлялись научными сотрудниками музея и Государственным институтом истории искусств⁴. Также В. Всеволодский поддерживал контакты с московскими этнографами, получал материалы от Фольклорного кабинета Государственной академии искусствознания (группы Ю. М. Соколова)⁵. Это способствовало изменению и расширению репертуара музейного театра.

Насколько можно судить по каталогу 1931 г., основу репертуара составляли *инсценировки*, представляющие *отдельные элементы* народного

¹ Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. 1931. С. 1.

² *Ивасенко П.* Этнографический театр Государственного Русского музея // Советский Музей. 1931. № 2. С. 102.

³ *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века. 1900 – первая половина 1941 гг. 2009. С. 657.

⁴ Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. 1931. С. 2.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 483. Оп. 1. Д. 623. Л. 2. [Письмо Ю. М. Соколова В. Н. Всеволодскому, 1931].

творчества и крестьянского быта. Например, музейно-театральная программа «Солнцеворот» (1928), включала реконструкцию русских календарных земледельческих игр и обрядов, воссозданных по материалам, собранным в Европейской России¹. Выступление «Четыре деревни» представляло собой «инсценированный вечер русского крестьянского творчества» (1930). Как указано в каталоге, это – «концерт, проводимый, однако, в этнографических костюмах и гримах с минимальным подбором наиболее легкой необходимой утвари»². Отдельные номера, объединенные общей темой, рассказывали посетителям о бытовании песен, сказок, танцев в русской деревне. Концерт делился на четыре части, или «деревни» – старой Руси, помещичьей и пореформенной России, наконец, нового революционного периода. Другие программы – «Искусство Русского севера», «Вечер русского эпоса (былин и сказок)», «Вечер русского крестьянского танца», повторяя план предыдущего спектакля-концерта, раскрывали отдельные аспекты народной культуры. Наравне с театрализованными представлениями в их программу входили научные доклады, демонстрация кинофильмов, специальные выставки этнографических предметов.

Остается добавить, что для осуществления постановок в Этнографическом театре работали профессиональные и самодеятельные актерские труппы, размером от 12 до 30 человек. Коллективы актеров формировались по «этническому» принципу, потому среди них были – русская, украинская, кавказская, самоедская, остяцкая и др. труппы³.

Подведем итог. Несмотря на то, что этот экспериментальный музейно-театральный проект просуществовал всего несколько лет – работа проходила с перерывами до 1936 г.⁴, в нем наиболее ярко выразилась оригинальная *практическая идея* организации «живого музея». Как известно из дальнейшей истории, подобная практика использования средств

¹ Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. 1931. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ *Ивасенко П.* Этнографический театр Государственного Русского музея. 1931. С. 102.

⁴ Подробнее см.: *Смирнова Т. М.* Фольклорный театр В. Всеволодского (Экспериментальный и Этнографический театры в Ленинграде). 2016. С. 154–174.

театрализации для представления народной культуры станет своеобразным «мейнстримом» 1980-х гг. и окажет самое значительное влияние на современную деятельность музеев под открытым небом.

Четвертый проект: «оживший» этнографический музей
Б. М. Соколова. Другой практический подход к организации «живого музея» развивался в 1920-е гг. на базе Центрального музея народоведения (ЦМН) в Москве¹. Его автором выступил видный фольклорист и этнограф Б. М. Соколов², бывший директором учреждения с 1924 г.

Уделяя так же, как и В. Н. Всеволодский, значительное внимание проблеме сохранения фольклора, Соколов говорил, что «народные верования и обряды ближе всего к вымиранию, исчезновению – на них должны обратить основное внимание этнографы». Однако, рассматривая элементы народной культуры, творчества и религии как предметы музейной экспозиции, Б. Соколов делал акцент на других аспектах, нежели Всеволодский. Он задавался вопросом: «что нужно и можно экспонировать в музее и как?»³. Отвечая на него, этнограф стремился в соответствии с главным музейным принципом *опредметить* эти явления духовной культуры. Потому представляя возможную тематическую экспозицию, директор ЦМН включил в нее такие подтемы, как «обереги», «народные лекарства», «обрядовая пища», «снаряжение участников обряда», «предметы

¹ Центральный музей народоведения в Москве был создан в 1921 г. Располагался в Пашковом доме (до 1927 г.), в Нескучном дворце (1927–1934), на Мамоновой даче (1924–1943). В отдельные периоды фонды размещались в Новодевичьем монастыре и в школьном здании на Почтовой улице, 20. С нач. 1930-х гг. был преобразован в Музей народов СССР. После закрытия музея в 1948 г. собрание было передано в Государственный музей этнографии в Ленинграде (Российский этнографический музей). Основной фонд музейной библиотеки перешел в НИИ музейной и краеведческой работы (Москва).

² Борис Матвеевич Соколов (1889–1930) – фольклорист, этнограф, музейный деятель, директор ЦМН в Москве в 1924–1930 гг. Неоднократно был участником и руководителем этнографических экспедиций по Русскому Северу. Ввел преподавательскую деятельность. В 1918–1919 гг. заведовал русским отделом этнографического отделения Румянцевского музея. В 1919 г. был избран профессором кафедры русской литературы Саратовского университета. Стал создателем Этнографического музея (1920), «Музея голода» и «Музея волгаря» в Саратове. Будучи директором ЦМН, руководил экспедицией в Карелию, организованной по следам фольклорных экспедиций П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга в 1926–1928 гг. Совместно с братом-близнецом – Ю. М. Соколовым (фольклористом, литературоведом, с 1939 г. – академиком АН УССР) – разработал методику сбора этнографических материалов: «Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности» (Москва, 1926). Умер 30 июля 1930 г. в Москве от болезни.

³ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3101. Л. 1. [Соколов Б. М. Народные русские верования, культ и обряды, как предмет музейной экспозиции].

жертвоприношений», «фигурные чучела» (идолы), «маски, костюмы ряженных», «символические предметы» и др.¹ Важно добавить, что большую роль в любой этнографической экспозиции, наряду с использованием подлинных свидетельств, он отводил *современным технологиям*, в том числе кинематографу (и ратовал за «культурфильму»²). Но основное внимание Б. М. Соколова привлекали возможности создания *новых музеев – под открытым небом...*

Следует сказать, что его музейные проекты рассматриваются в ограниченном количестве научно-исследовательских работ. К ним относятся исторические исследования, посвященные тем или иным аспектам развития этнографического музееведения в России (И. В. Маковецкий, Х. М. Турьинская, И. И. Шангина³ и др.), а также биографические исследования В. А. Бахтиной, М. М. Керимовой, Э. Померанцевой, В. Чичерова⁴. Среди других особо следует выделить публикацию А. Б. Ипполитовой, посвященную истории ЦМН⁵, а также статьи О. А. Кубанкиной и И. А. Головнёва, рассказывающие в том числе о концепции «живого музея» этнографа⁶.

Напомним, что ЦМН был образован на основе Дашковского этнографического музея, а также отдельных коллекций, поступивших с Сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г., из Московского Политехнического, Исторического и Военно-исторического

¹ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3101. Л. 2–5.

² Культурфильм(а) – кинематографический фильм учебно-просветительного содержания.

³ *Маковецкий И. В.* Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. 1963. № 2. С. 7–18; *Турьинская Х. М.* Из истории этнографического музейного дела в Москве в XIX – начале XXI вв. // Вопросы музеологии. 2012. № 1(5). С. 43–51; *Шангина И. И.* Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х – 30-х годов XX века // Советская этнография. 1991. № 2. С. 71–81.

⁴ *Бахтина В. А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых. М., 2000. С. 217–244; *Керимова М. М.* Б.М.Соколов – первый директор Центрального музея народоведения в Москве, организатор журнала «Этнография» // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: сб. мат. Ижевск, 2017. С. 45–46; *Ее же.* Эпистолярное наследие Б.М.Соколова как источник по истории этнографического музееведения (по материалам семейного архива, 1927–1928 гг.) // Три века российской этнографии: страницы истории. М., 2020. С. 149–199; *Померанцева Э., Чичеров В.* Борис Матвеевич Соколов // Советская этнография. 1955. № 4. С. 97–105.

⁵ *Ипполитова А. Б.* История музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.

⁶ *Головнёв И. А.* «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. 2021. № 3(13). С. 244–263; *Кубанкина О. А.* Музей глазами Б.М.Соколова // История и историческая память. 2020. № 20. С. 92–98.

музеев, Государственного музейного фонда и Строгановского училища¹. В основе нового учреждения лежала концепция выдающегося этнографа В. В. Богданова. Она предполагала разделение музея на научно-систематический и научно-популярный отдел, названные *Этногалереей* и *Этнопарком*. Первая из них была организована в Пашковом доме, где в основном сохранялась старая экспозиция Дашковского музея (до 1927 г., после переведена в здание Нескучного дворца). Вторая часть – Этнопарк, который должен был стать изюминкой всего ЦМН, фактически так и не был создан². В. Богданов писал в 1924 г., что проектирование «музея на воздухе» встречает значительные трудности, которые едва можно преодолеть³.

Другого мнения придерживался директор ЦМН, Б. М. Соколов. Он призывал работать так, чтобы «музеи, в том числе и этнографические, перестали быть мертвыми “хранилищами”, а превратились в *живые научно-исследовательские и вместе с тем научно-просветительные учреждения исключительно большого значения*»; занялись «изменением системы экспозиции, стремясь сделать ее наиболее *жизненной*, научной, показательной и доступной для понимания широких масс»⁴. Наиболее перспективным типом этнографического музея он считал именно этнопарк: «...не буду развивать здесь мысль, которая давно исчерпана. Это мысль об этнопарке. Для нашей Советской страны это самая лучшая, *самая жизненная и самая желательная форма этнографического музея*»⁵.

¹ Керимова М. М. Эпистолярное наследие Б.М.Соколова как источник по истории этнографического музееведения (по материалам семейного архива, 1927–1928 гг.). 2020. С. 156.

² Первый вариант «Этнопарка» был открыт на Мамоновой даче (усадебка «Васильевское», Воробьевы горы, Москва) в 1924 г. Внутренняя экспозиция включала шесть обстановочных залов, посвященных культуре русских, украинцев, белорусов, малых народов Сибири, киргизов и узбеков. Дополнительно выставлялись тематические коллекции – макеты жилищ, коллекция детского воспитания (Е. А. Покровского), костюмов народов Поволжья, быта народов Дальнего Востока и Кавказа. Предположительно в пространстве под открытым небом были представлены бурятская, киргизская и хакасская юрты, хантыйский чум. В 1927 г. на основе Мамоновой дачи было организовано отделение внеевропейской этнографии ЦМН; См.: *Ипполитова А. Б.* История музея народов СССР в Москве. 2001. С. 147–148.

³ Там же. С. 146.

⁴ Соколов Б. М. Этнография в СССР // Известия. 1927. № 8. С. 3.

⁵ Из доклада Б. М. Соколова «Построение и деятельность советских этнографических музеев» на совещании этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.); См.: Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб., 2014. С. 346.

Разрабатывая собственный проект, Б. М. Соколов подробно изучал опыт работы североевропейских музеев под открытым небом, посещая их¹. По итогам своей заграничной поездки в 1928 г. он сделал несколько докладов. Главный из них – «Этнографические музеи под открытым небом в Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании» – прозвучал на 41-ом заседании музейной комиссии Государственной академии истории материальной культуры (5 ноября 1928 г.). Стенограмма доклада позволяет сделать вывод, какие музеи должны были стать прототипами Московского этнопарка. Она включает характеристику четырех учреждений – Сеурасаари в Хельсинки (Финляндия), Норвежского народного музея в Осло, музея под открытым небом в Копенгагене (Дания) и Скансена в Стокгольме (Швеция). Последнему, который по словам Соколова, «может быть назван “альмой матер” всех музеев под открытым небом», уделялось основное внимание².

Рассказывая про уникальную экспозицию Скансена – про перевезенные усадьбы, воссозданное ландшафтное окружение, технологии реставрации и особенности финансирования – этнограф отметил ряд моментов, принципиальных для его идеального этнопарка. В первую очередь это подход музея к подбору «*технических служащих*», которые «в большинстве случаев выбраны из тех местностей, откуда представлена та или иная изба». Этнографа заинтересовал оригинальный бытовой характер взаимоотношений музея и сотрудников: «не все служащие даже получают деньги. Это введено 20–30 лет назад. Там считается хорошим тоном, что крестьянская девушка отправится в город, научится хорошим манерам и обхождению, вообще нечто вроде “института для благородных девиц”. Являясь в Скансен, они

¹ В 1927 г. Соколов был командирован в европейские страны (Польшу, Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию и Германию) с целью участия в Съезде славянских географов и этнографов (5–12 июня 1927 г., Варшава–Краков), и, вместе с тем, для ознакомления с опытом работы зарубежных этнографических музеев; См.: Керимова М. М. Эпистолярное наследие Б.М.Соколова как источник по истории этнографического музееведения (по материалам семейного архива, 1927–1928 гг.). 2020. С. 150.

² РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3121. Л. 2. [Доклад «Этнографические музеи под открытым небом в Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании»].

показывают и самих себя (они ходят в национальных костюмах), делают ту или иную домашнюю работу»¹.

Во вторую очередь Б. М. Соколов отмечает ошибочность такого решения администрации музея, которое привело к *соединению этнографического музея и зоологического парка*: «Вы обходите парк, ...и вдруг в середине видите медведя в клетке, который раздражает потому, что эта клетка уже нарушение всякой естественности. ... мысль Хазелиуса была совершенно извращена и получилось нездоровое впечатление»².

Наконец, более всего директора ЦМН интересовал опыт «*живого показа*», к которому он будет возвращаться и в других своих текстах, посвященных этнопаркам³. Отправляясь в Скансен, он переживал: «не будет ли казаться диким и грубым показ, экспозиция живых людей»? Но тактичность и естественность поведения «технических служащих» музея показали Соколову напрасность подобных страхов: это совмещение «неприятного впечатления не произвело. Они сидят, вышивают или играют на национальных инструментах, и в этом нет особой нарочитости»⁴. Более того, полное уважение и понимание Б. М. Соколова вызвал подход Скансена к проведению *фольклорных праздников*. Он видел, что программы мероприятий составлялись при участии специалистов по конкретной этнографической и исторической области, и на их основе местные музеи, а также производители получали конкретные задания для подготовки материалов. Это, по мнению Соколова, «пример того, что популяризация на строго научной базе чрезвычайно питает собой науку. ... Таким образом в этнографическом музее просто оживают наши коллекции, пересматриваются, их изучают и т.д.»⁵.

¹ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3121. Л. 17.

² РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3121. Л. 20–21.

³ Например, см.: РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3137. Л. 7. [Перспектив книги. «Музеи под открытым небом в Скандинавии и будущее этнопарк в Москве» и одноименная статья].

⁴ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3121. Л. 38.

⁵ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3121. Л. 41.

По ряду архивных документов можно судить, что обозначенные принципы были учтены Б. М. Соколовым при разработке собственного проекта музея под открытым небом. В частности, уже в 1928 г. им была подготовлена статья, содержащая предложения по размещению и структуре этнопарка. В соответствии с этим планом авторским коллективом этнографов начиналась разработка исторических справок и этнографических описаний для будущих секторов¹.

Предлагая разместить проектируемый этнопарк между «двух частей» ЦМН (Нескучным дворцом и Мамоновой дачей) и несколько далее к Воробьевым горам, Б. М. Соколов отмечал перспективность соединения первого *парка культуры и отдыха* с первым советским *музеем под открытым небом*. Он писал, что этнопарк должен занять столь широкое пространство, потому как это даст возможность показать народные постройки на достаточном расстоянии друг от друга «с соответствующим ... природным ландшафтом». Такой подход позволит превратить посетителя этнопарка в «путешественника» по Союзу, а сам музей представит «собой как бы в миниатюре весь наш огромный СССР»².

Достаточно полное описание планируемой экспозиции музея под открытым небом было опубликовано в 2001 г. А. Б. Ипполитовой³, которая отталкивалась от «Объяснительной записки к плану организации этнопарка на территории парка культуры и отдыха», составленной С. П. Григорьевым (1930). Согласно этому тексту, московский «живой музей» должен был разместиться по двум берегам Москвы-реки: на правом берегу – от территории Парка культуры и отдыха до Воробьевых гор, и на левом берегу – между Новодевичьим монастырем и рекой. Внутри обширного

¹ Папка содержит ряд исторических справок и описаний, которые были разработаны авторским коллективом, состоящим из В. В. Никифорова (текст о якутах), П. Е. Островских (о хакасах, самоедах?), Б. С. Жукова (о «физическом воспитании грудного ребенка»), Б. В. Миллера (о Туркестане), Е. И. Горюновой (о бурятах), В. П. Никольской (об остяках), В. Ю. Крупянской (о киргиз-казаках); См.: РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3411. Л. 1–22. [Материалы к путеводителю по этнопарку].

² РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3120. Л. 8–9. [Соколов Б. М. О Московском этнопарке].

³ Ипполитова А. Б. История музея народов СССР в Москве. 2001. С. 144–160.

пространства предполагалось разбить *семь этнографических секторов*, рассказывающих об этнической культуре народов России и СССР:

– три центральных сектора («русские», «белорусы», «южнорусские и украинцы») должны были разместиться между окружной железной дорогой и Мамоновой дачей;

– два прилегающих сектора, посвященных финно-уграм и «турко-татарам», планировались на территории между украинской группой и Воробьевыми горами;

– сектор Кавказа должен был разместиться на обрывистом берегу Мамоновского парка;

– сектор народов Сибири – далее по направлению к Воробьевым горам;

– сектор кочевников и Средней Азии проектировался на левом берегу реки¹.

В соответствии с европейской практикой каждый из этих секторов планировалось разместить в ландшафтных условиях, сходных с настоящими. Для этого предполагалась *высадка растений, разведение домашних и диких животных*. Основу экспозиции должны были составить этнографические жилища, наполненные соответствующими интерьерами и дополненные хозяйственными постройками и *зонами демонстрации традиционных промыслов*. Кроме того, в выставочных павильонах предлагалось представить научно-справочную информацию о демографии, социальных преобразованиях, народных ремеслах и искусствах. Для оживления экспозиции Этнопарка планировалось пригласить сказителей, кустарей и исполнителей народных танцев, организовать катанья на собаках, оленях, верблюдах и др., создать столовые, предлагающие национальные блюда². Частью общественного пространства должна была стать *ярмарка кустарных изделий*. О формах ее организации можно судить, отталкиваясь от Проекта

¹ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3381. Л. 1–11. [Григорьев С. П. Объяснительная записка к плану организации этнопарка на территории парка культуры и отдыха].

² Там же.

организации продажи кустарных изделий народов СССР в парке «Культуры и отдыха»¹.

Можно предположить, что достаточно близким прообразом московского этнопарка Б. М. Соколова стала оригинальная архитектурно-бытовая зона, которая вошла в экспозицию *Сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 г.* Напомним, что эта выставка прошла в Москве на территории будущего Парка культуры и отдыха им. М. Горького, то есть, по плану Соколова, – проектируемого им скансена. Известный исследователь русского деревянного зодчества, архитектор И. В. Маковецкий следующим образом описывает этот первый советский опыт комплексного экспонирования народной культуры: «На выставке были показаны крестьянские дворы девяти основных губерний европейской части Российской Федерации, а именно: Архангельской, Вологодской, Московской, Воронежской, Пензенской, Пермской, Кубано-Черноморской, Новгородской, а также курная изба из Калужской губернии. В этих избах были собраны ... внутренняя обстановка, предметы домашнего обихода, утварь, орудия труда, образцы прикладного искусства в вышивках, резьбе по дереву и кости, а также наиболее выдающиеся материалы народного поэтического и художественного творчества... В период работы выставки в каждой избе жили крестьяне, которые демонстрировали наиболее распространенные в данном крае ремесла. ... Во дворах усадеб демонстрировались наиболее характерные породы скота (лошади, волы, коровы, овцы) и домашняя птица... Кроме дворов, ... на выставке были представлены и жилища отдельных народностей. Например, татары, башкиры, чувашаи и другие

¹ Документ, составленный от имени директора ЦМН гласит: «...необходимо получить особый павильон, внутри которого можно предоставить места для государственных учреждений и кооперативных организаций, занимающихся продажей кустарных изделий». С целью «выявить кустарную продукцию по возможности всех национальностей СССР», предлагалось пригласить: Всероссийский Союз промышленной Кооперации, Госторг Р.С.Ф.С.Р., Центральный Кустарный Музей ВСНХ, Сельско-Хозяйственный Музей Азербайджана, Вологодский, Архангельский, Карельский, Вятский, Всеуральский, Крымский, Армянский, Туркменский, Дальневосточный Союзы Промышленной Кооперации и др. объединения. Для размещения их продукции требовалось выделить павильон в 350 кв. м, в котором каждая из областных или центральных организаций сможет установить «отдельную лавку» или хотя бы «прилавок»; См.: РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3172. Л. 1. [Проект организации продажи кустарных изделий народов СССР в парке «Культуры и отдыха»].

народы построили свои усадьбы и привезли подлинные вещи своего быта, труда и искусства»¹. Остается добавить, что работа по подготовке данной экспозиционной зоны проходила с участием Б. М. Соколова.

Завершая рассказ о Московском этнопарке, следует подчеркнуть, что этот проект музея под открытым небом, как и многие другие музейные практики конца 1920-х гг., тяготел к *современности*. Об этом говорил еще Б. М. Соколов в своем докладе о заграничных этнопарках. Например, он негативно оценивал стремление Сеурасаари собрать «старые дома, которые не могут быть интересны в архитектурном плане или в историческом отношении на улицах современного большого города или которые должны быть снесены»². Безусловно, «архаичные» и «устаревшие» постройки должны были войти в экспозицию московского парка – для показа и выявления «культурных форм в статике в истории». Собственно, для этой же цели предлагалось «создать историко-культурный ландшафт той или иной области» и перенести «некоторые памятники старины». Например, «уголок старого татарского кладбища из Крыма, каменную бабу из киргизских степей, расположив ее на искусственно насыпанный курган и пр.»³.

В заключение важно отметить, что в контексте нашего исследования рассматриваются только отдельные аспекты музейной концепции Б. М. Соколова. В целом, как и многие деятели музейного мира России, он стремился к равному, гармоничному *единству научной и просветительской деятельности* в этнографических музеях. А потому видел в их структуре «широкую сеть вспомогательных учреждений, палеэтнологическую и этнографическую лаборатории, манекенные, реставрационные и муляжные мастерские и др.»⁴. К сожалению, яркие проекты Соколова реализованы не

¹ *Маковецкий И. В.* Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. 1963. № 2. С. 12–13.

² РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3121. Л. 4. [Доклад «Этнографические музеи под открытым небом в Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании»].

³ РГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3381. Л. 9. [Григорьев С. П. Объяснительная записка к плану организации этнопарка на территории парка культуры и отдыха].

⁴ Из доклада Б. М. Соколова «Построение и деятельность советских этнографических музеев» на совещании этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.); См.: От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда. 2014. С. 348.

были. В 1930 г. он покинул пост директора ЦМН, в том числе по причине разногласий с В. В. Богдановым в планах развития музея¹, а через полгода после этого – скончался от тяжелой болезни.

Краткие выводы. Во втором параграфе были представлены наиболее известные проекты «живого музея», предложенные в конце XIX – первой трети XX вв. и отраженные в музееведческой историографии.

Впервые проблематика «живого музея» была обозначена в философской концепции Н. Ф. Фёдорова, превратившей музейное учреждение в инструмент Общего дела. В наиболее яркой форме он выразил идею «активного музея», занимающегося не только хранением «остатков прошлого», но и проектированием будущего. Следующий проект «живого музея» был предложен П. А. Флоренским, разработавшим оригинальную концепцию музеефикации Троице-Сергиевой Лавры в 1918 г. Оказавшись перед необходимостью спасения монастыря в формате музея, отец Павел призывал к сохранению историко-культурной роли и многоплановой деятельности обители. В закрывающемся монастыре он стремился к открытию *школ и обществ изучения*, которые смогут в изменившихся социально-политических условиях актуализировать и развить иконописные, архитектурные, певческие и ремесленные традиции Лавры.

В 1920-е гг. начала формироваться еще одна концепция живого, а точнее «ожившего» музея в рамках этнографического музееведения. Если в концепции П. А. Флоренского впервые прозвучала идея сохранения «жизни» музеефицируемого объекта, то в этнографических проектах были предложены ясные и понятные формы внесения этой «жизни» в музейное пространство. В частности, театровед В. Н. Гернгросс (Всеволодский) предложил принцип живого этнографического, фольклорного музея-театра, представляющего народную культуру в формате инсценировок в музейной экспозиции. Этнограф Б. М. Соколов, возглавлявший Центральный музей народоведения в Москве (1924–1930), разрабатывал принципы гармоничного

¹ Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых. 2000. С. 243.

единства научно-исследовательской и просветительской деятельности музея. Особую роль он отводил развитию этнопарков, комплексно рассказывающих об этнокультурных особенностях народов СССР.

История показала, что эти философские и практико-ориентированные проекты намного опередили свое время. На смену идеальному «активному музею» Н. Ф. Фёдорова пришел своеобразный и вполне реальный музей-культпросветкомбинат. «Живой музей» Троице-Сергиевой Лавры стал историко-художественным хранилищем, осуществляющим антирелигиозную «просветительскую» работу. Актеры В. Н. Всеволодского, демонстрирующие в Этнографическом отделе Русского музея живую народную культуру, превратились в обстановочные сцены, рассказывающие об успехах в борьбе с пережитками прошлого. Наконец, проект московского скансена Б. М. Соколова лишь отчасти возродился в планах П. Д. Барановского по развитию Коломенского, и вместе с ними так и остался не осуществленным. Масштабные социокультурные изменения, которые сопровождали создание советского государства в 1920–1930-е гг., сделали неактуальными все концептуальные поиски принципа «живого музея». Оставшись нереализованными, данные проекты превратились в своеобразные эталоны, на которые ориентируется современные музейеведы – исследователи и создатели динамичного подхода к сохранению историко-культурного наследия.

1.3. Расцвет форм «живого музея» в советской музейной практике 1930–1980-х гг.

На первый взгляд может показаться малосвязанным с изучаемой темой период с середины 1930-х гг., когда ушли в историю последние музейно-театральные эксперименты В. Н. Всеволодского, до конца 1980-х гг. –

времени рождения современных подходов к сохранению историко-культурного наследия. Тогда возникает простой и очевидный вопрос: почему же забытые проекты начала XX столетия стали столь актуальными и реальными в его конце? Казалось бы, это можно объяснить возрождением национальных традиций, которое было обусловлено демократизацией общества. Но более глубокое погружение в тему позволяет сделать совершенно другой – парадоксальный вывод. Данный период следует рассматривать как время расцвета разнообразных форм «живого музея» в непосредственной музейной практике. Прокомментируем этот тезис, обратившись к истории музейного дела в середине – второй половине XX в.

Практики «живого музея» в контексте советского музейного развития 1930–1940-х гг. В конце 1920-х гг. сформировался особый вектор развития советского музейного дела, определивший внедрение в музеи *не привычных форм работы*. Напомним, что Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР» от 20 августа 1928 г. призывало расширить просветительскую деятельность советских музеев, чтобы они могли удовлетворить запросы школьного, профессионально-технического и массового просвещения¹. Музейная сеть, созданная в первое десятилетие советской власти, должна была расширяться и превратиться в единый государственный институт, содействующий задачам индустриализации производства и коллективизации сельского хозяйства. В этих условиях, как отмечает О. В. Ионова, музейная экспозиция стала рассматриваться как основа для широкой и разносторонней массово-просветительской работы, и перед музеем начали ставиться задачи непосредственного участия в пропаганде политических и экономических вопросов текущей жизни. К примеру, уже в 1929 г. музеи активно были

¹ О музейном строительстве в РСФСР (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20/VIII 1928 г.) // Известия ЦИК и ВЦИК от 3/X 1928 г. № 230. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136669-o-muzeynom-stroitelstve-v-rsfsr-postanovlenie-vtsik-i-snk-rsfsr-ot-20-viii-1928-g> (дата обращения: 30.03.2024).

включены в программу по борьбе за урожайность, а также в пропаганду первого пятилетнего плана развития народного хозяйства¹.

Наиболее ярко этот *разворот музеев к современности* выразился в материалах Первого Всероссийского музейного съезда 1930 г. Письмо-приветствие наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова призывало превратить музеи в «*инструмент культурной революции*» и отразить в их экспозициях «каждый практический шаг к строительству социализма в крае, области, республике»². Этому вторили принятые резолюции: «Задачами музеев является не только отражение настоящего и прошлого, но и строительство будущего на основе линии коммунистической партии. ... Поэтому необходимо установить форму музея, как части политпросветкомбината»³.

Ряд очевидных перегибов в решениях съезда, обернувшихся утратой музеем собственной «предметной» специфики, способствовали негативному восприятию данного этапа музейной истории в российском музееведении. Заслуженная критика этих перегибов, начавшаяся еще в 1950-е гг.⁴, привела к достаточно стереотипному восприятию музейного дела 1930-х – начала 1940-х гг. Некоторым исключением из общего правила являются отдельные работы, посвященные развитию методики построения экспозиции в указанный период. В частности, в исследованиях Т. П. Полякова отмечается, что именно в докладах музейного съезда 1930 г. впервые прозвучали проблемы музейного языка и принципов коммуникации в музее⁵.

Но всё же преобладают отрицательные оценки. Согласно устоявшемуся мнению, в 1930-е гг. «задача превращения музея в “политпросветкомбинат”

¹ ИONOBA O. B. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928–1941 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. V. 1963. С. 86–87.

² Письмо-приветствие А. С. Бубнова // Труды Первого Всероссийского музейного съезда. М., Л., 1931. Т. 1. С. 17–20.

³ Принципы и формы массовой политпросветработы в музее: Утвержденная съездом резолюция // Труды Первого Всероссийского музейного съезда. 1931. Т. 1. С. 172.

⁴ Например, см.: Основы советского музееведения. М., 1955. С. 7, 23.

⁵ Например, см.: Поляков Т. П. Из истории отечественной экспозиционной мысли: идеи и предложения Первого Всероссийского музейного съезда (1930 г.) в области «музейного языка» и их отражение в экспозициях начала 1930-х годов // Культурологический журнал. № 2018/3(33). URL: http://cjournal.ru/rus/journals/448.html&j_id=36 (дата обращения: 14.04.2024).

выполнялась путем распространения ими плакатов, передвижных выставок, разъясняющих политику партии ... и народно-хозяйственных задач, чтения лекций без опоры на музейный предмет, проведения политинформаций, митингов»¹. При всей справедливости оценки, следует сказать, что погружение в тему показывает – этот перечень *не исчерпывает* всех новых «форм работы, не типичных для музея», появившихся в указанный период.

В поисках идей и практик «живого музея» обратимся к главному музейному рупору 1930-х гг. – журналу «Советский музей». Борьба с музеем-хранилищем становится одной из центральных тем на страницах издания, первый выпуск которого провозгласил: «Для нас музей не кунсткамера, не коллекция раритетов, не кладбище с монументами, не эстетическая галерея, наконец *не закрытое собрание для немногих*. Для нас музей есть политико-просветительный комбинат, ... наглядными представлениями рассказывающий трудящимся *массам* о природе и человеческом обществе, ... о великом социалистическом строительстве»². Этот характер учреждения, осуществляющего массовое просвещение населения, предопределил новое понимание научно-исследовательской работы музеев. Публикации журнала на живых примерах переориентировали областные и местные музеи на решение самых насущных хозяйственных проблем, среди которых было: «выявление залежей торфа, каменного строительного материала, местного пушного зверя, выявление технического сырья, изучение известняков, изучение местных глин и пр.»³.

Предполагалось, что результаты подобных исследований не только пройдут «*вещевое опубликование*» в формате стационарных экспозиций⁴, но и будут распространены среди местных жителей и предприятий в максимально доступном виде. Потому значительный акцент в публикациях

¹ Медведева Е. Б. Становление музейной педагогики в Германии и России: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. М., 1999. С. 75.

² О задачах «Советского музея» // Советский музей. 1931. № 1. С. 5.

³ Музей Ивановской промышленной области // Советский музей. 1931. № 1. С. 111.

⁴ Мансуров А. Место научно-исследовательской работы в музеях // Советский музей. 1931. № 3. С. 32.

ставился на приоритете *практических форм* работы. Это прослеживается, например, по статьям, обращенным к представлению зарубежного опыта, где особое внимание уделялось работе *музеев прикладных знаний*¹. В этом же плане интересны публикации, рассказывающие о формировании «актива музея», непосредственно участвующего в реализации музейных проектов². Наконец, в соответствии с решениями музейного съезда максимальное освещение на страницах журнала получали *новаторские музейные практики*. Такие как – организация мобильных «музеев-передвижек», «музеев новостроек», «музеев на улице», музейных фестивалей, учебно-показательных питомников и огородов, изб-читален, метеостанций, практических мастерских, лабораторий, рабочих мест посетителей и т. п.³ Приведем несколько ярких примеров этих «живых музеев» 1930-х гг.

В майские праздники 1931 г. Артиллерийским историческим музеем РККА в Ленинграде был реализован необычный подход к организации выставки. Стараясь преодолеть плоскость, схематичность и скучность современных «передвижек», не привлекающих достаточного внимания населения, музей предложил «создать *передвижные выставки на автомобилях* для использования их в момент демонстраций и народных гуляний»⁴. Идею удалось реализовать с помощью одной машины, переоборудованной в выставку «Овладение военной техникой – боевая задача дня». В нее вошли: «три походных щита-полотнища выставки по моторизации и механизации Центрального дома Красной армии, модели танка, орудий и еще кое-какой трехмерный материал». Машину сопровождали «военный экскурсовод-консультант и бригада затейников Гос. антирелигиозного комбината с репертуаром к теме выставки».

¹ Например, см.: *Березин А. Д.* К вопросу об использовании опыта работы технико-экономических музеев Германии // Советский музей. 1931. № 2. С. 70–84.

² Например, см.: *Беркутов Н.* Опыт создания сети музейных корреспондентов // Советский музей. 1931. № 1. С. 26–30; *Вертинский Н. С.* Организация актива при музеях // Советский музей. 1932. № 3. С. 31–35; *Калинин Ф.* Роль и значение актива в строительстве музея // Советский музей. 1937. № 3. С. 14–16.

³ Например, см.: *Фирсов Н. Д.* О типе музея новостройки // Советский музей. 1933. № 3. С. 8–16; *Львов К. И.* Рабочее место посетителя в технико-экономическом музее // Там же. С. 17–32; *Востоков Е.* Музейный фестиваль // Советский музей. 1937. № 3. С. 37–40.

⁴ *С-кий.* Из опыта массовой работы Артиллерийского исторического музея РККА в Ленинграде // Советский музей. 1931. № 6. С. 98.

Передвигаясь 1 и 2 мая от «мест сбора демонстрантов» до «мест народных гуляний» выставка привлекала максимальное внимание. Как заключает С-кий, автор статьи: несмотря на некоторую «примитивность» и «не совершенность» внешнего вида агитавтомобиля, «эффект превзошел все ожидания, комбинированные формы пропаганды не давали скучать зрителю»¹.

В третьем выпуске журнала за 1932 г. можно встретить подробную инструкцию о снаряжении «автомобильной передвижки» – на основе полутонной грузовой машины «Форд» или «Амо» – для несения службы в глухой отдаленной местности. В статье М. С. Ильковского отмечается, что «прежде всего автомобиль должен стать хорошо оборудованной базой, которая снабжена техническими усовершенствованиями, как-то: радио, кино, фото и т. д.». Кроме того, необходимый инвентарь включал граммофон, музыкальные инструменты, выставку плакатов, подвижных диаграмм и разных схем, серию диапозитивов на различные темы. Огромную роль имела установка на агитавтомобиле динамомшины (электростанции). Для оборудования подобной «автомобильной передвижки» на полторку устанавливался «кузов с двойными стенками, а также двойной пол». Верхняя часть пола делалась выдвижной и служила подмошкой. На крыше кузова монтировались две радиомачты для «несколькополюсной антенны»².

Центральным музеем охраны труда был обустроен «вагон-музей по оздоровлению и безопасности труда на железнодорожном транспорте». К слову сказать, создатель передвижки, д-р Ивашов, отмечал не разработанность техники организации подобных выставок: «большинство вагонов, с которыми пришлось ознакомиться, не имело целостного общего оформления, страдала также и общая установка»³. Потому он подчеркивал принципиальное отличие своего проекта – разработка всего художественного

¹ Там же. С. 98–99.

² Ильковский М. С. Агитавтомобиль на службу культурному строительству // Советский музей. 1932. № 3. С. 85–87.

³ Д-р Ивашов. Вагон-музей по оздоровлению и безопасности на железнодорожном транспорте // Советский музей. 1932. № 1. С. 108–113.

решения проводилась одним лицом (художником Кудряшовым). В результате было подготовлено максимально объемное оформление с использованием «спускающихся с потолка плоскостей», выдвижных щитов, «косых форм в виде книг», «моделей помещений» и др. Весьма успешным оказался опыт внедрения «2-моментных витражей», на которых отображалась разная информация до и после включения света. Автор выставки особенно подчеркнул необходимость использования «экспонатов не только “действующих”, но и таких, к которым сам экскурсант мог бы “приложить руки” (потому что быть только зрителем не только скучно, но и не современно)»¹.

Оригинальные «передвижные библиотечки» для местных колхозов были организованы в первый год существования ленинского музея в Шушенском. В 1930 г. дома, связанные с пребыванием В. И. Ленина в ссылке 1897–1899 гг., были переданы Государственному музею им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. Новый филиал музея включил два объекта – «бывшие дома Петрова и Зырянова». Во втором из них, после окончания ремонтных работ, планировалась «образцовая изба-читальня», которая и стала основой для передвижных библиотек. Однако этими новациями создатели музея не ограничились. Во дворе дома Петрова, внутри которого уже в 1930 г. открылось «историко-революционное отделение» с характерной экспозицией, был «разбит питомник плодовых и ягодных деревьев и кустарников». В статье озвучивались планы организовать «при содействии краевого бюро погоды ... метеорологическую станцию для обслуживания местных колхозов»².

В этом же плане следует отметить необычные агрокультурные проекты, которые в течение ряда лет развивались Биомузеем им. К. А. Тимирязева. К слову, его основатель и первый директор, Б. М. Завадовский, призывал музеи перестать быть «простым придатком к

¹ Д-р Ивашов. Вагон-музей по оздоровлению и безопасности на железнодорожном транспорте // Советский музей. 1932. № 1. С. 113.

² Где жил Ильич в ссылке // Советский музей. 1931. № 1. С. 97–99.

академиям наук», побороть фетишизацию и догматизацию «научной систематики, которая вместо подсобного орудия научного исследования, превратилась ... в самодовлеющую задачу, в самоцель»¹.

Эти лозунги воплощались, в том числе, в новых проектах учреждения типа «музей на улице». Рассказывая об одном из них, П. Н. Храпов писал: «Нам нужны музеи на улице, отвечающие буквальному смыслу этого слова, где посетители могли бы *отдыхая черпать знания* ... посетитель, попадая в такие открытые музеи, попадая иногда *случайно*, прежде всего черпает знания по ряду интересующих его вопросов, расширяя свой умственный кругозор и далее, повышая любознательность, идет в закрытые научно-образовательные музеи»². В лоне этого понимания Биомузеем был организован *музей-коридор*, а затем *биологический уголок* на площади Миусского сквера в Москве.

Работы по устройству открытого био-уголка были тесно связаны с привлечением профильных научно-исследовательских и агропромышленных предприятий, а также – с формированием «актива “друзей сквера”, повседневных помощников в работах на нем»³. Эту группу составили школьники Краснопресненского района столицы, руководимые педагогами-естественниками. Данный актив стал главной действующей силой в «воскреснике по приведению сквера в порядок» и «посевной компании». Наравне с подготовкой рассады, высадкой ее и сбором урожая, она предполагала «ведение дневника», составление этикетаж, взаимодействие с профильными организациями и контроль за сохранностью посадок.

На момент написания статьи по проекту была реализована программа-минимум, согласно которой экспозиция «музея на улице» включила: свыше 100 лекарственных и технических растений; участок показательного севооборота для ознакомления городского населения с современными

¹ Методы марксистской экспозиции естественно-научных музеев. Сводный доклад Б. М. Завадовского // Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Т. 1. 1931. С. 41–42; также см.: *Завадовский Б. М.* Естественно-научные музеи капиталистического Запада // Советский музей. 1931. № 1. С. 76–95.

² *Храпов П. Н.* Музей на улице // Советский музей. 1931. № 4. С. 40.

³ Там же. С. 42.

задачами и методами поднятия народного хозяйства; лесную школу, где были показаны на местных древесных породах основные приемы ведения лесного хозяйства. Как отмечено в публикации, перспективы проекта были связаны с работой «по прививкам на лесных породах», с акклиматизацией некоторых растений и насаждением «японского карликового парка-роши в особой застекленной витрине». Планировалась установка и других витрин с «мертвыми экспонатами ко всем темам». Несмотря на незавершенность работ, автор отмечал важные достижения проекта. Такие как: преодоление «сомнения скептиков в успехе начатого дела» и подготовка «жителей района к восприятию нового ...течения: “даешь музей на улицу”, даже больше – лабораторию на улицу»¹.

Со временем организация при музеях, в особенности – краеведческих, учебно-показательного огорода или питомника стало весьма распространенной практикой. Из трудов НИИ краеведческой и музейной работы (1952) можно узнать историю развития «опытного примузейного участка с живыми коллекциями растений», организованного в Череповецком краеведческом музее в 1936 г.², или созданного тогда же «опытного плодово-ягодного участка» при Кяхтинском краеведческом музее³.

Самостоятельное направление представляют собой идеи животноводческих учебно-показательных питомников. Об их просветительных возможностях писал Н. А. Шнеерсон в 1931 г., рассматривая пример со строительством «показательного свинарника» для участия музея в развитии местного хозяйства. «Сравните такой метод пропаганды, – отмечает автор, – с нашими обычными приемами – две-три диаграммы да три-четыре фотографии случайно заснятых свиней, – и каждому музейному работнику станет совершенно понятным какие

¹ Храпов П. Н. Музей на улице // Советский музей. 1931. № 4. С. 46–47.

² Морозов К. К., Бухарина К. М. Из практики создания опытного примузейного участка с живыми коллекциями растений и о культурно-массовой работе на участке // Вопросы музейного дела. М., 1952. С. 81–93.

³ Орлова А. Н., Тугутов Р. Ф. Опытный плодово-ягодный участок Кяхтинского краеведческого музея и его массовая агротехническая пропаганда // Вопросы музейного дела. М., 1952. С. 94.

огромные возможности открываются перед ним в деле живой пропаганды в области животноводства!»¹. План показательного «вододействующего *рыбного завода* с *рыбоводной секцией*», экспозицией и комнатой для научной разработки материалов был предложен И. Кучиным в статье «Роль музеев в реконструктивный период развития рыбного хозяйства»².

Наконец, говоря об участии музеев в поднятии сельского производства, нельзя упустить опыт создания *колхоза имени Пушкина* на периферии заповедного «Пушкинского Уголка» в Псковской области. Наряду с другими местными поселками в коллективное хозяйство вошло Тригорское. Колхоз получил покос в знаменитом селе, и планировалось приспособить «разрушенные каменные сараи для скота»³.

«Пушкинский Уголок» интересен для нашей темы и в другом аспекте. В рассматриваемые годы его памятники (Михайловская сосновая роща, Тригорский парк и Святогорский холм с могилой А. С. Пушкина) вошли в только образованную советскую систему национальных парков и заповедников, или – «*живых музеев*», как их образно называл В. П. Семёнов-Тян-Шанский. Составленная им в 1920-е гг. типология охранных природных территорий включала заповедники, созданные «в память великих людей в местах, непосредственно связанных с их жизнью и деятельностью». Наравне с пушкинскими землями к этим охранным территориям была отнесена «Ясная Поляна» Л. Н. Толстого⁴. Словом, данные «живые музеи» стали *прообразом современных музеев-заповедников*, появившихся в системе государственных охранных учреждений уже в послевоенные годы.

Возвращаясь непосредственно к музейным практикам середины XX в., подчеркнем основную мысль. Объявленный курс на превращение «музеев-хранилищ» в центры массового просвещения и пропаганды несомненно имел

¹ Шнеерсон Н. А. Об опытно-показательных учреждениях при краеведческих музеях // Советский музей. 1931. № 4. С. 51.

² Кучин И. Роль музеев в реконструктивный период развития рыбного хозяйства // Советский музей. 1932. № 3. С. 42.

³ Глидкий А. В пушкинских местах // Советский музей. 1931. № 4. С. 120–121.

⁴ Семёнов-Тян-Шанский В. П. Географическое изучение природы СССР // Наука и техника СССР, 1917–1927. М., 1927–1928. С. 394.

не только негативные последствия. Его положительным результатом стало расширение публичной части музейной деятельности. Открывая путеводитель «Музеи и выставки Москвы и Подмосковья» 1947 г., мы видим, что в каждом втором музее, несмотря на трудности времени, функционируют и экспозиции, и *«вспомогательные учреждения»*.

Например, читатель узнает, что в Государственном музее народов СССР (работающем свой последний год), находится «библиотека русской и иностранной литературы по этнографии, истории, географии, археологии и искусству»¹. В Центральном доме авиации и ПВХО им. М. В. Фрунзе работает не только «библиотека-читальня», но и «кино-лекторий»². При Центральном музее Красной Армии открыты уникальный архив и «фотолаборатория»³. Частью Постоянной Всесоюзной строительной выставки (при Министерстве строительных предприятий тяжелой индустрии) была «библиотека в 250 тыс. единиц – крупнейшая в СССР отраслевая и научно-техническая библиотека русской и иностранной литературы», читальный зал, фабрика моделей, фотолаборатория, архив с фототекой и т. п.⁴ Из всех оставшихся примеров, которые в множестве можно встретить в путеводителе, составленном К. А. Ворчинской, отметим напоследок Геологический музей им. А. П. Карпинского, при котором действовало «Бюро минералов, принимающее заказы на составление и высылку минералогических коллекций всех типов»⁵.

Практики «живого музея» в контексте развития советской системы охраны наследия в послевоенный период. В начале 1950-х гг. на смену обозначенным выше «не музейным» формам работы пришли *другие задачи*. В их основе лежали не только горькие утраты Великой Отечественной войны, выразившиеся в сотнях тысяч потерянных памятников и реликвий, но и тенденции предвоенного времени, отмеченного

¹ Музеи и выставки Москвы и Подмосковья / сост. К. А. Ворчинская. М., 1947. С. 25.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 52.

возрождением интереса к национальной российской истории. Стало преобладать традиционное понимание музеев – как «основных государственных хранилищ коллекций памятников культуры»¹. В его утверждении особую роль сыграла деятельность НИИ музееведения², подготовившего первый советский музейный учебник (1955) и серию очерков по истории музейного дела России и СССР. Эти публикации показывали, что роль музеев сложилась исторически – как научно-исследовательских и просветительских учреждений, сохраняющих материальное наследие отечества³.

Вместе с тем, в конце 1940-х гг. началось становление государственных норм охраны культурного наследия. В 1948 г. Советом министров СССР было принято Постановление № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», которым была поставлена задача обеспечения сохранности «памятников культуры» и составления их «государственных списков»⁴. Постановление утверждало Положение об охране памятников культуры (1948), содержащее понятия государственной охраны, категорий и видов памятников истории и культуры, правил их использования и контроля этого⁵. Особо следует подчеркнуть, что Положение наделяло Совет министров СССР новым правом – объявлять заповедниками историко-культурные объекты комплексного характера, имеющие особое научное, историческое или художественное значение.

Следствием этого стал процесс создания сети музеев-заповедников, развернувшийся с конца 1950-х гг. Первые учреждения были образованы на основе музейных объединений древнейших русских городов (Владими́ро-

¹ Галкина П. И. Вопросы музейного строительства на совещании музейных работников Сибири // Вопросы музейного дела. М., 1952. С. 52.

² Учреждение несколько раз меняло свое название: в 1932–1937 гг. – Центральный НИИ методов краеведческой работы; в 1937–1951 гг. – НИИ краеведческой и музейной работы; в 1951–1959 гг. – НИИ музееведения; в 1959–1971 гг. – НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры; в 1972–1989 гг. – НИИ культуры; в 1989–2014 гг. – Российский институт культурологии; с 2014 г. объединено с Российским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

³ Например, см.: Основы советского музееведения. М., 1955. С. 4, 6, 16–21.

⁴ О мерах улучшения охраны памятников культуры: Постановление Совета министров СССР № 3898 [от 14 октября 1948 г.]. М., 1949. 12 с.

⁵ Подробнее см.: Османова М. Н., Бабошина Е. В. Послевоенное законодательство СССР об охране памятников истории, культуры и искусства // Образование и право. № 2. 2023. С. 397–402.

Суздальский, Новгородский, Костромской, Загорский, Горьковский, Ярославско-Ростовский, Псковский музеи-заповедники), археологических комплексов («Танаис», «Костенки», Булгарский заповедник в РСФСР, «Эребуни» в Армении) и почитаемых исторических мест (Бородинское поле, усадьбы Мелихово, Тарханы и др.)¹. Параллельно с этим началось формирование сети *музеев под открытым небом – скансенов*, о работе которых следует рассказать подробнее. В отличие от музеев-заповедников, где до конца столетия приоритетным был реставрационно-аналитический подход², в скансенах и музеях смешанного типа (содержащих памятники *in situ* и перевезенные) возродились многие забытые идеи 1920-х гг.

Реализации давней мечты этнографов и архитекторов способствовала быстрая урбанизация и промышленное развитие советского государства. Вспоминая публикации начала XX в., можно сказать, что на смену историческим деревням – «живым этнографическим музеям» – начали приходить архитектурно-этнографические музеи под открытым небом. В 1960–1970-е гг. на страницах журналов «Советская этнография», «Архитектура СССР» и в других изданиях³ вышла серия публикаций, посвященных принципам и методам организации этих музеев. В них освещался опыт создания и функционирования *зарубежных скансенов*, музеев «живой истории» и *тематических парков*, в том числе – шведского Скансена, румынского Сатулуй (Музея-село), чехословацкого музея в Рожнове, датского Зоргенфри, финского Луостаринмеки (Музея ремесел в Турку), голландского музея в Арнхеме, американского Дисней-Ленда и др.

¹ См.: Музеи-заповедники // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 393–395.

² Данный термин применяется для обозначения приоритетных тенденций в музеефикации памятников в послевоенный период (1945–1980-е гг.); См.: Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. 2012. С. 258–312. Развивая это определение, автор диссертации использует термин в более широком ключе, подчеркивая ключевые особенности данного подхода (приоритет реставрационных техник перед музейной интерпретацией, восстановление объекта на «оптимальную дату», использование реконструкции как метода реставрации и т.д.). Подобный подход можно встретить и в современной деятельности музеев-заповедников.

³ См.: Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Советская этнография. 1963. № 2. С. 7–18; Морозов М. Н. Скансен – этнографический музей Швеции под открытым небом // Советская этнография. 1960. № 5. С. 102–109; Ополовников А. В. Музеи деревянного зодчества. М., 1968. 119 с.; Шмелев В. Г. Музеи под открытым небом: очерки истории возникновения и развития. Киев, 1983. 119 с.

В советском музееведении в те годы развивались разные подходы к пониманию специфики открытых музеев. Например, А. И. Михайловская, подробно представившая историю возникновения зарубежных этнопарков и отмечавшая низкий уровень «музейной усталости» в подобных экспозициях, рассматривала их всё-таки «как одно из мероприятий *по охране памятников народного зодчества*»¹. Перспективным оказалось мнение И. В. Маковецкого, который еще в 1963 г. высказал важнейшую мысль: «Музеи на открытом воздухе получили возможность вместе с экспозицией материальной культуры демонстрировать и *духовную культуру народа*», они «имеют большие возможности для показа не только самих экспонатов, но и процессов творческого труда»². Можно сказать, что срединное положение занимало мнение А. В. Ополовникова: «... музеи народного зодчества *станут очагами массовой культурно-просветительной деятельности*»; однако «сейчас надо помнить о главном: о том, что сельские здания и сооружения, которые должны формировать основное ядро музеев под открытым небом, *сходят с лица земли с катастрофической быстротой*»³.

Следует сказать и о практических примерах. В путеводителе 1958 г. по *Латвийскому государственному архитектурно-этнографическому музею* подчеркивается, что бывший «Бривдабас» является «*единственным* в Советском Союзе музеем на открытом воздухе»⁴. Он был основан в 1924 г., и в скором времени на берег озера Югла возле Риги начали перевозить первые экспонаты – хозяйственные постройки латышских крестьян. Прообразом музея считается Латышская этнографическая выставка 1896 г.⁵ После вхождения территории в СССР некоторое время Бривдабас был филиалом Государственного исторического музея, но достаточно быстро получил самостоятельный статус. Уже в начале 1950-х гг. стала воплощаться

¹ Михайловская А. И. Приемы показа этнографических коллекций в музеях // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок. М., 1972. С. 27.

² Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи. 1963. С. 10, 17.

³ Ополовников А. В. Музеи народного зодчества // Архитектура СССР. 1965. № 12. С. 28.

⁴ Музей крестьянского быта Латвии XVII–XIX веков (Рига). Рига, 1958. С. 3.

⁵ Михайловская А. И. Приемы показа этнографических коллекций в музеях. 1972. С. 27; Викманис К. П. О развитии Латвийского этнографического музея под открытым небом // Советская этнография. 1963. № 2. С. 112.

комплексная программа по развитию скансена. Был сохранен и развит изначальный принцип создания музея – отражение в экспозиции на открытом воздухе *основных культурно-исторических областей* Латвии — Курземе, Видземе, Земгале и Латгале. Для чего увеличивалась территория и перевозились новые памятники¹. Внутри секторов музея (Курземского, Видземского, Земгальского, Латгальского) находились жилые, хозяйственные и общественные здания. Они группировались по тому принципу, который был приоритетным в *исходном этнографо-географическом районе*. Например, все постройки, перевезенные из Латгалии, комплектовались в виде деревни². Основу некоторых секторов составляли усадьбы и хутора.

На самом деле существовал еще один – «*Русский скансен*» в селе Коломенском, история и подходы которого были ближе и известнее российским реставраторам и архитекторам. Развитие музея также началось в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда на его территорию были перевезены некоторые исторические постройки из Подмосковья (Медоварня из Преображенского), Архангельской области (Проездная башня Николо-Корельского монастыря, Домик Петра I) и Карелии (Моховая башня Сумского острога)³. Важно отметить, что как таковым музеем народного быта Коломенское никогда не было, его экспозиция формировалась скорее по коллекционному принципу. То есть, для нее отбирались *уникальные* памятники деревянного зодчества. Существовали грандиозные планы П. Д. Барановского по созданию на основе Коломенского «Музейного городка народной архитектуры СССР», отражающего архитектурные традиции всех республик, но реализовать их не представилось возможности.

¹ Викманис К. П. О развитии Латвийского этнографического музея под открытым небом. 1963. С. 113, 116.

² Государственный музей крестьянского быта Латвии XVII–XIX веков. 1958. С. 30.

³ Подробнее см.: Бокарева О. Б. Коломенское в 1900–1920-х годах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 8 (47). С. 24–29; Цветнов В. А. П. Д. Барановский. Эволюция взглядов: от музеев под открытым небом к охране культурных ландшафтов русского севера (1920–1970-е годы) // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 2. С. 35–39.

Следует подчеркнуть, что подобный *коллекционный принцип* развивался и в новых советских этнопарках¹, строительство и проектирование которых развернулось в конце 1950–1960-х гг. В это время были заложены архитектурно-этнографические экспозиции под открытым небом в Костромской области и Карелии, в Горьком (Нижнем Новгороде) и Архангельске, Новгороде и Вологодской области, а также в Эстонии, Грузии, Молдавии, на Украине². Как отмечает О. Г. Севан, «основной их задачей считалось сохранение памятников народного зодчества, различных этнографических коллекций и демонстрация их в новых музейных условиях»³. Потому при разработке генеральных планов музеев побеждало стремление сосредоточить *лучшие образцы* народной архитектуры и прикладного искусства, а основными критериями отбора являлись архитектурно-художественные качества построек.

Подобные «выставки архитектуры» под открытым небом со временем стали восприниматься негативно. О причинах этого позже писала А. Б. Пермиловская: «музей под открытым небом, даже если в нем грамотно смоделирована архитектурная среда и воссоздан природный ландшафт без воспроизведения “живой” среды, воспринимается как *кладбище*. В традиционных культурах многих народов мира (в том числе и русской) пустые, заброшенные, оставленные хозяевами дома ассоциировались с неестественной насильственной смертью, нечистым местом, подобным кладбищу»⁴.

Прорывным для своего времени стал план-проект *Архангельского музея деревянного зодчества в Малых Корелах*. Его экспозиция изначально проектировалась как система архитектурно-этнографических секторов, хотя

¹ Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. Москва: Этерна, 2012; Тихонов В. В. Особенности и перспектива формирования методической базы этнографических музеев под открытым небом в СССР и России // Омский научный вестник. 2012. № 5(112). С. 251–254; Севан О. Г. Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми // На пути к музею XXI века. Музеи-заповедники. М., 1991 (1992). С. 63–85.

² Маковецкий И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи. 1963. С. 7.

³ Севан О. Г. Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми. 1991. С. 63.

⁴ Пермиловская А. Б. «Живая» среда музея под открытым небом как форма организации памяти в современной культуре России и Западной Европы // Обсерватория культуры. 2011. № 1. С. 79–80.

и ориентированная на сохранение уникальных памятников (ген. план 1967 г.). Эта идея была развита во втором генеральном плане (1975 г., авт. О. Г. Севан под рук. Б. В. Гнедовского) до создания «*микромоделей ряда поселений*», соответствующих историко-культурным зонам Архангельской области». После обследования территорий были определены Каргопольско-Онежский, Важский, Северо-Двинский, Пинежский, Мезенский, Поморский сектора, внутри которых планировались «*экологические ансамбли*» – комплексы памятников, исторического ландшафта и культурной среды¹.

Следует подчеркнуть, что не все предложения архитекторов удалось реализовать в Малых Корелах. Но, несмотря на это, творческий потенциал проекта начал сказываться уже в 1970-е гг., когда в архангельском музее стали развиваться *уникальные музейные практики* – воссоздание звукового ландшафта, проведение фольклорных праздников, формирование экспозиционных огородов, содержание лошадей и т. п. Позже такой подход будет назван «средовым»² и превратится в основную экспозиционную технологию для любого российского музея под открытым небом.

Подробнее об этих практиках можно узнать из статьи А. Н. Давыдова, опубликованной уже в 1982 г.³ В частности, он рассказывает про уникальную экспозицию «Звоны Северные», которая начала работу в 1975 г. Частью данного проекта стало *воссоздание звукового ландшафта* северной русской деревни. Первый директор музея, Л. А. Бострем, впоследствии вспоминала как родился этот проект: «молодому научному коллективу следовало ... открыть десять интерьеров и выставок... В спешном порядке начинающие научные сотрудники разъезжают по ближайшим деревням. В одной из таких экспедиций Александр Никонович Давыдов и Галина Яковлевна Мовша обнаружили колокола. Давыдов загорелся идеей возродить звоны». Согласовывая с местным обкомом КПСС проект звучащей экспозиции, музей

¹ Севан О. Г. Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми. Москва, 1991. С. 69.

² См. подробнее параграф 2.2.

³ Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества // Советская этнография. 1982. № 4. С. 93–105.

ссылался на решение исполкома открыть в кратчайшие сроки интерьеры десяти памятников архитектуры: «подвеску колоколов объяснили, как экспозиционную необходимость, а их звучание – эффектом присутствия»¹. Обком не только одобрил проект, но и способствовал выделению музею квоты на цветной металл.

Когда была собрана коллекция колоколов, к проекту подключились преподаватели и учащиеся Архангельского музыкального училища, которые под руководством В. В. Лоханского вели работу по изучению и воспроизведению старинных звонов. Музейными звонарями стали сотрудники скансена – О. Кременская (Истомина), М. Шелег (Костяева), а позже – И. В. Данилов, а также студентка училища – Т. Гапоненко. Впервые колокольный звон оповестил округу об открытии музея (интерьеров и выставок) 1 июня 1975 г., а затем стал повторяться по воскресным дням. Несмотря на ряд сложностей и жалоб, как со стороны убежденных атеистов, так и служителей церкви, в Малых Корелах появилось несколько действующих звонниц – «живых музеев», представляющих (конечно, отчасти) свое функциональное назначение. В дальнейшем интерес к возрождению колокольных звонов привел к организации в архангельском музее фестиваля и школы звонарей. Словом, сложилось практически так, как и писал П. А. Флоренский...

Внимания заслуживают и другие практики. С августа 1978 г. музеем совместно с Архангельским домом народного творчества стали проводиться *семинары народных умельцев*. Во время этих мероприятий приглашенные в музей народные мастера демонстрировали посетителям свое искусство. Такой подход сделал «*процесс производства изделий традиционных народных промыслов*» неотъемлемой частью экспозиции². Еще один совместный проект учреждений – фольклорные праздники, которые появились в Малых Корелах для ознакомления посетителей с духовной

¹ Бострем Л. А. Архангельский архитектурно-этнографический музей «Малые Корелы»: строительство и становление. Архангельск, 2015. С. 154–155.

² Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества. 1982. С. 98–99.

культурой. Л. А. Бострем вспоминала: «Первые фольклорные праздники музея только так назывались. Это было, как правило, выступление какого-то одного коллектива. Тогда в Двинском секторе была сделана сцена и поставлены несколько рядов скамеек, что-то типа летнего театра. ... Но, как говорят, спрос рождает предложение»¹. С конца 1970-х гг. «стало доброй традицией приглашать для выступления в музее лучшие фольклорные группы из всех историко-культурных регионов области»². Выступая в старинных народных костюмах, они воспроизводили песни и народные танцы, показывали инсценировки свадебного обряда и т. п.

Значимой частью фольклорных праздников стали ярмарки – обязательный элемент крестьянской жизни. Кроме того, для проведения этнографических праздников в 1979 г. музеем были закуплены «три лошади породы русские рысистые», и оборудована *конюшня*. В дальнейшем архангельский музей приобрел «четыре оленя для катания зимой на русских мезенских нартах»³. Данные «не музейные» практики оказали, по словам Л. Бострем, самое благоприятное влияние на деятельность коллектива. Более того, возникла необходимость покоса, а вместе с ним – возродились другие *сельскохозяйственные работы*. В экспозиции на открытом воздухе появились экспозиционные огороды и, со временем, рощи⁴.

Эти традиции этнографических фестивалей и праздников переняли другие музеи под открытым небом⁵, и к концу 1980-х гг. они проходили уже в самых разных учреждениях – в эстонском парке-музее в Рокка-аль-Маре (Таллин), Музее народной архитектуры и быта Украинской ССР (Киев), Архитектурно-этнографическом музее «Хохловка» (Пермский край) и др.⁶ В совершенно уникальном виде данные практики развились в Музее-

¹ Бострем Л. А. Архангельский архитектурно-этнографический музей «Малые Корелы» ... 2015. С. 175.

² Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества. 1982. С. 101–102.

³ Там же. С. 102.

⁴ Бострем Л. А. Архангельский архитектурно-этнографический музей «Малые Корелы» ... 2015. С. 147–149.

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Например, см.: Годунова Л. Н. Под открытым небом // Музейное дело в СССР. [Вып. 11]. 1977. С. 106–110.

заповеднике «Кижы» в комплексную программу по сохранению народных традиций, которая осуществляется на острове-музее с начала 1990-х гг.¹ В ней сформировался ряд постоянных направлений, среди которых:

– проект «*Ожившая экспозиция*»; предполагает демонстрацию местных ремесленных технологий и традиционных крестьянских бытовых процессов (стирки, сушки, глажения белья и др.), а также открытое производство копий фондовых предметов и исторических костюмов;

– проект «*Крестьянское хозяйство*»; это – воссоздание традиционной трехпольной системы земледелия с показом разнообразных сельскохозяйственных процессов;

– программа «*Колокольные звоны*»; осуществляется как в формате характерных перезвонов на праздники и перед службой, так и в виде фестивалей звонарского искусства, собирающих звонарей со всей России.

К сожалению, перечислить все интересные проекты не представляется возможности. Подчеркнем основную мысль: идеи «живого музея» совершенно уникальным образом получили второе рождение в 1970–1980-е гг. в практике архитектурно-этнографических музеев. Эволюция принципов их экспозиционной работы – от выставок архитектуры до создания микромоделей традиционных поселений – принесла в отечественную музейную практику различные формы представления народной культуры.

Краткие выводы. Период 1930–1980-х гг. является временем расцвета форм «живого музея» в непосредственной музейной практике. Борьба с «музеем-хранилищем», ставшая главным приоритетом 1930-х гг., привела к развитию новых массовых методов музейно-просветительской работы. В их контексте в музеях сформировались самые разные «вспомогательные учреждения» публичного характера – *прототипы современных «живых музеев*» (учреждений музейного типа): музеи-библиотеки, музеи-

¹ Музей-заповедник «КИЖИ»: 40 лет. Петрозаводск, 2006. Электронная версия. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/kizhi-40/413.html> (дата обращения: 17.03.2024).

лаборатории, музеи-питомники, музеи-вагоны, музеи-автомобили и т. п. В 1950-е гг. приоритетными стали другие задачи, связанные с возрождением и сохранением отечественного культурного наследия. На музейной карте СССР появились новые музейные заповедники. Кроме того, реализовалось давняя мечта этнографов по организации народных музеев под открытым небом. В этой работе получили второе рождение забытые идеи «живого музея», сохраняющего исторические объекты в их функциональном аспекте, и идеи «ожившего музея», стремящегося сберечь от забвения духовную культуру. В контексте подобных *деятельных* практик начали формироваться современные методы и технологии актуализации наследия.

ГЛАВА 2.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» В РОССИЙСКОМ МУЗЕЕВЕДЕНИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Идеи «живого музея», складывавшиеся в российской культуре в течение длительного времени, на современном этапе превращаются в методику музейной работы. В первом параграфе второй главы предстоит показать, как в контексте обсуждения исторических концепций, а также новых форм музейной деятельности, сформировалось актуальное ныне понятие «живой музей» и его основные значения. Второй и третий параграфы посвящены наиболее влиятельным современным концептам «живого музея». Это – мягкая музеефикация, реализуемая в контексте культурно-ландшафтного, средового и этноэкологического подходов к сохранению наследия, и концепция Т. П. Полякова, в которой принцип «живого музея» трактуется как технология проектирования музейной экспозиции. В заключительном четвертом параграфе главы представляется авторская трактовка и методика «живого музея», основанная на культурологическом инструментарии.

2.1. Формирование понятия «живой музей» в музееведческом дискурсе конца XX – начала XXI вв.

Как было показано в первой главе, идеи «живого музея» неоднократно высказывались в российской культуре, начиная с конца XIX в. Однако этот оксюморон превратился в *музееведческий термин* сравнительно недавно – на рубеже XX–XXI вв. Как и любое другое понятие, термин «живой музей» возник внутри научного дискурса и прошел длительный путь – от первых упоминаний до практики постоянного использования. Восстановить этот путь и показать множество трактовок и значений понятия позволяет

хронологический и типологический историографический анализ. Результаты этого исследования предоставляются в настоящем параграфе¹.

Для проведения данного анализа с помощью автоматизированных поисковых систем НЭБ, Научной электронной библиотеки «eLibrary.ru» и Российской государственной библиотеки были отобраны философские, историко-культурологические и музееведческие работы, затрагивающие проблематику «живых музеев». Они относятся к периоду с середины 1980-х гг. (первое использование понятия) – до начала 2020-х гг. Проследим появление и развитие термина «живой музей» в этих публикациях, условно разделив их на три хронологические группы.

«Живой музей» в публикациях 1980–1990-х гг. Тема «живого музея» впервые прозвучала на страницах музееведческих изданий в середине 1980-х гг. В частности, в 1984 г. в периодическом сборнике «Музей: Художественные собрания СССР» вышла статья *М. С. Трубочёвой* (внучки П. А. Флоренского), посвященная начальному этапу музеефикации Троице-Сергиевой Лавры. В ней был опубликован проект создания «живого музея Лавры» в редакции Флоренского (из архива семьи)². Данная публикация предопределила приоритетное внимание в музееведческих исследованиях к философу как *автору идеи «живого музея»*. Этому же способствовали работы богословского и библиографического характера, подготовленные братом М. Трубочёвой – иеродиаконем, а позже – *игуменом Андроником* (А. С. Трубочёвым)³.

В 1985 г. проект музея, а также статьи «Троице-Сергиева Лавра и Россия», «Храмовое действо как синтез искусств» были опубликованы в первом томе собрания сочинений П. А. Флоренского, вышедшем под

¹ Краткий анализ результатов историографического анализа был опубликован автором диссертации ранее; См.: *Зотова Т. А.* Генезис концепции «живого музея» в российском музееведении. // Культурологический журнал. 2024. № 1. С. 23–32. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/639.html&j_id=59 (дата обращения: 20.04.2024).

² *Трубочева М. С.* Из истории охраны памятников в первые годы советской власти. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры 1918–1925 годов // Музей: Худож. собр. СССР. [Сб.] 5. М., 1984. С. 160.

³ *Иеродиакон Андроник (Трубочев).* К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского. Указатель печатных трудов // Богословские труды. Сб. 23. М., 1982. С. 264–309.

редакцией *Н. А. Струве* в Париже¹. В российских периодических изданиях эти статьи будут напечатаны через несколько лет², в том числе – на страницах возрожденного журнала «*Советский музей*» (1989)³. Наконец, с 1994 г. в Москве начнется выпуск полного собрания сочинений П. А. Флоренского, подготовленного братом и сестрой Трубачёвыми, в серии «*Философское Наследие*»⁴.

Публикация первоисточников способствовала привлечению внимания к концепции «живого музея» Флоренского. Сыграли свою роль и общие тенденции времени: в середине 1980–1990-е гг. в отечественном музейном деле формировался новый вектор развития. Под влиянием фундаментальных социальных преобразований, затронувших советское, а затем – российское общество, развернулось широкое обсуждение перспективных моделей музейной деятельности⁵. В этом контексте музейные проекты и концепты первой трети XX в. приобрели новое значение и актуальность.

Уже в конце 1980–1990-е гг. к анализу философско-музейной концепции П. А. Флоренского обратились специалисты разных гуманитарных профилей – культурологи, философы, искусствоведы и музеееды. В первую очередь следует сказать о ряде публикаций и докладов доктора философских наук *Л. П. Воронковой*, представленных в эти годы и

¹ *Флоренский П. А.* Собрание сочинений. У водоразделов мысли. [Т.] I. Статьи по искусству. Paris, 1985. С. 41–84, 355–358.

² Отрывок из статьи «Троице-Сергиева Лавра и Россия» был напечатан в книге Г. И. Вздорнова (сост.) «Троица Андрея Рублева. Антология» (М., 1981); полные тексты статей были опубликованы в конце 1980-х гг.; Например, см.: *Флоренский П. А.* Храмовое действо как синтез искусств // *Архитектура и строительство Москвы*. 1988. № 6. С. 18–20.

³ *Флоренский П.* Храмовое действо как синтез искусств // *Советский музей*. 1989. № 4(108). С. 65–69.

⁴ *Флоренский П. А.* Сочинения: в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева) и др. М., 1994–1999; *Флоренский П. А.* Собрание сочинений / сост. игумена Андроника (А. С. Трубачева). [Т. 1, 2]. М., 2000–2004.

⁵ Данная тема – одна из центральных на страницах журнала «Советский музей» («Мир музея») в конце 1980–1990-е гг.; например, см.: *Гнедовский М., Коник М.* Нужны новые подходы // *Советский музей*. 1988. № 5. С. 20–27; Продолжаем разговор: «Нужны новые подходы» // *Советский музей*. 1989. № 6. С. 30–32; *Розенталь И.* Что и как- «пропагандировать»? (Обсуждаем статью «Нужны новые подходы») // *Советский музей*. 1990. № 1. С. 10–16; *Бестужев-Лада И.* Власть и культура (Социальная организация труда в сфере науки и культуры требует перемен) // *Советский музей*. № 2. 1991. С. 2–7; *Размустова Т.* Требуется личность... // *Советский музей*. 1991. № 3. С. 2–5.

посвященных культурологии Флоренского¹. Среди прочих элементов Л. Воронковой рассматривалась «идея П. А. Флоренского о “живом музее” в контексте его сакральной концепции культуры»².

Феномен синтеза культуры и науки в творчестве Флоренского, в том числе – в музейном преломлении, изучался в философской статье *А. А. Королькова* (1989). Он писал: «Тысячелетняя история христианства вырабатывала синтетические формы воздействия на духовную жизнь людей, и Флоренский имел основания рассматривать храмовое действо в качестве синтеза искусств. Он искал живую жизнь искусства *не в музеях, а в полнокровном творчестве*»³.

На этот исследовательский опыт опирались публикации доктора филологических наук *И. Л. Галинской*. В 1991 г. вышла ее небольшая монография, посвященная эстетическим воззрениям П. А. Флоренского⁴, а через несколько лет – статья, уже всецело обращенная к *идее «живого музея»* (1995). В концепции музеефикации монастыря И. Галинская подчеркивала стремление отца Павла «создать систему целого ряда научных и учебных учреждений с целью “осуществить верховный синтез искусств, о котором столько мечтает новейшая эстетика”». То есть, не только сохранить Лавру как действующий монастырь, а превратить ее в «своеобразную лабораторию», где «теоретические исследования вопросов церковного искусства» проводились бы «на основе практически функционировавшего подлинного эстетического феномена»⁵.

В 1993 г. идеи П. А. Флоренского о синтезе искусств в храмовом действе по-новому зазвучали в философско-религиозном исследовании

¹ Например, см.: *Воронкова Л. П.* Мировоззрение П.А.Флоренского // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1989. № 1. С. 70–81.

² *Воронкова Л. П.* Концепция «живого музея» в творчестве П.Флоренского (доклад) 22–29 апреля 1997; Ломоносовские чтения – 1997, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова; См.: «ИСТИНА» – Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/3143950/> (дата обращения: 14.03.2024).

³ *Корольков А. А.* Синтез культуры и науки в творчестве П.А.Флоренского // Флоренский П. А.: Философия, наука, техника. Препринт № 4. Л., 1989. С. 27.

⁴ Эстетические воззрения П.А.Флоренского: науч.-аналит. обзор / [И. Л. Галинская]. М., 1991. 67 с.

⁵ *Галинская И. Л.* Павел Флоренский об идее «живого музея» // Новая литература по культурологии: Дайджест. Москва, 1995. № 3. С. 22–29. Электронная версия. URL: <http://ilgalinsk.narod.ru/articles/flor-mus.htm> (дата обращения: 14.03.2024).

*Л. С. Учаневой*¹. В контексте экспозиционно-церковной проблематики к наследию философа обращалась *И. А. Тульпе*, в 1997 г. сделавшая доклад и опубликовавшая статью «Икона в храме и музее (читая о. П. Флоренского)»². Наибольшую известность среди работ, обращенных к идеям философа в рамках церковно-музееведческой проблематики, приобрели публикации *М. Е. Каулен*. В том же 1997 г. опыт «живой» музеефикации Троице-Сергиевой Лавры был представлен в ее диссертации, посвященной историческому анализу подходов, сложившихся в экспозиционном использовании храмовых интерьеров³. Результаты этого исследования также были отображены в ряде статей⁴ и легли в основу популярных монографий автора, рассказывающих о российских музеях-храмах⁵.

Наконец, в рассматриваемый период идеи П. А. Флоренского были восприняты и развиты *Т. П. Поляковым* – автором одной из наиболее влиятельных современных трактовок «живого музея»⁶. В частности, идея синтеза искусств как основы подлинной художественности стала базовой для авторского сценария экспозиции «Сокровища Успенского монастыря» (Историко-архитектурный и художественный музей г. Александрова, Владимирская обл.). Разворачивая диалог с философом, Поляков писал: «В нашем случае – демонстрация отдельных сторон церковно-монастырского искусства в музеефицированных стенах Успенской церкви будет восприниматься как современная форма культуртрегерства, если только авторы экспозиции не произведут *нового творческого синтеза*»⁷. Этот

¹ *Учанева Л. С.* Храмовое действо: религиозно-художественный катарсис // Из истории русской эстетической мысли: Межвузовский сб. науч. тр. СПб., 1993. С. 4–14.

² *Тульпе И. А.* Икона в храме и музее (читая о. П. Флоренского) // Музей – хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества. СПб., 1997. С. 14–16.

³ *Каулен М. Е.* Экспозиционный показ интерьеров памятников культовой архитектуры: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. М., 1997. 221 с.

⁴ Например, см.: *Каулен М. Е.* Храм как объект музейного показа: опыт и перспективы // Памятники в изменяющемся мире: Мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 1993. С. 77–83; *Ее же.* Музей или храм? // Музейная экспозиция: Теория и практика: Искусство экспозиции: Новые сценарии и концепции // [Музееведение. На пути к музею XXI века: Музейная экспозиция]. М., 1996 (1997). С. 87–107.

⁵ *Каулен М. Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001. 163 с.; *Ее же.* Музеи-храмы и музеи-монастыри России: каталог-справочник. М., 2005. 766, [1] с.

⁶ Подробнее см. ниже, а также параграф 2.3.

⁷ *Поляков Т. П.* Сценарий экспозиции «Сокровища Успенского монастыря» // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения: информ. сб. Вып. 6. М., 1990. С. 75.

проект и рассуждения автора были опубликованы в статье 1990 г., а затем в 1997 г. – в известной монографии «Как делать музей?»¹.

Следует отметить, что 1990-е гг. ознаменовались также ростом интереса к музейной концепции Н. Ф. Фёдорова. Возрождению имени «московского Сократа» способствовала деятельность *С. Г. Семёновой*, подготовившей в 1970–1990-е гг. сочинения философа к изданию. В музейном аспекте концепция Фёдорова рассматривалась в указанный период *М. Е. Каулен*, *О. А. Аксеничевым*, *Е. М. Кравцовой*, *Н. И. Решетниковым*² и др. Интересно, что в ряде работ тех лет уже прослеживается тенденция сопоставлять музейно-философские концепции П. А. Флоренского и Н. Ф. Фёдорова. Этой чертой отличалась, в некоторой мере, исследовательская практика М. Каулен, а также работы *В. А. Никитина*³.

Завершая обзор публикаций 1980–1990-х гг., необходимо представить один из первых случаев формулировки нового, *современного принципа «живого музея»*. Речь идет о статье «Живой российский музей: от прошлого к будущему» заведующего кафедрой истории музейного дела факультета музеологии РГГУ *А. И. Фролова* (1997). Важно заметить, что в основе этой статьи лежал доклад, озвученный ученым в 1992 г. на Международном музееведческом семинаре «Музей и демократия» (Новгород). В нем автор задавался вопросом конструирования «модели живого и вечно обновляющегося музея». Он видел возможности его решения в развитии форм работы с аудиторией, а именно – в максимальном привлечении общественности к *комплектованию* музейных собраний. Приводя в пример практику организации частных музеев в дореволюционной России,

¹ Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). М., 1997. С. 164–171.

² Например, см.: *Каулен М. Е.* Концепция музея в философии Н.Ф.Фёдорова // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения: информ. сб. Вып. 6. М., 1990. С. 82–87; *Аксеничев О. А.* Философия музея Н.Ф.Фёдорова // Музейное дело. [Вып. 21]. М., 1992. С. 91–101; *Кравцова Е. М.* Храм-музей: Взгляд в прошлое // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: тезисы докладов Всерос. науч. студенч. конф. Сыктывкар, 1995. С. 74–75.

³ *Никитин В. А.* Храмовое действо как синтез искусств: П.А.Флоренский и Н.Ф.Фёдоров // Экология культуры. Теоретические и проектные проблемы. М., 1991-1992. Вып. 1. С. 16–30; *Никитин В. А.* Храмовое действо как синтез искусств. Священник Павел Флоренский и Николай Федоров // Вестник русского христианского движения. 1988. № 153. С. 40–56.

А. Фролов отмечал: их существенной особенностью была ориентированность на «превращение российского музея *из места хранения памятников культуры в очаг многообразной работы с памятниками культуры*»¹.

Подобный поиск актуальных и практических принципов «живого музея» окажется в центре внимания музееведческих публикаций в следующем периоде.

«Живой музей» в публикациях конца 1990–2000-х гг. Одной из главных тенденций, преобладающих в отечественном музейном деле в первом десятилетии XXI в., станет расширение границ музейного мира России². На смену основному понятию – «памятник истории и культуры», которое было приоритетным с 1970-х гг.³, придет новая, более емкая категория – «*объект культурного наследия*»⁴. Это будет связано с изменениями в музейной сети, где возрастет количество музеев-заповедников, а также появятся абсолютно новые *учреждения музейного типа*, «исполняющие лишь отдельные функции и задачи музея»⁵. Кроме того, под влиянием мировых тенденций⁶, всё большее внимание в российском музееведении начнет уделяться проблеме сохранения *нематериального наследия*, и вместе с тем – новым задачам по реконструкции и ревитализации исторических традиций.

В публикациях периода, обращенных к проблематике «живых музеев», по-прежнему значительное внимание оказывается музейным концепциям П. А. Флоренского и Н. Ф. Фёдорова (Н. А. Бенедиктов, А. В. Зыков,

¹ Фролов А. И. Живой российский музей: от прошлого к будущему // Музей и демократия: сер. электронных изд. MUSEUM PRO. Вып. 1.0. М., 1997. С. 113.

² Понятие «музейный мир» утвердилось в российском музееведении в начале XXI в.; См.: Сундиева А. А. Музейный мир России: к обоснованию понятия // Вопросы музеологии. 2013. № 1(7). С. 3–11.

³ Крылова М. С. Понятие «памятник истории и культуры» в советском и российском законодательстве 1918–2002 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2017. № 3. С. 91–107.

⁴ Смена акцентов фиксируется Федер. законом N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», принятым в 2002 г.; См.: КонсультантПлюс [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 20.04.2024).

⁵ Чувилова И. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. 2009. № 5. С. 24.

⁶ В 2003 г. на XXXII сессии ЮНЕСКО (Париж, 29 сентября – 17 октября 2003 г.) была принята Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия; См.: АО «Кодекс» [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901978302> (дата обращения: 20.04.2024).

Т. П. Поляков, Т. В. Смирнова, М. В. Шварова, Л. М. Шляхтина¹ и др.). Однако на первый план выходят *новые трактовки принципа «живого музея»*, тесно связанные с расширением музейной практики. Уделим им основное внимание.

В 1999 г. была напечатана статья *Т. П. Полякова* «В поисках “живого музея”». Сценарная концепция системы экспозиций “Музея города Кранца”. В ней прозвучала оригинальная трактовка «живого музея» как *подхода к построению экспозиционного пространства*, которая будет концептуализироваться в дальнейших работах автора. Однако уже в этой первой публикации, представляющей концепцию создания «*социально-культурного учреждения нового типа*» в пригороде Зеленоградска (Калининградская обл.), был сформулирован ряд ключевых положений, оказавших влияние на других исследователей музейного феномена.

«*Идеальным вариантом “живого музея”*» Т. Поляков назвал *экомuseum*, то есть «живой этнографический музей под открытым небом», своего рода «резервацию» (в хорошем смысле слова), не только сохраняющую (функция обычного музея), но и воспроизводящую «традиционные культурные ценности, обеспечивая при этом социально-экономическую базу своего существования»². Как более распространенную форму, *близкую «живому музею»*, Т. П. Поляков рассматривал «*рекреационно-прикладное освоение архитектурных объектов*, имеющих историко-культурное значение», обозначая так практику создания торгово-ресторанных заведений в бывших замках, старинных домах и фортификационных объектах. Считая подобные

¹ *Бенедиктов Н. А., Трусов А. А.* Музей как транслятор ценностей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2008. № 3(11). С. 121–129; *Зыков А. В.* Музееведческие взгляды Н.Ф.Фёдорова и современное музееведение: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03 / Кемер. гос. акад. культуры и искусств. Кемерово, 2004. 23 с.; *Поляков Т. П.* Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) // Музей. 2007. № 3. С. 7–12; *Его же.* Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 2) // Музей. 2007. № 5. С. 74–80; *Смирнова Т. В.* Доклад о Павла Флоренского «Храмовое действо как синтез искусств» и современное музейное дело // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Сер. «Гуманитарные науки»: Энтелехия. 2007. Т. 13. № 16. С. 28–30; *Шварова М. В.* Концепция «живого музея» П.А.Флоренского // П.А.Флоренский и современность: мат. науч. конф. Калининград, 2007. С. 73–77; *Шляхтина Л. М.* Музейные инновации в ретроспективе музееведческих идей // Вопросы музеологии. 2010. № 1(1). С. 44–49.

² *Поляков Т. П.* В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» // Музей и новые технологии. М., 1999. С. 60.

учреждения «ориентиром» для «новой модели “живого музея”», проектировщик отмечал их существенный недостаток. Он писал: в них «экзотическая среда является скорее декоративной, рекламной, чем культуротворческой. Реального синтеза “высокого” и “низкого” не происходит, поскольку торгово-экономическая функция обычно довлеет над историко-культурной»¹.

Свою модель «живого музея» Т. П. Поляков определил как «синтез “храма” и “форума”» и стремился к преодолению в ней данного недостатка. Поэтому он предложил «создать целостную экспозиционно-художественную среду, включающую основные сюжетно-тематические мотивы, связанные с историко-культурными особенностями музеефицируемого места, в которых способны осуществляться ...рекреационные функции – работать магазины, рестораны, кафе, гостиницы»². В проектируемом им «Музее города Кранца» («Кранцмузееуме») планировалось объединить в единое экспозиционно-общественное пространство несколько тематически связанных объектов:

– «средневековый трактир» – экспозиционно-функциональную зону, рассказывающую в контексте характерного историко-бытового интерьера о древней истории края;

– «минеральный бар» с тематическими столиками, обращенный к истории культурно-оздоровительного курорта в XVIII – первой трети XX вв.;

– «избу рыбака» (рыбное кафе) – своеобразный «этнографический зал музея», с образами традиционных жителей и их привычных занятий;

– музей-магазин («Кунсткамера восточной Пруссии»), представляющий «музейные редкости» (с фантастическими ценниками) в шкафах, стилизованных под интерьер кенигсбергской кунсткамеры XVIII в., а также предлагающий приобрести «стандартный набор продуктов» и «сопутствующие товары, необходимые в курортной зоне»;

– выставочный зал для традиционных музейных выставок;

¹ Поляков Т. П. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» // Музей и новые технологии. М., 1999. С. 60.

² Там же. С. 63.

– небольшую *гостиницу* для туристов, посещающих «живой музей»¹.

Идеи подобных интегрированных музейно-туристических объектов будут развиваться в других проектах и публикациях автора в 2000-е гг.² Они окажут существенное влияние на трактовку «живого музея», которая сложится в рамках концепции *средового подхода* к музеефикации историко-культурного наследия. Ее основным автором выступит М. Е. Каулен – коллега Т. П. Полякова по Российскому институту культурологии.

Следует отметить, что в рассматриваемый период (конец 1990-х – 2000-е гг.) вышел ряд ключевых публикаций М. Каулен, посвященных концептуализации понятия «*средовой музей*»³. Согласно авторскому определению, это – «музей, деятельность которого основывается главным образом на музеефикации *историко-культурной и/или природной среды* со всеми составляющими ее движимыми, недвижимыми и нематериальными объектами и существующими между ними взаимосвязями, а также с участием людей, населяющих территорию»⁴. В качестве одного из основных видов *средового музея* Каулен рассматривался «*музей традиции*» (синонимы – «музей действия», «музей деятельности»). Как пример подобного учреждения назывался Пензенский музей народного творчества, направленный в своем развитии к форме «*музея-открытой мастерской* для передачи навыков и традиций», или «заповедник крестьянской песни “Беляковский Катаarach”» (Свердловская обл.), сохраняющий *традиционную крестьянскую песенную культуру* в «единстве с окружающей средой, материальным и духовным производством»⁵.

¹ Поляков Т. П. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» // Музей и новые технологии. М., 1999. С. 66–79.

² Подробнее см. параграф 2.3.

³ Например, см.: Каулен М. Е. Методы актуализации объектов наследия и проблема классификации музеев // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков: Труды ГИМ. Вып. 127. М., 2001. С. 86–98.

⁴ Каулен М. Е. Средовой музей: современные проблемы и перспективы развития // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: мат. Девятой Всерос. науч. конф. М., 2005. С. 38.

⁵ Каулен М. Е. Музеефикация объектов наследия: от предмета до традиции // Культура российской провинции: век XX–XXI веку: мат. Всерос. науч.-практич. конф. Калуга, 2000. С. 204–205.

Несмотря на схожесть подобных объектов с некоторыми историческими прообразами «живого музея», это обозначение по отношению к «музеям традиции» не использовалось. В рамках средового подхода Каулен «живыми музеями» были названы *учреждения музейного типа*, отчасти напоминающие представленный выше проектный «Кранцмузеум». К сожалению, главным их отличием была *довлеющая торгово-экономическая функция*, которую стремился нивелировать Т. П. Поляков. В частности, одним из реальных примеров подобного типа считался магазин «Музей шоколада», работающий в Санкт-Петербурге с начала 2000-х гг. Впрочем, были и другие примеры, более близкие форме *«мягкой музеефикации»* – исторические аптеки, магазины, гостиницы и др. учреждения, осуществляющие хранение отдельных объектов архитектурного наследия в контексте своей хозяйственной деятельности. Принцип их работы (в культурно-охранном аспекте) сопоставлялся с зарубежными *экономузеями*¹. Эти положения были комплексно представлены в пятом номере журнала «Музей» за 2009 г. В него вошла подробная статья М. Е. Каулен², *Словарь актуальных музейных терминов*, включивший понятия «средовой музей» и «живой музей», а также ряд других материалов, раскрывающих представленные тезисы.

В 2000-е гг. была высказана еще одна актуальная трактовка принципа «живого музея». Как и предыдущий вариант, она тяготела к «мягкой музеефикации» историко-культурных объектов, но заметно отличалась областью применения и методикой. Данная трактовка была обозначена профессором, доктором исторических наук, кандидатом географических наук С. И. Сотниковой в статье «Музей в меняющемся мире» (2007)³.

Говоря о расширении понятия «наследие» и всё более активном включении в него природного компонента, к «живым музеям» она отнесла *уникальные исторические (историко-культурные) территории* (УИТ, УИКТ)

¹ См. подробнее параграф 2.2.

² Каулен М. Е. Музей и наследие // Музей. 2009. № 5. С. 10–19.

³ Сотникова С. И. Музей в меняющемся мире // Обсерватория культуры. 2007. № 2. С. 60–66.

и *особо охраняемые природные территории* (ООПТ). По словам Сотниковой, это – «учреждения музейного типа», связанные с «мягкой» музеефикацией обширных культурных ландшафтов¹. В основе данного понимания принципа «живого музея» лежали как традиции российских дореволюционных историков, географов и биологов, так и мировые тенденции к пересмотру базовых понятий музеологии, хорошо знакомые С. И. Сотниковой. Но наибольшее влияние на этот взгляд оказала деятельность Российского (Советского) фонда культуры и Института Наследия в 1990–2000-е гг. Она была направлена на разработку новой модели сохранения памятников истории и культуры в формате «*культурных ландшафтов*» (Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин, М. Е. Кулешова и др.)². Данному опыту уделялось особое внимание в публикациях Сотниковой. В частности, истории и методике создания УИТ посвящена не одна страница в ее широко известном учебном пособии «Музеология» (2004, 2010), где лаконично представлены основные вехи развития музейного дела в России и за рубежом³.

Наконец, в рассматриваемый период получил распространение и признание еще один подход, тяготеющий к «мягкой музеефикации». Его автором стал сибирский этнограф и музейный проектировщик, доктор исторических наук *В. М. Кимеев*. К концу 2000-х гг. его теоретические разработки получили итоговое осмысление в тексте докторской диссертации⁴. Она была основана на широкой практической деятельности, осуществляемой этнографом с конца 1980-х гг. и направленной на создание сети *экомузеев и экомузеев-заповедников* в Кемеровской области⁵. В своей проектной и научной работе автор опирался на опыт советских и российских архитектурно-этнографических музеев, но в большей степени – на движение

¹ Сотникова С. И. Музей в меняющемся мире // Обсерватория культуры. 2007. № 2. С. 64.

² Подробнее см. параграф 2.2.

³ Например, см.: Сотникова С. И. Музеология: учеб. пособие. М., 2010. С. 147–165.

⁴ Кимеев В. М. Экомузеи Притомья и сохранение этнокультурного наследия: генезис, архитектоника, функции: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. СПб., 2009. 40 с.

⁵ Например, см.: Кимеев В. М., Афанасьев А. Г. Экомузеология: нац. экомузеи Кузбасса. Кемерово, 1996. 134 с.

«новой музеологии»¹ и поиски создателей французских и канадских экомузеев Ж. А. Ривьера, Ю. Варина, П. Мейрана, А. Девалье и др. Объединяя разработки российских и зарубежных коллег, он стремился реализовать особый подход к сохранению этнокультурного наследия в его естественной среде, называя его «этноэкологическим» или «средовым». В рамках концепции В. Кимеева термин «живой музей» использовался в узком функциональном смысле – для обозначения экспозиционных объектов, которые после вхождения в музей под открытым небом продолжали использоваться по прямому назначению (для проведения служб и обрядов, проживания и т. п.).

«Живой музей» в публикациях 2010-х – начала 2020-х гг. В современных работах частота использования и содержание термина «живой музей» ощутимо расширяется. Развиваются как привычные подходы и трактовки, так и формируются новые значения.

Кратко представим знакомые направления. В публикациях 2010 – начала 2020-х гг. не теряет актуальности *музееведческий анализ концепций П. А. Флоренского и Н. Ф. Фёдорова* (И. В. Андреева, Р. В. Ковриков, А. М. Копировский, Д. А. Попов, П. В. Флоренский² и др.). Среди прочих работ выделяется статья *Е. Ю. Перовой*, которая обращена к широкому срезу размышлений начала XX в., касающихся проблем сохранения историко-культурного наследия. Уделяя значительное внимание идее «живого музея» Флоренского, автор подчеркивает важную деталь. Она пишет: в этой концепции «присутствует христианская картина мира», согласно которой

¹ Новая музеология – направление зарубежной музеологии, возникшее в 1980-е гг. на основе теоретического обобщения опыта развития общинных музеев, экомузеев и других музеев нового типа, стремящихся к решению актуальных проблем местного сообщества. Основатели движения – французские музеологи Ж. А. Ривьер и Ю. де Варин, сформулировавшие важнейшие положения, зафиксированные в Квебекской декларации (1984); См.: *Ананьев В. Г.* История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты. М., 2018. С. 136.

² *Андреева И. В.* Музеология в дискурсе документности: опыты философской рефлексии конца XIX – первой трети XX века // Вестник КемГУКИ. 2021. № 54. С. 32–42; *Ковриков Р. В.* Музейная коммуникация в сохранении культурного наследия в музеях-заповедниках // Педагогика искусства 2019. № 3. С. 178–185; *Копировский А. М.* «Живой музей» свящ. Павла Флоренского: утопия или антиутопия? // Философия в полицентричном мире. М., 2020. С. 882–885; *Попов Д. А.* Опыт осмысления музейного пространства в концепциях П.А.Флоренского и Н.Ф.Фёдорова // Научный аспект. 2022. Т. 4. № 3. С. 445–453; *Флоренский П. В.* Павел Флоренский – священник, мыслитель, ученый // Природа. 2018. № 7. С. 80–91.

«всё прошедшее может восприниматься как ныне пребывающее в жизни»¹. В то же время, по мнению исследователя, существует более широкая трактовка идеи «живого музея», сложившаяся «в лоне отечественной науки и мировосприятия». Е. Перова отмечает, что в ней выражается призыв к внимательному, «гуманистическому» отношению человека к миру, противостоящему губительному технократизму.

Дальнейшее развитие в современных исследованиях получило направление, опирающееся на идеи П. А. Флоренского при изучении вопросов *музеефикации православного наследия* (Л. А. Армеева, М. А. Власникова, М. А. Гаганова, Р. А. Федотова² и др.). Самое пристальное внимание данной тематике уделяется в публикациях Л. С. Алексеевой. В одной из своих работ она пишет: «Только на рубеже XX–XXI веков идея “живого музея” обрела подлинную актуальность в связи с необходимостью формировать церковные коллекции и находить способы их коммуникации с обществом»³. Суммируя идеи предшественников, она предлагает рассматривать «модель “живого музея” П. А. Флоренского» как «теоретический базис развития современного церковного музея»⁴. Правда, следует отметить, что на авторском анализе музейной практики скорее сказывается влияние современных концептов: Л. Алексеевой среди церковных музеев Сибири определяются три типа «живых музеев» – средовые музеи, музеи в действующих монастырях (храмах) и «учреждения

¹ Перова Е. Ю. Принципы и практики сохранения культурного наследия в России начала XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 1(843). С. 220–228.

² Армеева Л. А. Иконописная школа Троице-Сергиевой лавры в контексте возрождения традиционного иконописания: середина XVIII – начало XXI вв.: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09. Череповец, 2013. 228 с.; Власникова М. А. Сохранение памятников христианской культовой архитектуры европейской части Российской Федерации во второй половине XX – начале XXI века: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2021. 313 с.; Гаганова М. А. Проекты и практики музеефикации Троице-Сергиевой Лавры в 1920–40-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. М., 2016. 261 с.; Федотова Р. А. Икона в литургическом пространстве храма: по материалам псковской иконописи: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09. СПб., 2010. 23 с.

³ Алексеева Л. С., Оленич Л. В. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев // Вестник КемГУКИ. 2017. № 41–2. С. 111–121.

⁴ Алексеева Л. С. Генезис и трансформация деятельности церковных музеев Сибири по сохранению православного наследия: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2022. С. 8.

музейного типа, реализующие преимущественно экспозиционно-выставочную деятельность»¹.

Также в период 2010 – начала 2020-х гг. развитие и методическую проработку получили оригинальные идеи и принципы «живого музея», предложенные ранее *Т. П. Поляковым*. Во-первых, расширяя теоретические основы своей концепции, исследователь обратился к учению об *экологии культуры* *Д. С. Лихачёва*, и в диалоге с ним определил несколько «стадий» или форм современного «живого музея» (2016)². Во-вторых, в авторской монографии «Музейная экспозиция...», вышедшей двумя тиражами в 2018–2019 гг., был опубликован новый проект организации зон «живого музея» в обновленной экспозиции Государственного музея В. В. Маяковского (Москва)³. В-третьих, в 2021 г. *Т. П. Поляковым* была представлена публикация, суммирующая его научные и проектные разработки в области «живого музея»⁴. В ней был изложен взгляд исследователя на генезис феномена, анализ проформ и исторических концепций, а также авторская классификация зон и объектов «живого музея». Наконец, в другой актуальной публикации *Т. П. Полякова*, вошедшей в «Энциклопедию нематериального культурного наследия России» (2022)⁵, были показаны перспективы и возможности «живых музеев» в контексте комплексного сохранения образа жизни и этнокультурных традиций российских народов.

Важно подчеркнуть, что концепту «нематериальное наследие» в отечественном музееведении стало уделяться всё большее внимание. Причем данная тенденция оказалась тесно связанной с распространением идей

¹ *Алексеева Л. С.* Генезис и трансформация деятельности церковных музеев Сибири по сохранению православного наследия: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2022. С. 12.

² *Поляков Т. П.* Учение академика Д.С.Лихачёва об экологии культуры в контексте современного «живого музея» // *Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры*. Науч. сб. по мат. Междунар. юбилейной науч. конф. М., 2017. С. 113–128.

³ *Поляков Т. П.* Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М., 2018. С. 503–518.

⁴ *Поляков Т. П.* Технологии, зоны и объекты «живого музея» в экспозиционном пространстве: генезис, развитие, перспективы // *Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»*. М., 2021. С. 113–162.

⁵ *Поляков Т. П., Пустовойт Ю. В.* Музеефикация нематериального культурного наследия России: методы, формы и системы представления // *Энциклопедия нематериального культурного наследия России*. Посвящается Году культурного наследия народов России. М., 2022. С. 484–502.

средового подхода. В рассматриваемый период была опубликована обобщающая монография *М. Е. Каулен*¹, значительная часть которой посвящена методике музеефикации и презентации в музее нематериальных объектов. Разработанное автором понятие «средовой музей» стало часто применяться – при изучении современных тенденций музеефикации усадебных комплексов, фрагментов городской среды² и т. п. Кроме того, в 2010-е гг. развитие получила концепция этноэкологического средового подхода *В. М. Кимеева* – были опубликованы новые исследования автора³, а также работы его последователей. В том числе – *П. В. Глушковой (Абрамовой), Т. И. Кимеевой, С. Г. Родионова* и др.⁴

Другой тенденцией, характеризующей непосредственную музейную работу, стало повсеместное внедрение принципов *театрализации*. К концу 2010-х гг. наибольшую популярность среди прочих форм получили практики *иммерсивности* – «погружения» посетителя в музейно-исторический контекст. Методической основой подобных проектов выступил как средовой подход, тесно связанный с моделированием и реконструкцией историко-культурных процессов и явлений, так и другие теоретические работы. В частности, обобщающий анализ театрализованных форм взаимодействия музея с посетителями был проведен в исследовании *И. А. Щепетковой* (2006)⁵. Теоретическое осмысление иммерсивности как свойства музейной экспозиции было представлено в исследовании

¹ *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. 2012. 432 с.

² Например, см.: *Мастеница Е. Н.* Музеефикация городской среды: подходы и методы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10–1(36). С. 137–141.

³ Например, см.: *Кимеев В. М.* Истоки модернизации этнокультурного наследия шорцев в постсоветский период // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации: мат. VI междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2020. С. 62–67.

⁴ *Глушкова П. В., Кимеев В. М.* Музеи под открытым небом: учеб. пособие. Кемерово, 2015. 151 с.; *Глушкова П. В.* Актуализация календарной обрядности русских в деятельности музеев под открытым небом в Сибири: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2015. 22 с.; *Кимеева Т. И.* Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Притомья на основе интерпретации материалов собраний музеев России: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.03. СПб., 2019. 41 с.; *Родионов С. Г.* Музеефикация историко-культурного наследия шорцев: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Кемерово, 2018. 150 с.

⁵ *Щепеткова И. А.* Театрализация музейного пространства как форма взаимодействия с посетителями: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2006. 249 с.

Т. И. Чулкиной (2011)¹, и, в дальнейшем, в работах Т. П. Полякова, предложившего наиболее емкую категорию – «иммерсивные технологии проектирования экспозиции» (2021)².

Под влиянием данных тенденций в современных публикациях, связанных с проблематикой «живого музея», определились *новые темы*. В первую очередь, это – интерес к *этнографическим концепциям «ожившего» музея 1920-х гг.* Принципы и опыт работы этнографического музея-театра В. Н. Всеволодского-Гернгросса *впервые* рассматривались как своеобразная концепция «живого музея» в исследовании В. Г. Пушкарёва (2007, 2010, 2011)³. Последователь музейно-театральных традиций Русского музея писал: «Концепция “живого” музея, созданная В. Н. Всеволодским совместно с Этнографическим отделом музея, требовала от актеров ... “дополнять экспозицию музея вещественно не экспонируемыми материалами (фольклором)” с демонстрацией подлинных костюмов, утвари, орудий производства»⁴. Проекты Б. М. Соколова привлекли внимание исследователей чуть позже – на рубеже 2010–2020-х гг. Как концепцию «живого музея» их рассматривали О. А. Кубанкина («В рамках воплощения концепции “живого музея” постоянно проводились этнографические концерты, а сотрудники музея выступали на радио с циклом лекций...», 2020)⁵ и доктор исторических наук И. А. Головнёв («Отвечая на заданный временем вызов, он выступил с резонансной концепцией так называемого живого музея...», 2021)⁶.

¹ Чулкина Т. И. Метод погружения как актуальный метод построения музейной экспозиции: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2011. 182 с.

² См. подробнее параграф 2.3.

³ Пушкарев В. Г. Культурный потенциал современного фольклорного театра: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. СПб., 2011. 179 с.; *Его же*. «Опережая время» (о деятельности первого этнографического театра) // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. № 120/2010. С. 339–344.

⁴ Пушкарев В. Г. В.Н.Всеволодский-Гернгросс и его концепция «живого» музея (к истории возникновения термина) // Рябининские чтения – 2007. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/506.html#note-id6961926> (дата обращения: 29.04.2024).

⁵ Кубанкина О. А. Музей глазами Б.М.Соколова // История и историческая память. 2020. № 20. С. 92–98.

⁶ Головнев И. А. «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. 2021. № 3(13). С. 244–263.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что понятие «живой музей» будет нередко использоваться в современных музейных исследованиях именно в духе идей Б. Соколова – по отношению к *скансенам*. Эта трактовка термина связана, в частности, с публикациями известного архитектора-реставратора *О. Г. Севан* (конца 2000 – начала 2010-х гг.), представляющими опыт работы российских и зарубежных музеев под открытым небом¹. Такое же значение понятия встречается в статье *В. А. Котосиной* (2012), посвященной театрализованным программам Архитектурно-этнографического музея Вологодской области «Семёнково»². Наконец, еще один пример данного плана – работа доктора исторических наук *Е. А. Поляковой* (2020), рассказывающая о музейно-этнографических программах Музея-заповедника «Старина Сибирская»³.

Во вторую очередь следует отметить, что в публикациях современного периода сформировался значительный интерес к *зарубежным техникам* актуализации наследия, а именно – к формату «*живой истории*». Безусловно, движение исторической (военно-исторической) реконструкции складывается в России не первое десятилетие, и история многих клубов восходит к периоду конца 1980–1990-х гг.⁴ Однако в 2010-е гг. обозначился новый вектор развития данного движения, обусловленный признанием на государственном уровне его широкого потенциала в деле патриотического воспитания. Координация этой работы была возложена на Российское

¹ Например, см.: *Севан О. Г.* «Живой музей» в реальной сельской среде // Обсерватория культуры. 2007. № 3. С. 68–71; *Ее же.* Дух места между материальным и нематериальным наследием. Экология культуры. 2009. № 2. С. 94; *Ее же.* Российские музеи под открытым небом // Обсерватория культуры. 2006. № 6. С. 66–75; *Ее же.* Музеи под открытым небом Европы // Обсерватория культуры. 2006. № 3. С. 60–69; *Ее же.* «Малые Карелы». Архангельский музей деревянного зодчества: история создания, методология проектирования, современное состояние. М., 2012. 367 с.

² *Котосина В. А.* Театрализация этнографических праздников и обрядов в рамках концепции «живого» музея (на примере АЭМВО «Семёнково») // Диалоги и встречи: русский и американский театр XX века: сб. мат. конф. Вологда, 2012. С. 112.

³ *Полякова Е. А.* Музейно-этнографические программы как способ сохранения национальной идентичности (на примере деятельности Омского государственного музея-заповедника «Старина Сибирская») // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. № 10. С. 350–357.

⁴ См. подробнее об истории движения: *Турусов В. П.* Особенности военно-исторического движения в России (по опыту ряда отечественных клубов) // Рейтар: военно-исторический журнал. 2005. № 23. С. 158–167; *Божок Н. С.* Движение военно-исторической реконструкции как феномен молодежной культуры: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2013; *Глухарев И. В.* Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 1999. 21 с.

военно-историческое общество, созданное в 2012 г.¹ В этом контексте стало вырабатываться другое отношение к идеям и принципам «живой истории» в музейной сфере. Если ранее они воспринимались как «вне музейная» («вне институциональная») практика сохранения наследия, то теперь – как основа перспективных музейно-туристических объектов².

В связи с этим смысловое поле понятия «живой музей» расширилось еще больше, включив музеи «живой истории» и тематические исторические парки. Одна из первых работ, предлагающих рассматривать метод реконструкции как основу «живого музея», была опубликована молодыми учеными В. В. Харбедия и Я. Д. Лычак в 2007 г.³ Количество подобных публикаций увеличилось во второй половине 2010-х гг. В частности, в 2016 г. был представлен опыт организации «живого музея» реконструкции в Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины (Республика Беларусь) в статье А. П. Шиляева. Он писал: «Основной темой “живого музея” являлась демонстрация походного лагеря, снаряжения и быта, характерного для периода Грюнвальдской битвы 1410 года. В роли “экспонатов” музея выступили непосредственные участники СНИЛ “Белы Крыж” в костюмах и доспехах названной эпохи, а также различные бытовые предметы и элементы вооружения»⁴. Характерно, что в следующей работе автора для обозначения схожих акций используется понятие «музей живой истории»⁵.

¹ Земцов В. Н. Российское движение военно-исторической реконструкции: основные тенденции последних десятилетий (на опыте Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит») // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2020. Вып. 23. С. 351.

² Например, см.: Велитченко В. В. Формат «живая история» как одно из перспективных направлений развития музеев // Вопросы музеологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 88–93; Ожогин В. П. Музеи живой истории как объекты рекреационно-туристического значения // Дни студенческой науки: сб. докладов. М., 2017. С. 82–84; Крынина О. А. Музей-заповедник «Старина Сибирская» – музей живой истории (из опыта работы) // Аношинские чтения. Омск, 2022. С. 57–61.

³ Харбедия В. В., Лычак Я. Д. Исторические реконструкции как метод создания «живого» музея // Туристско-рекреационный потенциал и особенности развития туризма: мат. науч.-практич. конф. студентов и аспирантов. Калининград, 2007. С. 56–61.

⁴ Шиляев А. П. Опыт работы СНИЛ «Белы крыж» в организации «живого музея» средневековой истории // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы: традиции и модернизация современного высшего образования: мат. респ. науч.-методич. конф.: в 4 ч. Ч. 1. Гомель, 2016. С. 363–366.

⁵ Его же. Опыт работы СНИЛ «Белы крыж» с одаренной молодежью при организации мероприятия «Музей живой истории» // Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной

В конце 2010-х гг. вышла серия публикаций *О. Ю. Нельзиной* (в их числе совместные работы с доктором исторических наук *А. В. Огороковым*), которые обращены к зарубежным и российским тематическим, историческим и подводным паркам¹. В 2019 г. была опубликована статья «Колониальный Уильямсбург: оживший город и живой музей» (*К. О. Бондарь, А. С. Богатырева*), посвященная первому и наиболее популярному американскому музею «живой истории»². В 2020 г. вышло несколько статей *Д. А. Прокудиной*, актуализирующих методику британских музеев «живой истории» (Викторианский город Блестс хилл, Музей Черной страны) и сопоставляющих ее с опытом работы «живых музеев» Коломны (Московская обл.)³. В это же время была напечатана работа *С. А. Потаповой* «Живые музеи. Проблемы взаимодействия музейно-развлекательных центров и туристических компаний» (2020)⁴. Подчеркнем, что во всех этих публикациях понятия «музей “живой истории”» и «живой музей» используются как *синонимы*.

Следует отметить, что на фоне этого «синонимичного» понимания терминов стали появляться публикации, в которых развивается тезис, что *понятие и методика «живого музея» пришла в Россию из-за рубежа*. В особенности это касается работ молодых ученых и специалистов, ориентированных на интерпретацию идей «живого музея» в контексте

системы «школа – университет – предприятие»: мат. XI Междунар. науч.-методич. конф. Гомель, 2017. С. 714–717.

¹ Например, см.: *Огороков А., Нельзина О.* Подводный исторический парк в системе музейного комплекса // *Музей*. 2018. № 12. С. 44–50; *Подводное культурное наследие: подводные музеи, исторические парки и заповедники / А. В. Огороков, Д. В. Бабекин и др. М., 2018. 140 с.; Нельзина О. Ю., Огороков А. В., Поляков Т. П.* Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы. М., 2019. 288 с.

² *Бондарь К. О., Богатырева А. С.* Колониальный Уильямсбург: оживший город и живой музей // *Иностранные языки в современном мире: мат. Междунар. студенч. науч.-практич. конф. Ростов-на-Дону, 2019. С. 12–15.*

³ *Прокудина Д. А., Прокудина Е. К.* Живой музей: трансформация музея в контексте экономики впечатлений (зарубежный опыт) // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2020. № 6(98). С. 34–48; *Прокудина Д. А.* Нематериальное культурное наследие как ресурс для развития территории // *Культура и образование*. 2020. № 4(39). С. 23–31.

⁴ *Потапова С. А.* Живые музеи. Проблемы взаимодействия музейно-развлекательных центров и туристических компаний // *Туризм и музеи: синергетический эффект взаимодействия*. М., 2020. С. 132–150.

средового подхода М. Е. Каулен¹. В качестве примера можно назвать статьи З. А. Шагжиной («Термин “живой музей” был предложен в 1917 г. американским музеологом Д.-К. Данном...», 2017)², С. А. Харитоновой (аналогичное значение, 2019)³, Е. С. Самойловой («Понятие “живого музея” пришло с подобной практики за рубежом...», 2021)⁴ и др. Наконец, такая интерпретация оказала влияние и на исследования П. В. Глушковой (Абрамовой), развивающие методику этноэкологического подхода В. Кимеева. Определяя в своей музейной классификации «живой музей» как самостоятельный тип музейного учреждения, отличающийся от ансамблевых, средовых и экомузеев, она отмечает зарубежный генезис данного понятия («Впервые дефиниция термина “живой музей” была предложена в 1917 г. музеологом Джоном Коттоном Данном...»)⁵.

Краткие выводы. Таким образом историографический анализ показывает, что термин «живой музей» начал употребляться в российском музееведении в 1980–1990-е гг., и к рубежу 2010–2020-х гг. сложилась практика его *постоянного использования*. На первом этапе термин преимущественно применялся для обозначения концепции П. А. Флоренского, но его смысловое поле достаточно быстро расширялось, включая новые персоналии и формы музейной деятельности. В контексте более чем тридцатилетнего использования сложилось несколько устойчивых значений (концептов, трактовок), актуальных для современного российского музейного дела. Среди них:

– «живой музей» П. А. Флоренского;

¹ Дело в том, что в трактовке «живого музея» М. Е. Каулен сопоставляются концепции П. А. Флоренского и Дж. К. Дана, предложившего на рубеже 1910–1920-х гг. идею «полезного музея»; См. подробнее параграф 2.2.

² Шагжина З. А. Музеи «in situ» в музейной сети Республики Бурятия: к постановке проблемы музеефикации новых объектов // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 4(4). С. 93–97.

³ Харитонова С. А. «Живой музей» как форма инновационной деятельности музея // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: Мат. Всерос. с междунар. участ. науч.-практич. конф. Т. 1. Улан-Удэ, 2019. С. 139–141.

⁴ Самойлова Е. С. Живой музей как среда формирования ценностных ориентаций личности // Язык и культура: ежегодный альманах. Челябинск, 2021. С. 177–181.

⁵ Глушкова П. В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия. 2015. С. 61.

- музейная концепция Н. Ф. Фёдорова;
- «живой музей» как особая технология проектирования музейной экспозиции (Т. П. Поляков);
- «живой музей» как мягкая музеефикация (средовой музей у М. Е. Каулен; уникальная историческая территория у С. И. Сотниковой; этноэкологический музей у В. М. Кимеева и др.);
- «оживший» этнографический музей-театр (В. Н. Всеволодский, Б. М. Соколов, О. Г. Севан, Е. А. Полякова, В. Г. Пушкарёв и др.);
- «живой музей» как аналог зарубежных техник актуализации наследия (музея-парка «живой истории», тематического парка, экомuzeя; А. С. Богатырева, К. О. Бондарь, О. Ю. Нельзина, Д. А. Прокудина и др.).

Безусловно, в рассмотренных выше работах употребление искомого термина носило различную теоретическую нагрузку – от простого упоминания до полноценных концепций музейной деятельности. В следующих параграфах второй главы будут подробнее рассматриваться те современные методики, в которых идеи «живого музея» получили наиболее глубокую теоретическую проработку или практическое переосмысление. Прежде всего, это – концепция уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов), средовой и этноэкологический подходы, в контексте которых сформировалась актуальная трактовка идеи «живого музея» как *мягкой музеефикации историко-культурных объектов*. Самое пристальное внимание будет уделяться концепции, развивающей идею «живого музея» как *особой технологии проектирования музейной экспозиции*. Этот универсальный подход воспринимается автором диссертации как базовый при разработке обобщающего определения и культурологической модели деятельности «живого музея».

2.2. «Живой музей» как мягкая музеефикация (культурно-ландшафтный, средовой и этноэкологический подходы)

Выражение «*мягкая музеефикация*» (частичная музеефикация) стало активно использоваться в российском музееведении на современном этапе. Оно применяется для обозначения самых разных практик сохранения объектов культурного наследия, которые не предполагают их полного изъятия из хозяйственной деятельности человека. Реализация данного принципа зависит от конкретных условий, однако можно выделить одну общую черту, отличающую мягкую музеефикацию от полной или тотальной – при таком подходе «омузееванию» (и сохранению) подвергаются отдельные свойства историко-культурного объекта. Это может быть, к примеру, внешний вид архитектурного памятника (ансамбля), внутри которого работает современное предприятие или учреждение, или, наоборот – некая историческая традиция или технология, воссоздаваемая в искусственной новодельной среде.

В современном российском музееведении концептуализация и методическое осмысление практик мягкой музеефикации историко-культурных объектов происходит в рамках нескольких направлений, отличающихся теоретическими основаниями и областью применения. Это – концепция уникальных исторических территорий или культурных ландшафтов, средовой и этноэкологический подходы. Рассмотрим их подробнее.

Концепция уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов). Согласно базовому определению, уникальная историческая (историко-культурная) территория (УИТ, УИКТ) – это особый целостный пространственный объект, где в традиционной природной и социокультурной среде находятся памятники истории и культуры

исключительной ценности и значимости¹. Сохранение территории на принципах УИТ предполагает мягкую музеефикацию масштабных историко-культурных и природных ландшафтов за счет *частичного ограничения* хозяйственной деятельности и ее *направленного развития* в соответствии с целями стратегического планирования. Основные организационно-правовые формы УИТ – музеи-заповедники или особо охраняемые природные территории (в первую очередь, национальные парки).

Данная методика, предлагающая новую форму сохранения и бытования наследия как части берегаемого культурного ландшафта, начала складываться в России в конце 1980 – начале 1990-х гг. Принципы создания УИТ, как подчеркивает С. И. Сотникова, согласуются с ключевыми положениями *экомузеологии* («новой музеологии»)². Напомним, что это движение, основанное на опыте организации европейских и американских экомузеев (интегрированных, рассредоточенных музеев)³, призывало к пересмотру целей и миссии музейного строительства, перенося акценты с сохранения коллекций на проблемы регионального развития. Данный подход актуален и для уникальных исторических территорий, выступающих российскими аналогами экомузеев⁴. В то же время, концепция УИТ обладает самобытными чертами, обусловленными ее генезисом в российской культуре и науке.

¹ Шульгин П. М. Возрождение и развитие памятников истории, культуры и природы на принципах уникальной исторической территории // Тезисы докладов II Междунар. конф. по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. М., 1992. С. 25–26.

² Сотникова С. И. Музеология. 2010. С. 148, 151.

³ Экомузей – это особая триединая модель музея (Человека, Истории и Природы), сформировавшаяся во Франции в 1970-е гг. Автором концепции экомузеев является Ж. А. Ривьер; термин «экомузей» был предложен Ю. де Варином. Наибольшее распространение экомузеев получили во Франции, Канаде и Латинской Америке. Как синонимы используются понятия «рассредоточенный музей», «интегрированный музей», «общинный музей». Главной отличительной чертой подобных учреждений, которые могут существовать в различных организационно-правовых формах, имеющих свою национальную специфику, выступает особый характер взаимодействия с местным населением. Именно местные жители, согласно концепции, становятся главными владельцами и сотрудниками подобного музея. Они осуществляют хранение историко-культурного и природного наследия в контексте своей повседневной деятельности. Музейные специалисты выполняют роль профессионалов-кураторов; См. подробнее об экомузеев: Ривьер Ж. А. Эволюционное определение экомузеев // MUSEUM. 1985. № 148. С. 2–3; Варин Ю. Термин и его значение // Там же. С. 5; Хадсон К. Влиятельные музеи / [Пер. с англ. Л. Мотылева]. Новосибирск, 2001. С. 143–146; Куклинова И. А. Экомузей – музей времени и пространства: западноевропейский образец и восточная модель // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. Т. 190. С. 263–269.

⁴ Сотникова С. И. Музеология. 2010. С. 164.

Возникновение методики сохранения наследия на принципах УИТ связано с разработкой программ возрождения историко-культурных комплексов Соловецких островов и Валаамского архипелага. Она осуществлялась на рубеже 1980–1990-х гг. *Советским (Российским) Фондом культуры*, созданным академиком Д. С. Лихачёвым. Предложенная в результате междисциплинарных экспедиций концепция базировалась на идее сохранения и развития этих территорий как *целостных, рассредоточенных живых музеев*¹. Данный принцип оказался не менее перспективным в отношении других комплексных объектов – усадеб, городов, исторических поселений. Создание подобных программ культурного и социального развития требовало грандиозных по объему научных исследований, определения нормативных и организационных основ, подготовки методики воплощения концепции в жизнь. Поэтому координация этой деятельности была возложена на *Институт Наследия* (ныне – Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва), организованный в 1992 г. Методологической основой деятельности института и разрабатываемой им концепции сохранения наследия стало *учение об экологии культуры Д. С. Лихачёва*. Не стремясь к его всестороннему изложению, напомним основные идеи.

В рассуждениях ученого получила обоснование *неразрывность природного и культурного компонентов* в сохранении наследия и, в целом, в мировосприятии человека. Лихачёв писал: «в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение экологии культурной»².

Для Д. С. Лихачёва главным отличием культуры от природы была принципиальная *невозможность восстановления исторического памятника*:

¹ Сотникова С. И. Музеология. 2010. С. 148.

² Экология культуры // Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л., 1985. С. 51.

«До известных пределов утраты в природе восстановимы. ... Природа при этом сама помогает человеку, ибо она “живая”. ... Иначе обстоит дело с памятниками культуры. ... Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно»¹. В концепции ученого культурные памятники выступают фактической *связью между прошлым и будущим*: «Ненавязчиво и ненастойчиво творения прошлого, в которые вложены талант и любовь поколений, входят в человека, становясь мерилем прекрасного. Он учится уважению к предкам, чувству долга перед потомками»². Потому уничтожение памятника в физическом или эстетическом аспекте – это преступление против культурной экологии, нарушающее «нравственную оседлость людей», и тем самым – убивающее их.

Ученый постулирует: историко-культурное наследие нельзя защитить табличкой «Охраняется государством», а культурную экологию – смешивать «с наукой реставрации и сохранения отдельных памятников». Культурное прошлое страны необходимо воспринимать *«не по частям, как повелось, а в его целом»*. Результатом взаимодействия природного и социального, прошлого и настоящего является сложившийся исторический ландшафт русских городов и сёл. А потому Лихачёв призывает: *«хранить памятник и ландшафт нужно вместе, а не раздельно. Вместе, в гармоническом их сочетании, они входят в душу человека, обогащая его представления о прекрасном»*³.

Следует еще раз отметить, что хранение в данном случае понимается в самом широком значении, не сводящимся к привычной «охране» или «ограждению». Мало «платонической любви к своей стране, любовь должна быть *действенной*». Поэтому «речь должна идти не только о том, чтобы сохранить самый характер местности, “ее лица необщее выражение”, архитектурный и природный ландшафт». Важно, чтобы «новое» меньше противостояло «старому». Это касается как строительства, которое

¹ Там же. С. 62.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 51.

Д. С. Лихачёв призывал увязывать с историей градостроения и сложившимися национальными принципами организации пространства, так и сохранения «бытовых навыков народа». Вместе с тем, критикуя «механическое подражание ... отмершему», ученый настаивал на «творческом следовании традиции», на поиске «живого в старом»¹.

Теоретическим и практическим инструментом, воплощающем отдельные принципы экологии культуры, стала концепция культурных ландшафтов (или УИТ), разрабатываемая Институтом Наследия в 1990–2000-е гг. В этой концепции, кроме того, нашли выражение общемировые тенденции в области охраны ценных территорий, определенные руководящими документами ЮНЕСКО по применению Конвенции о всемирном наследии. В начале 1990-х гг. Ю. А. Ведениным и П. М. Шульгиным были сформулированы базовые принципы новой стратегии сохранения и использования наследия:

– широкое понимание категории «наследие», не ограниченного только движимыми и недвижимыми памятниками истории, культуры и природы, а включающего живую народную культуру, природное окружение, традиционные ценности, ремесла, промыслы, технологии, формы природопользования и др.;

– представление о наследии как системе, в которой отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом;

– определение территории с многообразием присущих ей элементов наследия как основного объекта государственной охраны;

– понимание деятельности по сохранению наследия как органической части современных социокультурных и экономических процессов².

Данные принципы оказали ощутимое влияние на развитие музейной и природоохранной деятельности в постсоветской России, в том числе – на

¹ Экология культуры // Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л., 1985. С. 52–58.

² См.: Веденин Ю. А., Шульгин П. М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географическая. 1992. № 3. С. 90–99; Шульгин П. М. Возрождение и развитие памятников истории, культуры и природы на принципах уникальной исторической территории. 1992. С. 18–32.

современные представления о формах «живого музея». В дальнейших исследованиях авторского коллектива проводилась разработка базового понятия «культурный ландшафт» и его информационной парадигмы (Ю. А. Веденин, В. Н. Калуцков, М. Е. Кулешова, Б. Б. Родоман и др.)¹, программ возрождения и развития УИТ с разной спецификой (Г. А. Зайцева, П. М. Шульгин и др.)², принципов управления культурными ландшафтами (Г. А. Зайцева, М. Е. Кулешова, В. П. Столяров и др.)³, основных подходов к культурно-ландшафтному зонированию (Д. В. Тормосов, Р. Ф. Туровский и др.)⁴ и т. д. В области нормативной базы был разработан проект закона о музеях-заповедниках, а также Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации⁵. Отдельные принципы культурно-ландшафтного подхода нашли отражение в *определении музеев-заповедников* и целей их работы, которое было включено в 2011 г. в

¹ Например, см.: Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Сер. географическая. 2001. № 1. С. 7–14; Веденин Ю. А. Концепция культурного ландшафта как основа формирования системы особо охраняемых территорий // Материалы третьей научно-практической конференции «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия». М., 1999. С. 6–19; *Его же*. Роль информации при формировании культурного ландшафта на охраняемых историко-культурных территориях // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: мат. седьмой всерос. науч. конф. М., 2003. С. 5–20; Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения: учеб. пособие. М., 2000. 96 с.

² Например, см.: Зайцева Г. А., Некрасов Р. М. Основные положения Концепции сохранения и развития Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» // Музейный сборник. Вып. 5. М., 1999. С. 3–9; Кулешова М. Е. Монастырский культурный ландшафт: закономерности формирования (на примере о. Анзер Соловецкого архипелага) // Материальная база сферы культуры: научно-информационный сб. / РГБ, Информкультура. 1997. Вып. 2: Монастыри – культурные центры Отечества. С. 20–30; Горбунов А. В. Предмет охраны и пути сохранения культурного ландшафта Бородинского поля // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 503–531; Шульгин П. М. Перспективы создания природного парка «Пунси» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа // Болота и люди: мат. междунар. семинара. М., 2000. С. 193–204.

³ Например, см.: Сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами / [Э. Гаукстад, Э. Моен (Норвегия), М. Кулешова, В. Столяров (Россия)]. М.; Осло, 1999. 96 с.; Кулешова М. Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. М., 2002. 46 с.; Зайцева Г. А. Управление культурными и экологическими проектами музеев-заповедников: особенности, проблемы, перспективы // Материалы пятой Всероссийской научной конференции «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия». М., 2001. С. 40–45.

⁴ Например, см.: Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998. 208 с.; Веденин Ю. А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия. 2004. С. 338–382; Веденин Ю. А., Тормосов Д. В. Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка // Там же. С. 425–445.

⁵ Веденин Ю. А., Шульгин П. М., Штеле О. Е., Зайцева Г. А. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации // Экологические проблемы развития музеев-заповедников: мат. десятой всерос. науч. конф. М., 2008. С. 5–34.

Федеральный закон № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ст. 26.1)¹.

Перспективность культурно-ландшафтного подхода в музейном развитии подтверждается опытом крупнейших музеев-заповедников («Михайловское», «Куликово Поле», «Бородинское Поле», «Шушенское», «Кижичи» и др.), которые всё более сближаются в принципах своей работы с зарубежными экомузеями². Ярчайший пример развития территории музея-заповедника на принципах УИТ – *Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»*. Коренной перелом в деятельности учреждения произошел во второй половине 1990-х гг., когда была разработана новая концепция сохранения и развития территории. Она предполагала воссоздание «живой, действующей» усадьбы, «с ее естественным образом жизни»³. Решение данной задачи потребовало расширения музея за счет «исторически обусловленных территорий, связанных с усадебными сельскохозяйственными угодьями». Включение деревень Ясная Поляна, Грумант и Кочаки в зону влияния заповедника позволило сохранить «не только исторический ландшафт и усадебный парк, но и обеспечить традиционный для толстовской усадьбы тип землепользования»⁴. Были возрождены яблоневые сады и прудовое хозяйство, пасеки и конный двор, система лугов и покосов, а также другие формы усадебного природопользования. Не менее важное направление работы музея-заповедника выразилось в формировании целой сети филиалов в культурно-исторических местах Тульской области, ассоциирующихся с именем Л. Н. Толстого – в Никольском-Вяземском, Пирогове, Покровском,

¹ Федер. закон от 23.02.2011 N 19-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации”». КонсультантПлюс [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110917/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 06.04.2024).

² Эта тенденция отмечается разными исследователями, например, см.: *Поляков Т. П.* Актуальные проблемы, методы, технологии и тенденции развития экспозиционной деятельности отечественных музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // *Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»*. 2021. С. 34.

³ *Шульгин П. М.* Ясная Поляна: опыт использования историко-культурного наследия // *Россия и современный мир*. 2005. № 3(48). 2005. С. 235–240.

⁴ Там же.

Мансурове, Туле и на станции Козлова Засака. Наиболее успешным стал проект возрождения бывшего уездного города, а ныне села Крапивны.

К сожалению, подобные примеры являются пока что исключением. На данный момент некоторые стратегические приоритеты, сформулированные в законе (воссоздание исторически сложившихся видов деятельности, ремесел, традиций природопользования и др.)¹, никак не отражаются на *показателях текущего музейного планирования* (и государственном задании музеев-заповедников). В этих условиях работа с территорией во многих учреждениях неизбежно воспринимается как *второстепенная*².

Большое влияние идеи культурно-ландшафтного подхода оказали на современное развитие российских национальных парков. В этом плане лучшим примером является деятельность *Кенозерского национального парка*, где принципы мягкой музеефикации нашли разное воплощение. Отличительной чертой данной охраняемой территории является широкое разнообразие музейных экспозиций, созданных с использованием актуальных музейных технологий. Среди них и экологические музеи, включающие самые настоящие «живые» подразделения (ЭКОмузей, ЭКОферма «Мезенка»), и историко-культурные объекты, функционирующие в различных «живых» форматах – от открытого хранения до музеев-библиотек (музей «В Начале было Слово», «Амбарный ряд», Зехновская мукомольня, «Кабинет учёного» и др.). На территории нацпарка работают экологические тропы и интерактивные зоны, да и в целом она воспринимается как масштабный живой музей деревянного зодчества.

¹ Ст. 26.1. Музеи-заповедники // Федер. закон от 26.05.1996 N 54-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). КонсультантПлюс [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ca87cfd187048d9e8949248e19b86b9273a38778/ (дата обращения: 06.04.2024).

² Данная проблема актуальна, например, для музея-заповедника «Горки Ленинские»; См. подробнее работы автора: *Зотова Т. А.* Музей-заповедник «Горки Ленинские»: проблемы ребрендинга // Культурное наследие России. 2019. № 4(27). С. 62–68; *Ее же.* Экспозиционная деятельность музеев-заповедников как форма культурного брендинга // Экспозиционная деятельность музеев-заповедников и современные музейные практики: проблемы брендинга территорий: Сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. М., 2022. С. 31–51.

Однако главным достоянием нацпарка являются его *жители – хранители материального и нематериального наследия Кенозерья*.

Кенозерский национальный парк первым в России пошел по пути реализации идеи устойчивого жизнеобеспечения местного населения¹. Главный стратегический принцип гласит: «Кенозерская деревня должна жить, а не выживать»². Местное население предлагает широкий ассортимент услуг для туристов благодаря кураторской поддержке парка. Администрация способствует развитию и распространению этих практик и устраивает регулярные площадки, где желающие обучаются ремеслам, осваивают бизнес-опыт, учатся планировать и реализовывать свои идеи, знакомятся с успешным опытом жителей других районов области и регионов России. В настоящее время в исторических поселениях Кенозерья функционирует 27 частных гостевых домов, и лучшие из них получают знак качества национального парка. Здесь работает несколько школ юных экскурсоводов и плотников для местных детей и подростков, которые на практике осваивают и свое наследие, и профессиональные навыки. Наконец, местные жители проводят разнообразные мастер-классы (по берестоплетению, войлоковалению, ткачеству, традиционной выпечке и т. п.), и помимо того, изготавливают сувенирную продукцию для национального парка³.

Подводя итог, следует отметить, что идеи мягкой музеефикации ландшафтов в наибольшей степени выражены в таких типах УИТ⁴ как:

– *монастырские комплексы*; они совмещают в себе действующие храмы (живые музеи), комплексные историко-архитектурные и природные музеи-заповедники (музейные коллекции и привычные музейные услуги) и особо охраняемые природные территории (ведущие учет живых ландшафтов, формирование экологических троп и т. п.); примеры подобных объектов –

¹ Шатковская Е. Ф., Мелютина М. Н. «Заповеданное Кенозерье» в научном и личном пространстве Ю.А.Веденина // В фокусе наследия. Сб. статей. М., 2017. С. 577–594.

² Сельский туризм в Кенозерье // Кенозерский национальный парк [официальный сайт]. URL: <http://www.kenozero.ru/mestnym-zhitelyam/mestnym-zhitelyam/vozmozhnosti-dlya-razvitiya/selskiy-turizm-v-kenozere/> (дата обращения: 16.04.2024).

³ Там же.

⁴ Используется классификация УИТ С. И. Сотниковой; См.: Сотникова С. И. Музеология. 2010. С. 151–165.

Валаамский и Соловецкий Спасо-Преображенские монастыри, возрождение территорий которых связано с восстановлением монастырской системы землепользования, видов сельскохозяйственной специализации, промыслов, ремесел и др. форм исторически сложившейся деятельности.

– *усадебные ландшафты (комплексы)*; как было показано выше, основным субъектом развития УИТ становится музей-заповедник или музей-усадебка, превращающийся в «живой музей»; он берет на себя функцию *центра социального и хозяйственного развития*, обеспечивает проведение необходимых сельскохозяйственных работ в имении и постепенно осваивает прилегающие территории; наиболее яркий пример – музей-заповедник «Ясная Поляна», проводящий актуализацию всего «толстовского пространства» Тульской области.

– *малые исторические города*, которые в долгосрочном планировании имеют перспективу превращения в живые города-музеи; программа возрождения на принципах УИТ включает рекомендации по стратегии дальнейшего *развития хозяйства*, переориентации городской экономики на *культурно-туристский сектор*; примеры – Суздаль (Владимирская обл.), Верхотурье (Свердловская обл.), Каргополь (Архангельская обл.), Ялуторовск (Тюменская обл.) и др.

– *исторические сельские поселения*, сохранившие свой планировочный и архитектурный облик, традиционный уклад жизни; принципы развития подобных территорий как УИТ сосредоточены на создании таких условий хозяйственной и культурной жизни, которые будут способствовать *оседлости ее коренного населения*; при создании музея-заповедника или природной охранной территории не происходит изъятия у землепользователей земельных участков, но накладываются ограничения на строительную и хозяйственную деятельность; примеры – живой музей-село Кижма (Архангельская обл., Мезенский р-он), музей-заповедник «Островград Свияжск» (Татарстан) и др.

– этноэкологические (исторические) районы проживания малочисленных народов (на Севере и Северо-Востоке России); подобные «живые музеи» существуют в формате ООПТ (национального парка), основу которого составляют археологические свидетельства, живописные ландшафты, памятники природы, имеющие сакральный смысл в контексте традиционных верований коренного населения; пример – Национальный парк «Беренгия» (Чукотка).

Средовой подход М. Е. Каулен. В 1990-е гг. в российском музееведении начали складываться еще два современных подхода к сохранению историко-культурного наследия, близких в некотором плане концепции культурных ландшафтов. Это средовой подход в формулировке М. Е. Каулен и этноэкологический подход в трактовке В. М. Кимеева. В центре их внимания – проблемы, перспективы и тенденции развития музеев под открытым небом, в особенности архитектурно-этнографических музеев и музеев народного быта. Принцип мягкой музеефикации здесь играет важную, но *вспомогательную* роль – он используется для создания отдельных «живых» историко-функциональных объектов, которые в динамичной форме представляют бытовые аспекты народной и городской культуры. Рассмотрим подробнее данные подходы.

В работах М. Е. Каулен центральное место занимает понятие «*средовой музей*». Оно используется для обозначения современных музейных и туристских объектов, стремящихся к воссозданию и демонстрации историко-культурной среды, в том числе – музеев-заповедников, УИТ и др. Теоретической основой данной концепции, разработанной в *Российском институте культурологии*, стала типология музеев по признаку хранимого и репрезентируемого наследия Д. А. Равикович (1987)¹. Фактологической основой концепции средового подхода стала практика «оживления» этнографических экспозиций, сложившаяся в музеях под открытым небом в

¹ Данная типология предполагает деление музеев на учреждения, образованные на основе коллекции («коллекционные») и на основе архитектурного ансамбля («ансамблевые»); См.: Равикович Д. А. Социальные функции и типология музеев // Музееведение: Вопр. теории и методики. М., 1987 (1988). С. 19.

1980–1990-е гг. Отталкиваясь от этих материалов, М. Каулен был высказан тезис, что к концу XX в. сформировался новый тип музейного учреждения – средовой музей, который преодолевает ограниченность традиционных коллекционных и ансамблевых музеев и осуществляет музеефикацию историко-культурной среды со всеми составляющими ее объектами и взаимосвязями между ними¹.

Концептуализации понятия «средовой музей» был посвящен ряд публикаций М. Е. Каулен в 2000-е гг. Однако лучше понять специфику предложенного музееведом средового подхода можно обратившись к ее первым статьям. В частности, к статье 1991 г., излагающей авторскую концепцию музеефикации территории Коломенского (Москва). Представляя основные положения разработанного проекта, Каулен говорит, что этот музей под открытым небом необходимо формировать, используя «*музейно-образный метод*»². Исходя из этого, территория заповедника должна рассматриваться как «единый экспозиционный комплекс» или «непрерывная система экспозиций», каждая из которых *реконструирует* определенную совокупность явлений культуры, характеризующих Коломенское на одном из этапов его исторического развития. Среди них, например, – экспозиционные зоны «Парк XIX века» («реставрация парка 1825 года» и проведение концертов «светской музыки XVIII–XIX вв.»), «История садоводства на Руси» («где должен быть реконструирован видовой и сортовой состав сада и “Аптекарского огорода”»), «Купеческая усадьба XIX века» (с «лавкой»

¹ Приведем авторское определение полностью: средовой музей – это музей, деятельность которого основывается главным образом на музеефикации историко-культурной и/или природной среды со всеми составляющими ее движимыми, недвижимыми и нематериальными объектами и существующими между ними взаимосвязями, а также с участием людей, населяющих территорию; См.: Каулен М. Е. Средовой музей: современные проблемы и перспективы развития. 2005. С. 38.

² Музейно-образный метод проектирования экспозиции предполагает художественную интерпретацию историко-культурных явлений, актуализируемых в музейном пространстве. Он выражается в создании экспозиционно-художественного образа (системы образов), выявляющих символическое значение демонстрируемых музейных предметов (объектов). Родоначальником данного подхода стал архитектор и художник, основатель Сенежской экспериментально-учебной студии, Е. А. Розенблюм. Название метода было предложено директором Центрального музея революции СССР, Ф. Г. Кротовым. Концептуализацией этого подхода занимается Т. П. Поляков; подробнее о музейно-образном методе см.: Розенблюм Е. А. Искусство экспозиции // Музейное дело в СССР. [Вып. 13]. М., 1983. С. 23–29; Кротов Ф. Г. О задачах совершенствования экспозиций исторических и краеведческих музеев // Там же. С. 9–10; Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М., 2018. С. 34–39.

для продажи сувениров по подобию торговых заведений конца XIX столетия), «Этнографическая деревня» (восстанавливающая планировку с. Дьяково на XVIII в.), «Город мастеров» (реконструкция с. Коломенское на конец XIX – начало XX вв. и организация культурно-образовательных студий на этнографическую тематику) и т. п.

Интересно, что раскрытие темы в каждой экспозиционной зоне планировалось осуществлять *на трех уровнях* – за счет исторической территории, предметной экспозиции и «характерных форм действия» (демонстрации обрядов, ремесел, театрализованного действия и т.д.). Предполагалось, что в сочетании тем и разных уровней актуализации будет создаваться цельный и максимально убедительный «образ Коломенского как культурно-исторического феномена»¹.

Подобная *образность* и неизбежная *условность* станут характерной чертой музейных учреждений, тяготеющих к концепции средового подхода. Однако в более поздних публикациях М. Е. Каулен понятие «образ», принципиально важное в данном контексте, будет опускаться. На смену ему придет другое – *историко-культурная среда*, которая будет пониматься как «явление актуальной культуры», «территориально-локализованное предметно-пространственное и природное *окружение*, сочетающее уникальные и традиционные объекты культурного и природного наследия, используемые в соответствии с современными потребностями общества»². Согласно концепции М. Каулен, это окружение возникает вокруг *ансамблевых музеев* под влиянием широкой трактовки категории «наследие» и способствует созданию здесь особых материальных и духовных условий «для существования и деятельности человека, формирования и развития личности в обстановке преемственности исторических и современных контекстов культуры»³.

¹ Каулен М. Е. Музей-заповедник как единый экспозиционный комплекс (на материале концепции музеефикации территории и памятников музея-заповедника «Коломенское») // На пути к музею XXI века. Музеи-заповедники. М., 1991. С. 168–172.

² Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. 2012. С. 395.

³ Там же.

Словом, в отличие от концепции УИТ, обращенной к проблемам возрождения исторических территорий, средовой подход М. Е. Каулен направлен на разработку новой модели музеев под открытым небом. Исторические прообразы средового подхода, определяемые автором, также подтверждают этот «музеецентричный» взгляд. Среди них не только религиозно-философские проекты Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, но и концепция «*полезного музея*» Дж. К. Дана (*John Cotton Dana*). К слову, в работах М. Каулен отмечается, что именно он первым использовал термин «живой музей» – в 1917 г.¹

Считается, что Дж. Дана предвосхитил идею экомuzeя, использующего историко-культурное наследие для решения социальных и экономических проблем современности². Но всё же вопросы социальных функций музеев он рассматривал несколько в другом ключе. На рубеже 1910–1920-х гг. основатель музея в Ньюарке (Нью-Джерси, США) подготовил ряд небольших изданий, объединенных в «Новую музейную серию»³, в которых предложил свою прагматичную музейную концепцию. Вкратце она гласит: современному городу не нужен старый музей с его бесконечными рядами витрин и бесполезными дорогими экспонатами; *новый музей, приносящий пользу городу*, будет похож на *универсам*, работники которого займутся изучением и представлением в экспозиции *актуальных вещей*. Такой музей сопоставит предметы городской промышленности с подобными вещами из разных времен, городов и стран, используя как оригиналы, так и копии, изображения. По мнению Дж. Дана, это превратит музей в средство *ненавязчивого* обучения, расширит знания простых людей о своем повседневном быте и работе, а также об образе жизни представителей других

¹ Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. 2012. С. 45.

² Словарь актуальных музейных терминов / М. Е. Каулен, А. А. Сундиева, И. В. Чувилова и др. // Музей. 2009. № 5. С. 51.

³ Данная серия включает четыре пособия Дж. К. Дана – «Новый музей» (1917), «Уныние музеев» (1917), «Установка громкоговорителя и сопутствующих экспонатов» (1918) и «Проект нового музея, приносящего пользу городу» (1920); См.: *John Cotton Dana. The Gloom of the Museum: No. 2 of the New Museum Series. Woodstock, Vermont, 1917. 45 p.*; *John Cotton Dana. Installation of a Speaker and Accompanying Exhibits: No. 3 of the New Museum Series. Woodstock, Vermont, 1917. 25 p.*; *John Cotton Dana. A Plan for a New Museum: The Kind of Museum it will Profit a City to Maintain: No. 4 of the New Museum Series. Woodstock, Vermont, 1920. 57 p.*

культур¹. Именно такие «универсальные» музеи он будет называть «живыми», а остальные, в особенности художественные галереи, – презрительно именовать «унылыми»².

Данный исторический прообраз еще раз подтверждает основную мысль: средовой подход предложил новую модель музейного развития. Схематически ее можно изобразить следующим образом. Собрание ансамблевых музеев, при трансформации их в средовые, пополняется *подлинными* или *достоверными* объектами нематериального наследия (традициями)³, а также их *моделями*, которые могут быть *имитативными* или *экспериментальными* (научными)⁴. Эти нематериальные объекты и их модели, представленные в пространстве историко-культурных и природных ансамблей (в подлинной или достоверной материальной среде), формируют «живые экспозиции» (или, иными словами, «ожившие экспозиции»). Их динамичный характер обеспечивается за счет «связующих элементов» – объектов живой природы, реконструкций традиционных занятий, деятельности жителей-партнеров. Музейные качества подобных объектов определяются их средовой ценностью – возможностью обеспечить взаимосвязь подлинных и достоверных элементов⁵.

Один из наиболее известных примеров такой «живой экспозиции» – современный *историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»* (Красноярский край). Его основу составляет центральная часть сибирского села конца XIX – начала XX вв., связанная с пребыванием здесь в 1897–1900 гг. В. И. Ленина⁶. В учреждении с 1993 г. проводился ребрендинг, в

¹ John Cotton Dana. A Plan for a New Museum: The Kind of Museum it will Profit a City to Maintain: No. 4 of the New Museum Series. Woodstock, Vermont, 1920. P. 57.

² См. подробнее о концепции Дж. Дана: Грицкевич В. П. История музейного дела конца XVIII – начала XX вв. СПб., 2007. С. 192–193; Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты. 2018. С. 81–85.

³ Согласно М. Каулен, представляемая в музее традиция обладает таким свойством как *подлинность*, если она не прерывалась при переходе в музейное состояние; в случае, если традиции была утрачена, но детально воссоздана – она характеризуется *достоверностью*; См.: Каулен М. Е. Средовой музей: современные проблемы и перспективы развития. 2005. С. 42.

⁴ Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. 2012. С. 74.

⁵ Там же. С. 90–93.

⁶ О структуре открытой экспозиции см. подробнее: Карпова Г. Н., Самохвалова К. С. Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» // Символ науки. 2016. № 10–3. С. 186–187.

результате которого музей-заповедник в целом отошел от политической направленности¹. Сегодня это – мемориал, связанный с жизнью и деятельностью основателя советского государства, но главным образом – место сохранения *промыслов, старинных умений и традиций сибиряков*. Посещая мемориальный комплекс, гости музея знакомятся с историческими технологиями и местными ремеслами. На постоянной основе в экспозиции работает несколько мастерских². Во время проведения фольклорно-развлекательных и музейно-образовательных мероприятий функционируют дополнительные ремесленные площадки, где можно увидеть труд прядильщиц, резчиков и др. мастеров. Наконец, сохранению и представлению духовных традиций сибиряков посвящена деятельность фольклорного ансамбля «Плетень» и этнографического театра. В этом сочетании уникального архитектурно-ландшафтного ансамбля, историко-бытовых предметных экспозиций и различных форм презентации традиционного образа жизни рождается феномен *«ожившего» сибирского села рубежа XIX–XX вв.*

К сожалению, достигнуть подобного эффекта получается далеко не в каждом ансамблевом музее. Одной из главных проблем реализации средового подхода становится нарушение тонкой грани между подлинными, достоверными и средовыми объектами в экспозиции, которое приводит к т. н. «шлягеризации» наследия. В то же время нельзя не отметить значимость идей средового подхода в контексте распространения в России практик *мягкой или частичной музеефикации*. В концепции М. Е. Каулен эта форма музеефикации приобрела статус социокультурной технологии, способствующей сохранению *принципа саморазвития* объекта музейного показа (будь то памятник, ландшафт, традиция и т. д.)³. Средовой подход

¹ См. подробнее: *Зотова Т. А., Нельзина О. Ю.* Особенности экспозиционно-выставочной деятельности современных музеев-заповедников: проблемы брендинга территории и пути их решения // *Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»*. 2021. С. 271–277.

² Например, в усадьбе крестьянина-середняка В. А. Зотова работает бондарная мастерская; в усадьбе Г. И. Контарева – ткацкая мастерская; в усадьбе Я. З. Петрова – гончарная мастерская.

³ *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. 2012. С. 46.

провозгласил: такой «живой музей» формируется за счет функционального подхода – на основе историко-культурных объектов, «не изъятых или лишь частично изъятых из среды бытования», которые «продолжают выполнять свои *изначальные функции* в той или иной степени»¹. Получившееся общественное пространство отличается изменчивым характером, например – в мемориальных зонах университета учатся новые студенты, в реконструированной усадьбе-гостинице – живут новые гости, в охраняемом здании исторической аптеки – продаются новые лекарства и т. д. Именно *обновляющая* связь с повседневными процессами способствует самовоспроизведению исторических традиций, то есть сохранению их «живыми».

В большинстве случаев подобные «живые музеи» не обладают официальным музейным статусом (то есть не имеют охраняемых государством коллекций, памятников, ансамблей), и потому объединяются в группу *учреждений музейного типа*. По мнению М. Е. Каулен, ориентиром для их развития выступают зарубежная модель *экономузея (economuseum)* – музея-мастерской и открытого ремесленного предприятия, совмещающего в своей деятельности сохранение культурных ценностей с их производством. Как отмечает Каулен, от традиционных музеев их отличает не только методика работы, но и коммерческий характер деятельности². Такие музей-мастерские в наибольшей степени развиты в Канаде³, а автором их концепции считается канадский архитектор, этнолог и музейный деятель *С. Симард (Cyril Simard)*⁴. Главной задачей подобного учреждения является

¹ Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. 2012. С. 99.

² Там же. С. 403.

³ Ориентируясь на зарубежные источники, можно сказать, что в Канаде действуют три сети экомузеев – в Квебеке, в Атлантической Канаде и в Британской Колумбии, с общим количеством около 45 учреждений. Существуют музей-мастерские в Европе – на Фарерских островах, в Исландии, Швеции, Норвегии и Северной Ирландии. Они созданы в недавнем прошлом по программе экомузеев Северной периферии и Арктики (NPA), финансируемой Европейским союзом в 2008–2011, 2014–2020 гг.; См.: Economuseum network from Quebec. 30.01.2017. URL: <https://www.mastermuseos.es/en/blog/publicaciones/la-red-de-economuseos-de-quebec/> (дата обращения: 19.03.2024).

⁴ Свою модель экомузея он изложил в книге: *Cyril Simard. Économuséologie, comment rentabiliser une entreprise culturelle*. Montréal, 1989. 170 p.; См. подробнее: *Marie Vaillancourt Laporte. Genèse de l'économuséologie // Material Culture Review. Vol. 80–81, 2014–2015. P. 123–133. URL: https://id.erudit.org/iderudit/mcr80_81art09* (дата обращения: 06.04.2024).

сохранение *традиционных профессий* и формирование культурно-туристического продукта на их основе.

Ярчайший пример современного российского экономузея – *музей-фабрика «Коломенская пастила – музей истории со вкусом»*. Это частное учреждение музейного типа, расположенное в купеческой усадьбе Сурановых (Московская обл., Коломна). На фабрике производится три вида пастилы по старинным рецептам, которые продаются в местном и онлайн-магазине. Процесс их изготовления и реализации превращен в объект музейного показа – в усадьбе проводятся экскурсии, программы, мастер-классы и фестивали, в ходе которых гости узнают больше о традициях чаепития, о секретах изготовления пастилы, о вкусах и предпочтениях известных деятелей отечественной культуры¹.

Несмотря на отдельные примеры успешных экономузеев, в России принцип мягкой музеефикации не так сильно связан с коммерческой деятельностью. Всё-таки наиболее оригинальные «живые» зоны создаются в контексте музейно-мемориальных пространств, а их разнообразие не сводится исключительно к ремесленным мастерским. К слову, в Шушенском роль масштабного «живого музея» выполняет *Архитектурно-этнографический комплекс «Новая деревня»* (2011) – музей-гостиница, расположенная на периферии исторического ландшафта². Схожие практики мягкой музеефикации развиваются и в других музейных учреждениях³. В частности, *оригинальные музейные кафе*, организованные по принципу «живого музея», работают в Центральном парке Вооруженных сил РФ «Патриот» (Московская обл.)⁴, а также в музее-заповеднике «Прохоровское

¹ Коломенская пастила – музей истории со вкусом [сайт]. URL: <https://kolomnapastila.ru/> (дата обращения: 19.03.2024).

² К услугам постояльцев открыты шесть этнографически наполненных крестьянских усадеб. Каждая из них воспроизводит внешний облик жилых и хозяйственных построек определенной крестьянской семьи, включает новоделы и исторические артефакты; См.: Новая деревня // Музей-заповедник «Шушенское» [офиц. сайт]. URL: <https://shush.ru/newvillage/> (дата обращения: 19.03.2024).

³ Данный вопрос рассматривался автором в статье: *Зотова Т. А.* Экспозиционные технологии «живого музея» как динамичная форма реконструкции исторически сложившихся видов деятельности // Культурное наследие России. 2022. № 2(37). С. 66–73.

⁴ Наиболее оригинальные обеденные зоны созданы в Партизанской деревне, где в одном из блиндажей работает Полевая кухня, а также организована костровая зона с горячим самоваром; См.:

Поле» (Белгородская обл.)¹. Широкую славу сыскали два «живых музея» мемориального музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» (Псковская обл.) – *музей-мельница* и *музей-почта*, открытые на территории д. Бугрово². Наконец, наиболее удивительные примеры музеефикации исторических традиций, переосмысляющих их и способствующих их возрождению, были предложены литературно-мемориальным музеем-заповедником А. П. Чехова «Мелихово» (Московская обл.). Это – *музей-поликлиника* (экспозиция «Амбулатория»), где в течение ряда лет располагался действующий фельдшерский пункт³, а также *музей-метеопост*⁴.

Этноэкологический (средовой) подход. Реализация принципа мягкой музеефикации как перспективного направления деятельности музеев под открытым небом играло значительную роль в этноэкологической концепции доктора исторических наук *В. М. Кимеева*. Объектом его проектной и научной работы являлась сеть *экомузеев и экомузеев-заповедников Кемеровской области*, развитием которой этнограф и музейный деятель занимался в 1980–2010-е гг. В настоящее время реализация и освоение принципов этноэкологического (как синоним – *средового*) подхода производится его дочерью *П. В. Абрамовой (Глушковой)*, а также другими сотрудниками *Кемеровского государственного института культуры*.

Партизанская деревня // ЦВППКиО ВСРФ «Патриот» [офиц. сайт]. URL: <https://parkpatriot.ru/obekty/partizanskaya-derevnya/> (дата обращения: 19.03.2024).

¹ В музее-заповеднике работает тематическое кафе «Блиндаж», расположенное в стилизованном павильоне; основу его меню составляют каши, сало, серый хлеб и соленья, а в сервировке используется солдатская посуда; См.: Кафе // Музей-заповедник «Прохоровское поле» [офиц. сайт]. URL: <https://прохоровское-поле.рф/kafe.html> (дата обращения: 19.03.2024).

² Музей-мельница – это реконструирована водяная мельница нач. XIX в., где демонстрируются принципы работы старинных механизмов. В музее-почте расположена небольшая тематическая экспозиция, проходят исторические мастер-классы, а также оказываются привычные почтовые услуги; См.: Музейный комплекс «Бугрово» // Музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» [офиц. сайт]. URL: <https://www.pushkinland.ru/2018/reserve/res4.php> (дата обращения: 19.03.2024).

³ Экспозиция «Амбулатория» открыта в бывшей людской и воссоздает кабинет земского врача кон. XIX в., в кон. 2000–2010-е гг. по соседству с ней вел прием фельдшер; См.: Иванова, И. На приём к доктору Чехову // Российская газета; RG.RU [сайт]. 28.07.2006. URL: <https://rg.ru/2006/07/28/melihovo.html> (дата обращения: 19.03.2024).

⁴ Включает действующий метеопост XX в. и автоматизированную станцию XXI в., в контексте которых проходят культурно-образовательные мероприятия; См.: Метеопост «Мелихово» [сайт]. URL: <http://metemelikhovo.ru/> (дата обращения: 19.03.2024).

Можно сказать, что разработка проблемы возрождения этнокультурных традиций сибирских народов была смыслом жизни В. М. Кимеева¹. Будучи специалистом по этнографии шорцев – коренного тюркоязычного народа Кузбасса, Кимеев стал одним из авторов концепции и первых организаторов экспозиции *музея-заповедника «Томская Писаница»* (1989–1991). При его непосредственном участии на территории комплекса появилась этнографическая зона «Шорский улус Кезек», включающий транслоцированные и реконструированные постройки коренного народа Притомья. Примерно в это же время В. М. Кимеев увлекся идеями *экомuzeологии*, и уже в 1991 г. предложил первый проект российского экомuzeя «Тазгол» в хорошо знакомой ему Горной Шории (п. Усть-Анзас, Таштагольский р-н). Следом появился ряд других проектов², опыт разработки которых был изложен Кимеевым в книгах «Экомuzeология. Национальные экомuzeи Кузбасса», «Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе», в докторской диссертации³ и статьях.

Критикуя псевдо-охранные мероприятия в сфере культурного наследия⁴, Кимеев стремился переключить внимание общественности и профессионального сообщества на задачу сохранения *реальных памятников материальной и нематериальной культуры* народов Кузбасса, еще бытующих в этнографических районах (то есть – живых). Отталкиваясь от основных принципов экомuzeологии, сформулированных Ж. А. Ривьером, Ю. Варином, Ф. Юбером, П. Мейером и др. «новыми музеологами»,

¹ Подробнее о жизни и работе В. М. Кимеева см.: *Абрамова П. В., Кимеева Т. И.* Роль В.М.Кимеева в проектировании и создании этнографических музеев под открытым небом в Кузбассе // *Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. 2021. Вып. 13. С. 41–49; *Китова Л. Ю.* Деятельность В.М.Кимеева на кафедре археологии Кемеровского государственного университета // Там же. С. 59–67.

² Проекты татарского экомuzeя «Калмаки» (1991, д. Юрты-Константиновы, Яшкинский р-н), музеев «Чолкой» (1992, с. Беково Беловский район), «Ишим» (1992, с. Ишим, Яйский р-н), «Русское село Брюханово» (1995, с. Красное, Ленинск-Кузнецкий р-н), «Тюльберский городок» (1998, Кемеровский р-н), историко-этнографического комплекса «Русские Притомья» (2010-е гг., Музей-заповедник «Томская Писаница») и др.

³ *Кимеев В. М., Афанасьев А. Г.* Экомuzeология: Нац. экомuzeи Кузбасса. Кемерово, 1996. 135 с.: *Кимеев В. М.* Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. Томск, 2008. 452 с.; *Его же.* Экомuzeи Притомья и сохранение этнокультурного наследия: генезис, архитектоника, функции: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. СПб., 2009. 40 с.

⁴ *Кимеев В. М.* Экомuzeи Притомья на рубеже XX–XXI веков // *Вестник КемГУКИ*. 2014. № 28. С. 31–43.

В. М. Кимеев стремился предложить собственную триединую модель музея времени, пространства и деятельности человека.

Среди прочих разработок этнографа проект экомuzeя «Тазгол» (1991) стал наиболее успешным. Концепция предполагала создание рассредоточенного музея в поселке Усть-Анзас, где сохранились памятники истории и культуры шорцев, относящиеся к концу XIX – началу XX вв., а также формы традиционного образа жизни. Архитектурный проект (авт. А. Г. Афанасьев) включал нескольких «живых» экспозиционных зон, интегрирующих вокруг себя этнографическое пространство поселения. Кратко охарактеризуем их.

Первая зона «*Миссионерский стан*» включала «живой музей» – дом священника, созданный в отреставрированном памятнике деревянной архитектуры (доме миссионера). В дополнение к нему были перевезены и реконструированы другие объекты – дом псаломщика, дом паштыка, амбар начала XX в., постройки для скота и огорода. Кроме того, в эту экспозиционную зону планировалось включить перевезенную Никольскую церковь из с. Жерново (Новокузнецкий р-н Кемеровской обл.), но сохранить ее методом транслокации не удалось. Поэтому начались работы по реконструкции местной Троицкой церкви, утраченной в 1930-е гг. Данный объект также должен был использоваться по принципу мягкой музеефикации – как объект музейного показа и как *действующая церковь*. Однако строительство завершено не было.

Вторая экспозиционная группа – «*Усадьба русского плотника Иванова*». В нее вошли срубной жилой дом под четырехскатной тёсовой крышей и амбары с галереей (подлинные постройки Усть-Анзаса), а также воссозданная срубная баня. Предполагалось, что данная усадьба будет «живым музеем», и в ней разместится *гостевой дом* для туристов.

Третья экспозиционная группа «*Орехо-промысловый стан*» была построена местным жителем В. Карпушкиным с соблюдением традиционных

технологий. В экспозиции он воспроизвел промышленный стан своей семьи, находящийся в тайге и используемый по прямому назначению.

Четвертая экспозиционная группа, размещенная рядом с промышленной, была посвящена археологическому наследию местности. Здесь было реконструировано *средневековое поселение литейщиков и кузнецов*. Оно представляло результаты проведенных раскопок и демонстрировало летнее каркасное жилище «одаг», срубную кузницу, плавильные печи, яму для обжига древесного угля и т. п. Другой археологический объект, воссозданный поблизости – погребение «Кайчак» кыргызского воина по обряду кремации.

В масштабную зону «живого музея» была превращена *центральная улица поселка* и сохранившиеся сооружения *золотоприиска*, а также ближайший населенный пункт Кезек. В соответствии с принципом мягкой музеефикации постройки и предметы быта должны были сохранять свой исторический облик, но использоваться в *повседневной жизни*. Под руководством В. М. Кимеева производилось исследование и описание этих предметов, после чего они возвращались владельцам. Вместе с тем, был издан документ, накладывающий *запрет на передачу* и продажу музейных артефактов сторонним лицам¹.

Наконец, важной частью экспозиции стал охраняемый ландшафт и *природные памятники* – живописные скалы и Сагинский водопад. Нереализованной осталась реконструкция шорского улуса Тазгол на поляне между поселением литейщиков и промышленным станом. Позже на этом месте была обустроена площадка для шаманских камланий и других обрядов, которые проводились активистами общества «Таглыг-Шор»².

Следует отметить, что, несмотря на реализацию основных положений концепции, главный *принцип экомuzeя* воплотить здесь *не удалось*. Надежды, возлагаемые на местных жителей как основных владельцев и сотрудников

¹ *Абрамова П. В., Кимеева Т. И.* Роль В.М.Кимеева в проектировании и создании этнографических музеев под открытым небом в Кузбассе. 2021. С. 44–46.

² *Кимеев В. М.* Экомuzeи Притомья на рубеже XX–XXI веков. 2014. С. 34–35.

созданного музея, не оправдались. Как отмечает П. В. Абрамова, «развитие экомuzeя наблюдалось лишь пока специалисты поддерживали и направляли действия носителей традиции, привлекали их к сохранению собственной культуры»¹. По ее словам, не изменилась ситуация и после получения экомuzeем статуса филиала музея-заповедника «Трехречье». Туристический потенциал поселка-музея по-прежнему остался не реализованным. Хозяйственная и культурная жизнь местного населения не рассматриваются как объекты музейного показа. Материальные памятники разрушаются, а традиции исчезают.

Другой подход предлагался В. М. Кимеевым при планировании музеев на основе археологических (палеоэтнографических) комплексов. Складывая воедино принципы проектирования зарубежных экомuzeев и археологических музеев-заповедников, им была предложена модель *этноэкологического музея-заповедника*. Согласно авторскому определению, это – разновидность этнографического музея под открытым небом, в котором основные архитектурно-этнографические и археологические памятники восстанавливаются на первоначальном местонахождении в соответствующем природном окружении².

Примером реализации данного подхода является проект экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок», создаваемого с конца 1990-х гг. Основой музейного комплекса стало *средневековое городище*, датируемое X–XII вв. Как отмечают исследователи, оно носило культовый характер; древние жители края, тюльберы, не проживали постоянно в этом месте, а периодически посещали его с целью совершения языческих ритуалов³. При музеефикации памятника на отдельных участках использовался «реконструктивный метод», были смоделированы оборонительный комплекс

¹ Абрамова П. В., Кимеева Т. И. Роль В.М.Кимеева в проектировании и создании этнографических музеев под открытым небом в Кузбассе. 2021. С. 46.

² Кимеев В. М. Экомuzeи-заповедники как национально-культурные, учебно-научные и природно-рекреационные центры Кузбасса // Экологические проблемы развития музеев-заповедников: мат. десятой всерос. науч. конф. М., 2008. С. 553.

³ Усемян Л. Х., Кимеев В. М. Средневековое ритуальное городище тюльберов – археологический памятник экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2013. № 18–19. С. 51–56.

с земляным валом и воротами, плавильные печи под навесом и внутри воссозданной каркасной постройки, культовый жертвенник «таелга», шаманский чум и др. объекты. Вместе с тем, многие памятники городища представлялись в «натурной консервации» для сохранения их первоначального облика¹.

Вторая часть экспозиции под открытым небом, в соответствии с проектом, представляла собирательный образ *сибирского казачьего острога XVII–XVIII вв.* Тематически она была посвящена истории заселения края русскими, а в функциональном аспекте – расширяла туристско-рекреационные возможности музея. Острог должен был иметь шесть сторожевых башен (каждая – точная копия известных башен притомских крепостей), а также целый комплекс жилых, хозяйственных, общественных и культовых построек. Следует особо подчеркнуть, что данные объекты планировалось использовать для размещения традиционных экспозиций и *музеев-гостиниц, ремесленных мастерских* и др.

Для сохранения и актуализации *природного наследия* на территории проектируемого экомuzeя-заповедника были выделены особо охраняемые природные зоны. Это – «заповедный грибной лес», а также скальные выходы с береговыми террасами и оврагами, где распространены редкие виды рептилий и растений, занесенных в Красную книгу Кузбасса². Кроме того, генеральный план предполагал моделирование *других историко-этнографических зон*, в том числе – казачьей заимки, речной пристани со струками и посада русских старожилов.

К сожалению, полностью реализовать проект не удалось. Были возведены четыре башни острога и сооружена казачья караульная изба. Идея «живого музея» также воплотилась лишь отчасти: кроме традиционных коллекционно-тематических экспозиций на территории крепости в течение ряда лет базировался *учебно-научный центр Кемеровского государственного*

¹ Кимеев В. М. Экомuzeи Притомья на рубеже XX–XXI веков. 2014. С. 37.

² Там же. С. 38.

университета. Собственно, он принимал самое активное участие в создании музея, а после того – осуществлял мониторинг социокультурной и природной среды, проводил комплексные этноэкологические экспедиции по выявлению и изучению памятников историко-культурного и природного наследия¹.

Интересно, что примерно те же принципы мягкой музеефикации в сочетании с реконструкцией были использованы при проектировании архитектурно-этнографического комплекса «Русские Притомья» в музей-заповеднике «Томская Писаница». Оно проводилось в 2010-е гг. при участии В. М. Кимеева. В соответствии с концепцией экспозиционное пространство комплекса, посвященного русскому освоению края, должно строиться на сочетании подлинных образцов народной архитектуры (перевезенных памятников), исторических предметов культуры и быта, а также их реконструкций. В экспозиции планировалось три историко-этнографические группы: реконструкция Ясачного зимовья (прообраз – первые постройки Томского города середины XVII в.); реконструкция Верхотомского острога (находившегося в 30 км от музея); «Сибирская деревня начала XX в.», включающая подлинные образцы народной архитектуры и их реконструкции.

Внутри крепостей, воссозданных по материалам археологических исследований, проектировались не только стационарные экспозиции с подлинными археологическими и этнографическими артефактами, но и объекты музейной инфраструктуры – кассы, магазины, точки питания и др.² Более того, часть новоделов предполагалось использовать как новый «входной узел» в музей-заповедник. Вместе с тем, нельзя не отметить, что на данный проект оказала влияние и другая концепция средового подхода, рассмотренная нами ранее. Соавторы В. М. Кимеева, В. А. Капулнов и

¹ К слову, схожий центр базировался на территории экомuzeя «Тазгол»; См.: *Кимеев В. М.* Экомuzeи-заповедники как национально-культурные, учебно-научные и природно-рекреационные центры Кузбасса. 2008. С. 556.

² Проект в стадии реализации. В 2023 г. открылась первая часть комплекса, названная «Сибирский острог»; См.: *Сивохина А.* В музей-заповеднике «Томская Писаница» открылся необычный архитектурный комплекс // Региональное информационное агентство «Кузбасс» [сайт]. 26.05.2023. URL: <https://kuzbass.media/2023/05/26/9684.html?ysclid=lvv45tqtzt96535102> (дата обращения: 01.04.2024).

Л. А. Скрыбина, опубликовавшее свой экспозиционный замысел в научной статье, писали, что территория архитектурно-этнографического комплекса «Русские Притомья» в целом должна восприниматься как масштабная *интерактивная зона* (или «живая экспозиция»), рассказывающая о бытовой и праздничной культуре Притомья¹.

Подведем итог. В. М. Кимеев, одним из первых в России, начал активно использовать принцип мягкой музеефикации при формировании открытой музейной экспозиции. В разработанном им этноэкологическом подходе сложилось понимание «живого музея» как историко-бытовой и функциональной зоны, созданной в историческом памятнике или его достоверной реконструкции, которая воспроизводит бытовавшие здесь процессы человеческой деятельности. В общей структуре музейных комплексов подобные зоны рассматривались этнографом одновременно в двух качествах – как объекты музейного показа и как действующие предприятия (учреждения).

Предложенная В. М. Кимеевым модель этноэкологического музея-заповедника стала прообразом отечественных *исторических парков* и *музейно-парковых комплексов*, создаваемых на основе технологий реконструкции и моделирования на периферии достопримечательных мест. В настоящее время такие парки, значительно расширяющие рекреационно-туристские ресурсы российских регионов, проектируются не только частными учреждениями (напр., Исторический парк «Белгородская черта»²), но и государственными музеями-заповедниками. В том числе – музеем-заповедником «Куликово Поле», где планируется возведение парка

¹ Каплунов В. А., Скрыбина Л. А. Архитектурный историко-этнографический комплекс «Русские Притомья» как новый социокультурный проект музея-заповедника «Томская Писаница» // Вестник КемГУКИ. 2015. № 32. С. 57–64.

² Исторический парк «Белгородская черта» – парк «живой истории», представляющий реконструкцию известного оборонительного сооружения. На территории комплекса находится три памятника археологии XVII в. – участки земляного вала, рва и городков, относившихся к Болховскому и Карповскому рубежам Белгородской черты; См.: [Офиц. сайт]. URL: <https://history-park.ru/?ysclid=lvv41bjw2e525702352> (дата обращения: 01.04.2024).

реконструкций «Богатырская застава»¹, островом-музеем «Кизи», разрабатывающим проект интерактивной «Экодеревни»², музеем-заповедником «Горки Ленинские», рассматривающим возможность создания исторического парк «Земля Вятчей»³, и др.

Краткие выводы. Во втором параграфе рассматривались актуальные концепции и практики мягкой музеефикации историко-культурного и природного наследия России. Предпринята попытка сравнения и сопоставления наиболее влиятельных концептов, развивающих эту форму «живого музея» – концепции уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов), средового и этноэкологического подходов. Каждая из представленных методик имеет свои теоретические основания, область применения и перспективы развития.

Методологической основой *концепции культурных ландшафтов* (Институт Наследия, Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин и др.) является, в первую очередь, учение об экологии культуры Д. С. Лихачёва. Разработанная комплексная методика сохранения памятников истории, культуры и природы, а также живой народной культуры, в формате УИТ (культурных ландшафтов) не предполагала их изъятия из хозяйственной деятельности человека, а наоборот – стремилась к включению их в современную экономику, активно используя инструменты стратегического планирования и направленного развития. Чаще всего подобные «живые музеи» – российские

¹ Парк реконструкции «Богатырская застава» планируется построить в Музее-заповеднике «Куликово Поле» к 2030 г. Согласно концепции развития он воссоздаст деревоземляную крепость с сопутствующим комплексом построек и объектов; См.: Концепция развития Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (в ред. 2016 г.) / отв. ред. А. Н. Наумов. Тула, 2017. 96 с.

² Согласно концепции развития создание интерактивной зоны исторических реконструкций «Этнодеревня» планируется в районе бывш. д. Нестерово. Посетители смогут «окунуться» в особый уклад крестьянской жизни, принять участие в топке печей, приготовлении традиционных блюд, уходе за животными и др.; См.: Концепция развития музея-заповедника «Кизи» в 2017–2027 гг. С. 11 // Музей-заповедник «Кизи» [офиц. сайт]. URL: http://kizhi.karelia.ru/media/info/files/attached/1603/03_03_2016_01.pdf (дата обращения: 01.04.2024).

³ Планы по проектированию историко-тематического парка-музея «Земля Вятчей» вошли в концепцию развития музея 2019–2025 гг. В зоне исторической реконструкции планировалось создать условный образ столицы вятчей – таинственного города Вантит; См.: Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. Концепция развития Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские»» до 2025 г. / [авторск. кол.]. Горки Ленинские, 2019. 143 с.

аналоги экомузеев – создаются в формате национального парка или музея-заповедника и стремятся к возрождению и поддержанию традиционного образа жизни. Сложность применения данной методики связана с масштабами научно-исследовательских и проектных работ. Но наиболее успешные примеры развития территории на принципах УИТ (музей-усадьба «Ясная Поляна», Кенозерский парк), свидетельствуют об эффективности и перспективности такого подхода с точки зрения социального маркетинга.

Концепция средового подхода М. Е. Каулен предложила новую модель развития для ансамблевых музеев (музеев под открытым небом). Широкое понимание категории «наследие» вовлекло в зону влияния этих музеев не только памятники истории, культуры и природы, но и традиции народного и городского образа жизни. Средовой подход в трактовке Каулен направлен на превращение традиций, потерявших способность к самовоспроизведению в культуре, в объекты музейного показа, которые представляются в «живых» (или «оживших») экспозициях. Мягкая музеефикация в концепции М. Каулен понимается как технология, поддерживающая самовоспроизведение культурной традиции, которая активизируется в случае сохранения связи историко-культурного объекта с повседневными процессами. Теоретической основой данного концепта являются музейно-философские проекты Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, а также теория полезного музея Дж. К. Дана. Практическим ориентиром для развития «живых музеев» определяется модель экономузея С. Симарда, то есть музея-мастерской или открытого ремесленного предприятия, сохраняющего культурные ценности через их производство. В российской практике организация подобных музейно-производственных объектов происходит, как правило, в музеях под открытым небом. В связи с этим перспективы распространения данной методики связаны с обоснованием и развитием принципов мягкой музеефикации как одного из направлений основной деятельности музеев.

Широкую апробацию практики мягкой музеефикации получили в проектах, составляющих основу *этноэкологического (средового) подхода*

В. М. Кимеева. Данная концепция опирается на идеи экомuzeологии, сформулированные Ж. А. Ривьером, Ю. Варинном, П. Мейером и др. зарубежными «новыми музеологами». В центре внимания проектной и методической деятельности В. М. Кимеева была проблема сохранения этнокультуры Притомья. Разработанные проекты предполагали создание рассредоточенных музеев на основе поселков и деревень, где поддерживается традиционный образ жизни и находятся отдельные историко-культурные памятники. Большую роль в таких экомuzeях играли музейно-экспозиционные объекты, организуемые в формате «живых музеев», то есть одновременно являющиеся объектами музейного показа и действующими учреждениями (храмы, гостевые дома и др.). Для освоения археологического наследия В. М. Кимеевым была разработана модель этноэкологического музея-заповедника (экомuzeя-заповедника), активно использующего зоны историко-культурной реконструкции для расширения своих туристско-рекреационных возможностей. Данная модель, в несколько измененном виде, актуальна сегодня как для частных исторических парков, так и для государственных музеев-заповедников, нуждающихся в формировании зон мягкой музеефикации («живого музея») на своей территории.

2.3. «Живой музей» как технология проектирования музейной экспозиции

Наибольшее внимание концептуализации практик «живого музея» на современном этапе уделяется в научных, методических и проектных работах Т. П. Полякова, посвященных теории, истории и методике организации музейной экспозиции. Проблематика «живого музея» занимает значительное место в разработанной им *классификации принципов, приемов и средств*

экспозиционного проектирования. Кратко обозначим, что данная классификация включает два уровня систематизации: на первом уровне, отталкиваясь от целей создания экспозиции, автором определяются *экспозиционные методы* (коллекционный, ансамблевый, иллюстративно-тематический, музейно-образный, образно-сюжетный или художественно-мифологический); на втором уровне, основываясь на специфике поставленных задач, – выделяются *экспозиционные технологии* (традиционные технологии, технологии «музейного натюрморта», технологии экспозиционного сюжета, технологии витрины-образа, электронные технологии, технологии «живого музея»)¹.

Данная теория методов и технологий экспозиционного проектирования нашла отражение в различных публикациях Т. П. Полякова. В том числе – в диссертации (1989)², трех авторских научных монографиях (1997, 2003, 2018)³, разделах в коллективных работах (2018, 2021, 2022)⁴ и многочисленных статьях. Основой теоретической и методической деятельности музееведа выступила широкая эмпирическая база, охватывающая свыше 70 музейно-экспозиционных концепций, музейных сценариев и проектов. Они были подготовлены Т. П. Поляковым во время работы в музеях, а также в Лаборатории музейного проектирования

¹ Следует добавить, что три последние разновидности экспозиционных технологий объединяются Т. Поляковым в группу иммерсивных технологий проектирования экспозиции. Это связано с их общим свойством – способностью активизировать у посетителя чувственное восприятие экспозиции и вызывать ощущение «погружения» в музейно-историческую среду. Вместе с тем, предостерегая коллег от иллюзий полного восстановления историко-культурных явлений в музейном пространстве (невозможного априори), музеевед призывает к сохранению условности, избеганию прямого натурализма и художественному переосмыслению исторических событий в экспозиции.

² Поляков Т. П. Актуальные проблемы отношения содержания и формы музейной экспозиции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 17.00.07. М., 1988. 16 с.

³ Поляков Т. П. Как делать музей? М., 1997. 253 с.; *Его же*. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» – 2. М., 2003. 456 с.; *Его же*. Музейная экспозиция... 2018. 588 с.

⁴ Например, см.: Поляков Т. П., Окорочков А. В. Теоретико-методологические основы создания экспозиций в подводных музеях и подводных тематических парках // Подводное культурное наследие: подводные музеи, исторические парки и заповедники / А. В. Окорочков, Д. В. Бабекин и др. М., 2018. С. 88–116; Поляков Т. П. Основные особенности, проблемы и перспективы современных музейно-парковых комплексов как социокультурных феноменов, синтезирующих ключевые принципы создания музеев под открытым небом и тематических парков с историко-культурной направленностью // Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы / Т. П. Поляков и др. М., 2023. С. 11–107.

НИИ культуры (РИК), Центра изучения и проектирования музеев (Центра экспозиционно-выставочной деятельности) Института Наследия.

Одним из основных объектов деятельности музейного проектировщика является *Государственный Музей В. В. Маяковского* (Москва). В смелых выставочных проектах 1980-х гг., подготовленных при участии талантливых художников Е. Амаспюра, Е. Богданова, Л. Озерникова, С. Черменского и др. – сформировались принципы образно-сюжетного (художественно-мифологического) метода проектирования, разработанного и внедряемого Т. П. Поляковым. Значительное влияние на авторскую методику оказала совместная работа с архитектором и художником *Е. А. Розенблюмом*, создателем *Сенежской учебно-экспериментальной студии Союза художников СССР* и основоположником отечественной школы художественного проектирования¹.

В наибольшей степени принципы образно-сюжетного метода реализовались в стационарной экспозиции музея Маяковского (1989–2013)², получившей широкую известность среди профессионалов и посетителей. Несмотря на то, что явным недостатком этой экспозиции, по мнению Полякова, было отсутствие зон живого общения и действия (или зон «живого музея») ³, художественно-поэтический мир, созданный в этом экспозиционном пространстве, превращал музей в одно из самых динамичных и оживленных учреждений культуры.

Концепция «живого музея» Т. П. Полякова начала складываться уже после открытия популярной экспозиции, посвященной Маяковскому. В наиболее целостном виде она излагается в одной из глав коллективной монографии «Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации “Стратегии государственной культурной политики на период до

¹ О подходе Е. А. Розенблюма к проектированию музейной экспозиции можно узнать из его статей; например, см.: *Розенблюм Е.* Время и пространство в музейной экспозиции // *Музейная экспозиция: Теория и практика: Искусство экспозиции: Новые сценарии и концепции.* М., 1996 (1997). С. 177–194.

² Проект экспозиции был разработан в 1986–1989 гг.; рук. проекта – С. Стрижнева, автор сценарной концепции – Т. Поляков, автор архитектурно-художественного проекта – Е. Амаспюр, архитекторы – А. Боков, Е. Будин, И. Иванов, художники – А. Волков, И. Лубенников, Н. Мешков и др.

³ *Поляков Т. П.* Двадцать лет работы, или Шесть уроков музея Маяковского // *Музей.* 2009. № 12. С. 50–51.

2030 года”»¹. Однако, прежде чем рассмотреть термины и положения, сформулированные в ней, следует обратиться к более раннему периоду творчества музееведа. Его анализ позволяет представить поэтапное формирование авторского взгляда на «живой музей» как технологию проектирования музейной экспозиции.

Формирование авторского концепта «живой музей». Как уже отмечалось, понятие «живой музей» было использовано Т. Поляковым впервые в статье, представляющей концепцию «Кранцмузеума» в Зеленоградске (Калининградская обл.). Данный проект был разработан по инициативе местного предпринимателя В. Брежнева в 1997–1998 гг. и опубликован в сборнике РИК 1999 г.² Этот проект и статья оказали значительное влияние на современные представления о «живом музее», его методики и концепты. В частности, на данную работу часто ссылалась М. Е. Каулен в своих публикациях конца 1990–2000-х гг., посвященных концептуализации средового подхода³.

Вместе с тем вопросы разработки динамичных принципов проектирования экспозиции затрагиваются Т. П. Поляковым и в более ранних текстах. Не используя в них термин «живой музей», автор развивал идею «оживления» музейно-экспозиционного пространства, предлагая создавать в его структуре *зоны общения* – салоны, клубы, кружки и т. п. Первые поиски этой, говоря словами Полякова, «новой модели ... образно-сюжетного метода», связаны с разработкой им экспозиционной концепции *Государственного музея Н. А. Островского* (Москва) в конце 1980-х гг. В ней большая роль отводилась «экспозициям-салонам», рассказывающим в

¹ Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» в экспозиционном пространстве: генезис, развитие, перспективы // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». М., 2021. С. 113–162.

² Поляков Т. П. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца». 1999. С. 58–81.

³ Например, см.: Каулен М. Е. Методы актуализации объектов наследия и проблема классификации музеев. 2001. С. 86–98.

образно-художественной форме о различных периодах истории дома и являющихся пространством «салонного» общения¹.

Первые музейные проекты, широко использующие принципы «оживления» экспозиции, были разработаны Т. П. Поляковым в 1990–1991 гг. Это концепции Калининградского областного историко-художественного музея и Центра «Дом М. А. Булгакова», опубликованные в известной монографии «Как делать музей?». Объясняя в ней особенности новой модели образно-сюжетного метода, автор отмечает ряд принципиальных положений. Он пишет: идея музея-салона, музея-клуба не нова («вспомним и фрумкинский “культкомбинат”»), но обычно «элементы салонной деятельности» вырваны из экспозиционного контекста. Они проходят в изолированных от экспозиции помещениях, либо в выставочных залах, лишь формально связанных с их тематикой. В отличие от этого подхода в авторской модели Полякова, пока еще не названной «живым музеем», предлагается создать особую музейно-экспозиционную среду для *полноценного* общения. То есть, такого общения, которое имеет не только «вертикальный характер», обусловленный тем, что «музейные предметы (и авторы экспозиции) связывают посетителя с прошлым», но и «горизонтальный». Внутри предлагаемого музея-салона или музея-клуба «посетители (а точнее, гости) *на равных* общаются с *Прошлым*, и между собой, тем самым как бы погружаясь в Прошлое или, наоборот, приглашая это Прошлое в *Настоящее* и *Будущее*»².

Кратко представим, как реализовывалась данная модель в первых проектах. В планируемой экспозиции *Калининградского областного историко-художественного музея* (авт. Т. Поляков, А. Тавризов), расположенной в бывшем Народном доме Кенигсберга, формировалась «уникальная троичная структура». Она была основана на особой архитектурной планировке здания, которое включало три этажа,

¹ Поляков Т. П. Как делать музей? 1997. С. 182–185.

² Там же.

разделенных, в свою очередь, еще на три неравномерные части. В центральной зоне каждого уровня создавалась музейно-образная экспозиция, а боковые залы – отводились «под экспозиции-клубы, экспозиции-открытые фонды, экспозиции-выставочные залы и т. п., то есть под экспозиционно-средовые помещения, выполняющие функции своеобразных “салонов”, каждый из которых имеет свое лицо, свою элитарную ... аудиторию, объединенную общностью интересов»¹. На первом этаже планировалось организовать «клуб любителей природы» и «клуб любителей редкостей», на втором – «художественный салон» с мастерскими и «клуб фронтовых друзей», на третьем – «клуб любителей книги» («своеобразную библиотеку с читальным залом») и «дискуссионный клуб по проблемам современной политики, экономики, культуры». Принципиальным отличием этих салонов от обычных конференц-залов должна была стать сформированная здесь «экспозиционная среда, насыщенная подлинными памятниками Природы, Истории, Культуры», которая расширяла бы тематику центральной экспозиции².

Более ярко новая модель сюжетно-образного метода выражена во втором проекте – сценарной концепции *Центра «Дом М. А. Булгакова»* (авт. Т. Поляков). В этом идеальном музейно-экспозиционном пространстве объединялись гостиная, театр, клуб, врачебный кабинет, исследовательский центр, торговый дом, ресторан, казино и др. социальные объекты, имеющие отношение к миру М. Булгакова и его героев, а также к реальной жизни России 1920–1930-х гг. Отталкиваясь от темы «дома», которая пронизывает практически всё творчество писателя, Т. П. Поляков соединил в *единую сюжетную структуру мемориальные комнаты Булгакова в квартирах № 50 и 34*, расположенные в разных концах дома № 10 по Б. Садовой улице (Москва). Они стали прообразами «нехорошей квартиры» и звездного «Покоя» Мастера. Используя эти опорные точки для развития сюжета, автор

¹ Поляков Т. П. Как делать музей? 1997. С. 189.

² Там же. С. 190.

предложил создать *два основных маршрута* для путешествия по миру Булгакова: «один – через “Голгофу” с Иешуа; другой – через “бал у Сатаны” с Воландом». Кроме того, проектировался еще третий путь – не участника, но стороннего наблюдателя, «заглядывающего» в окна «живой модели» булгаковского мира. Исходной точкой всех маршрутов стала «нехорошая квартира» (№ 50), где планировалось создать условный образ мемориальной комнаты писателя, тесно связанный с реальностями советского быта 1930-х гг.

Путешествуя по миру Булгакова с *Иешуа*, гость должен был посетить несколько экспозиционных зон («снов»)¹. Каждая из них воплощалась в сложной, метафорической экспозиционной среде, созданной на основе образов из творчества писателя, внутри которой проектировались «зоны общения». Перечислим их. В сне «Рождество» планировался *камерный зал*, в «Тьме египетской» – *клуб изобретателей*, в сне «Что есть истина?», имеющем развернутую структуру, – *философский и литературный клубы*, экспериментальная *сценическая площадка*, а также *художественная студия-мастерская*. Образ «Белой гвардии» связывался с действующим здесь *офицерским клубом*, «Бега» – с *собранием русских эмигрантов*, а последний зал, визуализирующий сквозной образ «Ученика» – с *научно-информационным центром* по изучению творчества М. Булгакова.

Выбрав второй путь, гость мог пройти по миру писателя через «Бал у Сатаны». Проектируемые экспозиционные зоны, в данном случае, превращались в «круги», символизирующие известные образы². Внутри них, как и в первом маршруте, работали «зоны общения». Первый круг «Эксперимент профессора Преображенского» становился площадкой для *реального обменного пункта и административно-охранной службы* музейного Центра. Во втором круге «Дьяволиада» действовало настоящее *ателье по пошиву одежды «Зоя» с коммерческим магазином*,

¹ Поляков Т. П. Как делать музей? 1997. С. 204–213.

² Там же. С. 213–222.

осуществляющим посредством бартерного обмена комплектование экспозиции. Третий круг «Разоблачение» рассматривался как база для *развлекательного центра* («бани с зеркалами, пивом и раками»). Четвертый – «МАССОЛИТ на марше» – трансформировался в *тематическое кафе* и *книжно-сувенирный магазин*. Пятый круг «Клиника имени Стравинского» включал *«национальное казино»* и *своеобразный центр психологической помощи*. Наконец, последний, шестой круг «Свита Воланда» превращался в *концертный зал-варьете* с отдельными зонами для *клуба любителей собак и кошек...* Оба пути завершались в экспозиционном образе «Покоя», организованном в контексте мемориальной квартиры № 34. Предполагалось, что он будет органично связан с *гостиничным комплексом* для туристов, гостей конференций и др. постояльцев, желающих более глубоко проникнуться творческим миром М. Булгакова.

Эту новую модель образно-сюжетного метода проектирования, строящуюся на создании внутри экспозиционной структуры своеобразных *вспомогательных учреждений* (вспомним музейную практику 1930–1950-х гг.), Т. П. Поляков будет концептуализировать в своей дальнейшей работе. Выражение «живой музей», которое появилось и достаточно часто звучало в музееведческой рефлексии 1990-х гг., заинтересованной идеями П. А. Флоренского, займет одну из центральных позиций в концепции музейного проектировщика. В трактовке Полякова термин «живой музей» будет означать перспективную модель музея, которая стремится к *синтезу «храма» и «форума»* (сакрального и профанического, духовного и плотского) в экспозиционном пространстве. Автор утверждал: «Культурологической основой подобного объединения является тот факт, что “храм” и “форум” как в Европе, так и в России, всегда составляет единое жизненное пространство. Отсутствие же этого единства в наших

“вчерашних” (да и “сегодняшних”) музеях в пародийной форме отметил когда-то автор известной шутки “в греческом зале...”¹.

Идеальным вариантом «живого музея» в концепции Полякова станет *экомузей*, а наиболее близким, реальным прототипом – *торгово-ресторанные и гостиничные заведения*, создаваемые в бывших замках, старинных домах и фортификационных объектах. В новой «живой» модели музея, предложенной разработчиком, преодолевался их существенный недостаток – довлеющая торгово-экономическая функция, мешающая реальному соединению в данном общественном пространстве «высокого» и «низкого»². Главное условие, необходимое для этого – «сохранение (физическое и духовное) уникальных памятников истории и культуры, отказ от разбазаривания – в прямом и переносном смысле слова»³.

Таким образом, на рубеже 1990–2000-х гг. Т. П. Поляковым был предложен свой концепт «живого музея» как *целостной экспозиционно-художественной среды*, использующей *музейный язык* для рассказа об историко-культурных особенностях музеефицируемого места, внутри которой создаются *вспомогательные учреждения* (магазины, рестораны, кафе, гостиницы и т.п.), осуществляющие рекреационные функции. Данный подход к музейному проектированию рассматривался автором как одна из *перспективных моделей музея будущего*⁴. Первым практическим воплощением этой новой модели стал проект частного «Музея города Кранца» («Кранцмузеума»), описанный в начале главы. Напомним, что его концепция предлагала объединение в целостное общественное пространство несколько тематически связанных экспозиционно-функциональных объектов: «средневекового трактира», «минерального бара», «избы рыбака»,

¹ Поляков Т. П. Музей будущего: проблема выбора модели // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков: Труды ГИМ. Вып. 127. М., 2001. С. 83–84.

² Поляков Т. П. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца». 1999. С. 60.

³ Поляков Т. П. Музей будущего: проблема выбора модели. 2001. С. 85.

⁴ Там же.

музея-магазина «Кунсткамера восточной Пруссии», выставочного зала и небольшой гостиницы. Кратко коснемся и некоторых других проектов.

Развитию жанровых форм «живого музея» в концепции Т. П. Полякова способствовала разработка музейного проекта для *НОУ Школа «Бакалавр»* (1998) – экспериментального учебного центра, воплощающего принципы развивающего образования профессора В. В. Давыдова. В данной системе обучения, реализованной на базе одной из московских школ в Крылатском, значительную роль играли клубные формы деятельности – театральная, хореографическая, хоровая, живописная студии, спортивные секции, клуб «Эрудит» и др. Этот же принцип – активного, *деятельностного* освоения знаний – использовался Т. П. Поляковым в концепции проектируемого школьного музея. Предполагалось, что он будет создаваться и развиваться *руками учащихся* при кураторстве музейных специалистов¹. Кроме того, планируемая экспозиция строилась как «предметно-пространственная среда, моделирующая основные или локальные темы музея и способствующая *открытому общению* ее создателей и пользователей»². В зависимости от предпочтений школьников-музейщиков и их консультантов-взрослых, данный «живой музей» мог принимать различные жанровые разновидности:

- *музея-мастерской* с зоной для творческой деятельности учащихся;
- *музея-лаборатории* (естественнонаучной, технической направленности);
- *музея-клуба* или *музея-театра*, интегрированного с существующими клубными формами деятельности;
- *музея-игротеки* для театрализованных занятий со школьниками младших классов и других программ музейной педагогики;
- *музея – экскурсионного бюро*, осуществляющего краеведческую работу;
- *музея-кафе* на базе столовой, собирающего экзотические рецепты;

¹ Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» – 2. 2003. С. 374.

² Там же. С. 382.

- *музея-ярмарки* (торгового и рекреационного центра);
- *виртуального «музея» – информационного центра* (на основе класса информатики), участвующего в графическом проектировании музейных экспозиций и различных коммуникационных процессах.

Данные «жанровые разновидности» или формы «живого музея» будут развиваться и дорабатываться в дальнейших проектах Т. П. Полякова. Например, при проектировании музейной экспозиции в *Историко-культурном центре г. Видное* (Московская обл., нач. 2000-х гг.), музееведом будет предложена оригинальная форма «*театра вещей*». То есть, – нетрадиционной выставочной акции, проводимой в камерном зале, в ходе которой сотрудники и приглашенные коллекционеры будут демонстрировать наиболее оригинальные экспонаты, сопровождая их вербальными или театрализованными комментариями. В дополнение в проектируемом центре будет актуализироваться идея «*музея-школы*» («клуба юного краеведа»), где дети под руководством старших кураторов будут создавать свои выставки, изучая историю края. Еще одной разновидностью станет *сеансовая игротека*, устраиваемая музейным педагогом во время проведения культурно-массовых мероприятий. Наконец, в идеальном пространстве историко-культурного центра найдется место для «временных краеведческих акций» в *музейном буфете*, превращающемся в «живой музей» бытовой культуры разных эпох, а также для *компьютерного центра*, действующего при Совете краеведческого общества и представляющего информацию о местных памятниках истории и культуры¹.

Своеобразная черта под разработкой концепта «живого музея» как актуальной модели музея будущего была подведена Т. П. Поляковым в статье с говорящим названием «Смерть музея...». Автором планировалось выпустить три публикации, объединенные этой темой, но в итоге были

¹ Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» – 2. 2003. С. 392–393.

подготовлены только две статьи¹. Не поставив точку в работе, рассуждающей о рождении, развитии и гибели музейной экспозиции как феномена XX в., проектировщик высказал ряд опасений, связанных с формированием новой «живой» модели музея...

Определяя ее генезис в музейной концепции Н. Ф. Фёдорова, Т. Поляков пишет: «“живой музей” как высшая стадия развития музея-выставки или музейной экспозиции означает ее *постепенную смерть* (!). Зачем, например, нужен музей-храм, посвященный А. С. Пушкину, если последний, воскрешенный “тщанием и усердием” сотрудников этого музея, прогуливается по Арбату, читает стихи, раздает автографы и балдеет от реальностей XXI века?»². Находится подтверждение этому тезису и в концепции П. А. Флоренского. Поляков акцентирует, что в ней «речь шла о создании “живого музея” – именно таковой была ... перспектива Троице-Сергиевой Лавры. Однако, в контексте восприятия храмового искусства создание подобного живого музея означало ... возвращение к *действующему храму*, где максимально выражен “синтез искусств”, и к действующему монастырю, развивающему понятие “живой музей” до реалий хозяйственной жизни»³. Словом, по мнению Полякова и в этом прообразе «живого музея» была заложена постепенная смерть музейной экспозиции... Начинается постепенная трансформация авторской концепции, в которой принцип «живого музея» будет всё чаще трактоваться как определенный подход к музейно-экспозиционному проектированию.

Развитие методики создания зон «живого музея» в музейном пространстве. Становлению данного понимания способствовала и широкая проектная деятельность Т. П. Полякова. Актуализация идей «живого музея» при разработке музейных концепций и сценариев приводила, чаще всего, не к

¹ Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) // Музей. 2007. № 3. С. 7–12; *Его же*. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 2) // Музей. 2007. № 5. С. 74–80.

² Поляков Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1). С. 7–12.

³ Там же.

пересмотру в целом характера учреждения, а к формированию в его экспозиционном пространстве зон свободного общения. Кратко представим музейные проекты данного направления, отмечая развитие в них новых понятий, форм и подходов к реализации идеи «живого музея».

Поиск гармонии между духовным и физическим хранением являлся важной задачей при проектировании экспозиций (систем экспозиций) в музеях-заповедниках А. С. Пушкина «Михайловское» (1996) и А. А. Блока «Шахматово» (2000). Отказавшись от перспектив расширения и создания «мнимореальных» экспозиций, демонстрирующих типологические интерьеры в новодельных домах, Т. Поляков предложил использовать прием «художественного анамнесиса» (или художественного воспоминания), выводящий экспозиционную интерпретацию из области историко-бытовой памяти в сферу символического, чувственного и творчески-личностного восприятия. Структура подобных экспозиций-воспоминаний включала сменяющие друг друга историко-культурные и биографические образы, строящиеся вокруг отдельных мемориальных предметов. Дополнительно к этому проектировались, говоря словами разработчика, «зоны живого общения посетителей» или «фрагменты живого музея»¹.

В концепции «Михайловского» обсуждалась возможность *проживания* «в пространстве провинциальной дворянской (купеческой или народной...) культуры, условно ограниченной “пушкинской эпохой”»². Отметим, что это предложение, касающееся создания гостиниц и трактиров на периферии музея-заповедника, в некотором плане возрождало изначальные традиции пушкинского музея, связанные с работой в первом восстановленном доме благотворительного учреждения – колонии для престарелых литераторов и учителей³.

¹ Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» – 2. 2003. С. 287.

² Там же. С. 222.

³ Напомним, что музеефикация усадьбы Михайловское началась накануне 100-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина. К этому моменту мемориального усадебного дома уже не было. После приобретения имения в казну в нем открылось благотворительное учреждение – «колония для престарелых литераторов и учителей», и началось комплектование мемориальных предметов для будущего музея. Был выстроен новый дом по проекту архитектора В. А. Щуко, в интерьерах которого работала небольшая

В реконструированных постройках имения А. Блока формировалось две зоны свободного общения. Первая – в мезонине, где проектировалась библиотека условно-мемориального характера, включающая немногочисленные тома из книжного собрания поэта. Предполагалось, что здесь также разместится *действующая библиотека*, дающая возможность почитать произведения Блока, его современников – представителей Серебряного века, а также научно-справочные, литературоведческие и биографические публикации, связанные с тематикой экспозиции. Вторая зона свободного общения планировалась в восстановленном флигеле, где проектировался *«живой музей» – гостиница с обстановкой из типологических и копийных предметов*¹.

В конце 2000–2010-е гг. Т. П. Поляковым был подготовлен ряд концепций и сценариев для литературных музеев, где принцип «живого музея» играл важную роль в контексте раскрытия основного сюжета. В частности, этот подход использовался в концепции музейной экспозиции, проектируемой в *Центральной городской библиотеке – мемориальном центре «Дом Гоголя»* (Москва, 2008). Структура образно-сюжетного экспозиционного пространства включала два действия (или раздела) – «Путь Гоголя-Писателя» и «Путь Гоголя-Читателя», каждый из которых состоял из трех экспозиционно-художественных образов. Функция *«живого музея» – конференц-зала* возлагалась на заключительный образ *«Храм Просвещения»* (или «Читательский Рай»). Пройдя с главным героем оба пути, посетитель попадал в это символическое пространство, где начинался третий, «вечный путь» Н. В. Гоголя – читаемого и изучаемого другими. В концепции планировалось², что об этом будет рассказывать не только экспозиционно-

экспозиция, воспроизводящая кабинет великого писателя и поэта. Библиотека, гостиная и ряд др. помещений отводились для использования жителями колонии; См.: *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. С. 161–162.

¹ Поляков Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» – 2. 2003. С. 286.

² К сожалению, реализация этого музейного образа значительно отличается от предложений концепции; См.: Поляков Т. П. Последняя тайна гения, или как Гоголь пришел в Пандемониум (Ч. 1) // Музей. 2009. № 7. С. 60–67; *Его же.* Последняя тайна гения, или как Гоголь пришел в Пандемониум (Ч. 2) // Музей. 2009. № 11. С. 28–37.

литературная среда, опредмечивающая сюжеты известных произведений, но и проходящая здесь лекционно-просветительская деятельность¹.

Зоны «живого общения», запланированные в сценарии стационарной экспозиции в *Доме-музее А. Л. Чижевского в Калуге* (2008), как и в целом сюжет всего музейно-экспозиционного произведения, были призваны провоцировать посетителя на неоднократное посещение. В основе сюжетно-тематической структуры экспозиции лежал знакомый принцип «художественного анамнесиса», реализованный в череде образов-воспоминаний главного героя, на исходе жизни возвращающегося в родной дом. Зоны «живого музея», лаконично интегрированные в художественно-экспозиционную среду, планировались в нескольких точках экспозиции. *Камерный зал* для мероприятий предполагался в *гостиной-лаборатории*, рассказывающей о первом этапе жизни ученого и о Калуге начала XX в. В мансарде, где реализовывалась мечта Чижевского о фантастической *Лаборатории Космобиологии*, формировалась зона «живого музея» с обсерваторией. На первом этаже, внутри темы «Аэроионы и Жизнь», выполняющей функцию эпилога, планировался *действующий кабинет Аэроионизации* с люстрами Чижевского и природно-животным миром, демонстрирующий актуальность разработок ученого².

Принципы свободного общения широко использовались в концепции системы экспозиций *Культурного центра «Дом Булата Окуджавы»* на Арбате (Москва, 2008). Данный объект не являлся традиционным музеем, потому не ограничивался строгостью мемориального пространства и проектировался в целом как «живой музей»³. В его идеальную экспозиционно-художественную среду входило *литературно-*

¹ Личный архив Т. П. Полякова. «Дом Гоголя» или «Загадки Гения»: (сценарий музейной экспозиции Центральной городской библиотеки-мемориального центра «Дом Гоголя») / отв. исп. Т. П. Поляков. М., 2008. С. 49–54.

² Личный архив Т. П. Полякова. «Звездный путь Александра Чижевского» или «Возвращение в Калугу»: (сценарий стационарной экспозиции в доме-музее А. Л. Чижевского, г. Калуга) / отв. исп. Т. П. Поляков; ФГУК «Государственный музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского». Калуга; М., 2008. 33 с.

³ См. подробнее: *Поляков Т. П.* «Дом Булата Окуджавы» на Арбате: сценарная концепция системы экспозиций культурного центра // Вестник РГГУ. 2009. № 15(9). С. 316–332.

артистическое кафе «Два Арбата», воплощающее тему «Арбат как среда обитания». Первая часть кафе воссоздавала стилистику классического Арбата 1920–1930-х гг., в которой органично переплетались следы прошлого XIX в. и романтические мотивы революционной эпохи; вторая часть – образы 1980–1990-х гг., наполнявшие уже другой Арбат – перестроенный, декоративный, многолюдный. Следующая зона «живого музея» формировалась на основе *концертного зала с периодически меняющейся экспозицией «Музыкальный Арбат»* (или «Булат Окуджава: жизнь после смерти»). Предполагалось, что в контексте камерных концертов и музыкально-поэтических вечеров, проводимых здесь, будут экспонироваться афиши мероприятий, посвященных Окуджаве, его книги, пластинки, кассеты и диски, материалы о деятельности Общественного фонда Булата Окуджавы и т. п. Наконец, в единую систему экспозиций планировалось включить зону *открытых фондов «Дары Арбату»*, представляющую подарки Дому-музею Б. Окуджавы в Переделкино и арбатскому Культурному центру, а также *архив поэта и библиомедиатеку*¹.

Схожий подход к реализации идей «живого музея» использовался в сценарной концепции экспозиции *Московского литературного музея-центра К. Г. Паустовского* (2011). Во-первых, в структуре музея-центра проектировалась образно-сюжетная экспозиция, посвященная творческой жизни Паустовского и превращающаяся в *пространство «живого музея»* в моменты проведения интерактивных программ. Во-вторых, планировалась зона «живого музея», объединяющая выставочное пространство и *«литературное кафе»* в стиле кафе-кабаре начала XX в. Наконец, своеобразная зона «живого музея» формировалась на верхнем уровне, где находились помещения *научного центра и редакции журнала «Мир Паустовского»*. В дополнение к рабочим местам здесь создавалась *интерактивная экспозиция*, повествующая о крупных исследователях и

¹ Личный архив Т. П. Полякова. Сценарная концепция системы экспозиций Культурного центра «Дом Булата Окуджавы»: (Арбат, Плотников переулок, дом 21) / Т. П. Поляков; Региональный общественный фонд Булата Окуджавы. М., 2008. 25 с.

исследованиях творчества Паустовского, а также *информационно-электронная и библиотечная база* для желающих присоединиться к этому процессу.

Кроме того, следует отметить, что в данной концепции Т. П. Поляковым были сформулированы некоторые важные положения, отражающие новое понимание *«живого музея» как технологии проектирования экспозиции*. Например, он пишет, что любая современная музейная экспозиция должна не только соответствовать понятию «музейная», но и быть яркой, художественной и «многослойной», провоцировать неоднократное посещение. Ей надлежит включать «зоны *“живого музея”*», то есть рекреационно-просветительские зоны, органично сочетающие предметно-художественную, музейную среду и *творческую деятельность Посетителя*». В концепции очерчивался и круг возможных приемов их организации (или технологий): «Речь идет о всевозможных *клубных, кружковых, игровых и театрализованных акциях*, способных наполнить то или иное *экспозиционное пространство* музея, превращающегося в *реальный Дом Паустовского*»¹.

Данные положения получили развитие в авторской монографии «Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия». В ней были опубликованы фрагменты из концепции модернизации легендарной экспозиции *Государственного музея В. В. Маяковского*, разработанной в середине 2010-х гг.² Среди задач проекта, нацеленного на создание уникального музейно-рекреационного центра «Дом Маяковского», особо выделялась значимость внедрения в его стационарную экспозицию *«технологий живого музея»*³. Подчеркнем, что данное понятие,

¹ Личный архив Т. П. Полякова. «Дом Паустовского»: Сценарная концепция экспозиции Московского литературного музея-центра К. Г. Паустовского: (Москва, ул. Кузьминская, дом 8) / [Т. П. Поляков]; ГБУК г. Москвы «Московский литературный музей-центр К. Г. Паустовского». М., 2011. С. 3.

² Легендарная экспозиция музея, открывшаяся в 1989 г., была зарыта в 2013 г. В музейной здании проводится ремонт. Разрабатывается проект обновленной стационарной экспозиции.

³ Поляков Т. П. Музейная экспозиция... 2018. С. 505.

впервые использованное в этом контексте, займет одну из центральных позиций в актуальной методике Т. П. Полякова.

Говоря об особенностях музейного проекта, следует отметить, что планировалось организовать зоны для свободного общения и взаимодействия посетителей, мастер-классов, театрализованных и просветительских акций в помещениях нулевого этажа, а также в отдельных экспозиционных сценах.

В частности, это *два рифмующихся «Кафе Поэтов»* с именными столиками: на нижнем уровне – известных мастеров слова второй половины XX в., посещавших Музей Маяковского; в разделе «Борьба» (или «Четыре крика поэмы “Облако в штанах”») – поэтов Серебряного века. Другая перспективная разновидность «живого музея», внедряемая в экспозицию, – *сувенирные киоски*, органично входящие в музейные инсталляции «Две Америки», «Я уезжаю в Европу», «По городам Советского Союза» (раздел «Путешествие в пространстве»). Оригинальная музейная *«Мастерская российского авангарда»* предлагалась в контексте раздела «Строительство» (или «Как коммуна обернулась коммунальной квартирой»). Она могла реализоваться в полной форме (как стилизованная мастерская для студентов творческих вузов) или игровой форме (как пространство для мастер-классов). Мобильная зона свободного общения *«Музей советского быта»*, представляющая собой небольшой стилизованный конференц-зал, разворачивалась в разделе «Путешествие во Времени» (или «Завещание»). Поблизости от нее проектировался технический центр постоянно действующей *телестудии*, предназначенной для записи и трансляции телепрограмм в стиле актуальных политических ток-шоу или литературно-художественных игр. Вторая точка, связанная с этой необычной формой «живого музея», намечалась в последнем разделе «Завещание Современникам» (или «Выставка “20 лет работы”»). Она предназначалась для проведения эксклюзивных интервью с известными общественными деятелями, попавшими в «пограничные ситуации»¹.

¹ Поляков Т. П. Музейная экспозиция... 2018. С. 506–511.

Принципы проектирования зон «живого музея» используются и в других современных музейных проектах, разрабатываемых Т. П. Поляковым. Среди них – серия концепций, созданных для *Военно-исторического музейно-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров фортов»* (Санкт-Петербург, 2020)¹, концепция системы экспозиций *Музея истории ВМФ России* (Москва, Музейно-парковый комплекс «Северное Тушино», 2021)² и др. Отличительной чертой этих концепций стало внедрение технологий «живого музея» практически в *каждую экспозиционную тему*. В качестве зон свободного общения проектировались полномасштабные макеты небольших военно-морских судов, фрагменты корабельных интерьеров – кают, кубриков, палуб, трюмов, артиллерийских башен и т. п. отсеков, демонстрирующих боевую и бытовую среду военно-морского флота России на разных этапах его развития³.

Наконец, отдельного комментария заслуживает *концепция музеефикации Оранжевого комплекса усадьбы Горки* (Музей-заповедник «Горки Ленинские», 2021), подготовленная автором диссертации при участии Т. П. Полякова⁴. Целью разработки этого проекта было возрождение

¹ Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. Концепция музеефикации и сюжетно-тематическая структура экспозиционного пространства трех фортов г. Кронштадта – «Петр I», «Александр I» и «Кроншлот»: (часть военно-исторического музейно-паркового комплекса «Кронштадт. Остров фортов») / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, О. Ю. Нельзина]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. М., 2020. 109 с.; Сценарий (сценарная концепция и сюжетно-тематическая структура) стационарной экспозиции «Военно-морской флот России» в центральном здании Военно-исторического музейно-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров фортов»: (г. Кронштадт, Санкт-Петербург, о. Котлин) / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, С. А. Мозговой]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. М., 2020. 216 с.; Концепция музеефикации и сюжетно-тематическая структура экспозиционного пространства береговой (уличной) территории военно-исторического музейно-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров Фортов»: (г. Кронштадт, Санкт-Петербург, о. Котлин, Цитадельское шоссе). / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, С. А. Мозговой]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. М., 2020. 91 с.

² Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. Концепция системы экспозиций Музея истории ВМФ России и сюжетно-тематическая структура стационарной экспозиции «Московская летопись Военно-морского флота России»: (Москва, Музейно-парковый комплекс «Северное Тушино») / [Ю. В. Ермаков, Т. П. Поляков, Т. А. Зотова]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. М., 2021. 302 с.

³ Поляков Т. П. Война и музей: актуальные методы и технологии создания музейных экспозиций с военно-исторической тематикой. // Культурологический журнал. 2023. № 4. С. 52–62. URL: http://cr-journal.ru/gus/journals/632.html&j_id=58 (дата обращения: 20.04.2024).

⁴ Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. Общая концепция музеефикации Оранжевого комплекса усадьбы Горки (Музей-заповедник «Горки Ленинские», Московская область) / авт. Зотова Т. А., при участии Полякова Т. П.; Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские». Горки Ленинские, 2021. 46 с.

оранжерейного комплекса, созданного последней хозяйкой усадьбы З. Г. Морозовой-Рейнбот, и превращение его в современный многоплановый музейно-туристический объект, рассчитанный на неоднократное посещение. В структуре комплекса формировалась сложная зона «живого музея» – *теплица-магазин*, реконструирующая характерные именно для Горок формы хозяйствования. Речь шла, с одной стороны, о *выращивании* растений из исторического ассортимента цветочного хозяйства З. Рейнбот, с другой стороны – об их *продаже* в сувенирно-цветочной лавке, организованной на нижнем уровне оранжерейного комплекса. Особый антураж этим историко-хозяйственным зонам должна была придать оригинальная музейно-образная экспозиция, рассказывающая об эпохе модерна и его цветочных мотивах через судьбу последней владелицы Горок¹.

«Живой музей» как технология проектирования экспозиции: ключевые понятия, задачи, типология. К сожалению, далеко не все музейные проекты, представленные выше были реализованы. Однако, отталкиваясь от них, а также от опыта наиболее успешных музеев и музеев-заповедников, формирующих «живые экспозиции», Т. П. Поляковым были разработаны *универсальные инструменты* теоретического анализа и проектирования различных динамичных экспозиционных объектов.

Центральная роль в этой методике отводится понятию *технологии «живого музея»*. Согласно базовому определению, это – технологии воссоздания в музейной экспозиции *интерактивной модели* интерьера, максимально приближенной к оригиналу, где выделяются и используются те *объекты, предметы, средства и приемы* тактильного общения и реального действия, которые были наиболее актуальны в данной исторической среде. *Основная задача* подобных технологий – спровоцировать в музейном пространстве «те же *поведенческие ориентиры и действия*, которые наиболее характерны для этих реальных объектов и учреждений, например: для

¹ Зотова Т. А., Поляков Т. П. Концептуальные подходы к музеефикации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки в Музее-заповеднике «Горки Ленинские» (Московская область) // Культурологический журнал. 2021. № 4(46). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/559.html&j_id=49 (дата обращения: 20.04.2024).

библиотек, тракторов или морских кораблей»¹. Организованная экспозиционная среда должна создавать условия для того, чтобы в первых объектах посетитель повел «себя как читатель, во-вторых – как клиент, зашедший поесть и попить, в-третьих – как послушный пассажир или, наоборот, как командир или член команды»².

Внедрение подобных технологий в экспозицию приводит к формированию в ее структуре интерактивных *историко-культурных моделей*, или словами разработчика – *зон и объектов «живого музея»*. Имея свои особенности, они подчиняются общим принципам построения музейной экспозиции, выработанным Т. П. Поляковым. Напомним главные:

– музейная экспозиция (ее тематика и наполнение) не выдумывается, а *выращивается из историко-культурного потенциала* места ее размещения;

– основой любой экспозиции является *музейный предмет* – подлинный свидетель историко-культурных и природных процессов, явлений и событий, музейная ценность и символическое значение которого раскрывается посредством функционально-художественного оформления; в контексте музея под открытым небом его место занимает *историко-культурный объект* или *культурный ландшафт*;

– рассуждая в духе идей Д. С. Лихачёва о «невосстановимости» культурных артефактов (предметов, объектов, ансамблей), Поляков переносит акценты с воссоздания, копирования и муляжирования (утраченных, недостающих предметов и объектов) на *художественное переосмысление*, рождающее новые смыслы и произведения экспозиционного искусства³.

Согласно Полякову, интерактивные историко-культурные модели, формируемые в музейных экспозициях, всегда носят индивидуальный характер. При этом выделяются более-менее устойчивые типы зон и объектов «живого музея», становящиеся образцами для воспроизведения и

¹ Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» ... 2021. С. 114–115.

² Там же.

³ Например, см.: Поляков Т. П. Музейная экспозиция... 2018. С. 11–61.

сочетания. Всё многообразие зон свободного общения автор концепции систематизирует по двум основаниям: содержательному признаку и месту расположения.

По *содержательному признаку* выделяются:

– *духовно-интеллектуально-творческие* объекты (музеи-храмы, музеи-театры, музеи-библиотеки, музеи-школы, музеи-кафедры, музеи-клубы, музеи-студии, музеи-салоны, музеи-обсерватории и т.п.);

– *социально-бытовые* объекты (музеи-магазины, музеи-гостиницы, музеи-трактиры, музеи-кафе и т.д.);

– *объекты универсального типа* (музеи-монастыри, музеи – творческие мастерские, музеи-салоны и др. зоны, соединяющее духовное и бытовое)¹.

В зависимости от *места расположения* Т. П. Поляков определяет интерьерные зоны и объекты «живого музея» (внутри музейного здания) и экстерьерные зоны и объекты «живого музея» (под открытым небом)².

Следует добавить, что диссертант, принимавший участие в развитии данной методики, предложил расширить эту типологию, определив три дополнительных основания для систематизации:

– *организационная форма* (фрагменты экспозиции или самостоятельные отделы, учреждения и проекты);

– *длительность* (временный или постоянный характер подобных технологий, зон и объектов);

– *игровая или функциональная направленность*³.

Возвращаясь к концептуальным положениям, сформулированным Т. П. Поляковым, отметим, что для более точной характеристики зон и объектов «живого музея» он ввел принципиальное разделение – между *интерактивными технологиями создания* и *технологиями интерпретации экспозиции*. В контексте проектирования и функционирования зон

¹ Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» ... 2021. С. 115.

² Там же.

³ Подробнее см.: Зотова Т. А., Окороков А. В. Зоны «живого музея» в военно-исторических экспозициях: теоретические аспекты и современная музейная практика // Культурное наследие России. 2023. № 4. С. 122.

свободного общения применяются и те, и другие. Первые – называемые технологиями «живого музея» – преимущественно объединяют интерактивные приемы, средства и способы организации моделей историко-культурных и бытовых объектов, провоцирующих посетителей на *самостоятельные действия* (модель магазина, модель столовой, модель лаборатории, модель комнаты и т. п.). Вторые – известные как технологии культурно-образовательной деятельности – используют современные разработки музейной педагогики для *направленного взаимодействия* посетителей с экспозицией (интерактивные программы, мастер-классы, этнографические перформансы и др.). Потому следует не забывать, что интерактивные зоны, созданные с помощью технологий «живого музея», должны не только превращать посетителей в участников игровых программ, но и погружать их «в атмосферу *реальных* интеллектуально-творческих или социально-бытовых акций, тем самым обеспечивая *живое общение* посетителей на разных уровнях»¹.

Высшей формой «живого музея», где практически стираются грани между историко-культурными моделями и реальной жизнью, в концепции Т. П. Полякова является *экомузей*. В данном случае имеется в виду не определенный статус (название, организационно-правовая форма), а модель деятельности музейного учреждения. Уже неоднократно отмечалось, что в России неформальными экомузеями (и «живыми музеями») выступают крупнейшие музеи-заповедники, стремящиеся к сохранению и оптимальному развитию историко-культурной и природной среды как взаимосвязанных частей единого целого, к активному вовлечению местных жителей в процессы сохранения и представления своего наследия.

Опираясь на учение об экологии культуры Д. С. Лихачёва, Поляков определил несколько промежуточных стадий или форм, которые проходит музей *in situ* в своем развитии до экомузея². Кратко обозначим их:

¹ Поляков Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» ... 2021. С. 115.

² См. подробнее: там же. С. 131–146.

– базовая, нулевая стадия «живого музея» представляет собой ансамблевую экспозицию, созданную в контексте историко-бытового, этнографического или мемориального объекта;

– первая стадия внедрения идей «живого музея» – это использование в контексте ансамблевых экспозиций интерактивных технологий проектирования и интерпретации, которые дают возможность посетителю нарушить музейные правила и заходить внутрь смоделированных моделей пространства и времени;

– вторая стадия «живого музея» предполагает преодоление в музейной экспозиции искусственной границы между культурой и природой; в центре такой музейной интерпретации оказывается культурный ландшафт, соединяющий историю человека и его окружения в единое целое;

– третья стадия «живого музея» связана с музейными экспозициями, создающимися на основе художественных принципов, то есть музейно-образного или образно-сюжетного (художественно-мифологического) методов проектирования; в данном случае формируется интерактивность, не сводимая только к тактильному действию; провоцируется творческий диалог – внутреннее, духовное общение посетителя с создателями экспозиции, ее героями и образами;

– четвертая стадия «живого музея» выражается в музее-заповеднике (музее под открытым небом), где в естественном пространстве будут объединяться самые разные зоны свободного общения и действия; созданные здесь культурно-бытовые и художественные модели имеют лаконичную связь с прошлым, настоящим и будущим, и поэтому выступают средством постепенного преобразования заповедника в высшую степень «живого музея» – экомузей.

Краткие выводы. Концептуализации идей и практик «живого музея» посвящены многие работы Т. П. Полякова, ставшего автором одной из наиболее влиятельных современных трактовок. Его концепция «живого музея», формирующаяся с начала 1990-х гг., прошла несколько этапов по

мере своего становления. Изначально в ней доминировало понимание «живого музея» как оригинальной *модели образно-сюжетного метода* проектирования экспозиции, реализация которой на практике связана с созданием музеев-салонов и музеев-клубов, рассчитанных на полное и свободное общение посетителей в экспозиционной среде. В дальнейших работах Т. П. Полякова была предложена более сложная трактовка «живого музея» как *актуальной модели музея будущего*. Предполагалось, что его целостная экспозиционно-художественная среда, рассказывающая об историко-культурных особенностях местности, будет строиться на основе музейных предметов и включать своеобразные вспомогательные учреждения (кафе, магазины, гостиницы и т. п.), осуществляющие рекреационные функции. По мере реализации этих принципов в музейно-проектной работе, Поляковым была сформулирована наиболее *универсальная трактовка «живого музея»* как определенного подхода к проектированию музейной экспозиции.

Главную роль в данной методике играет понятие *«технологии живого музея»*. Это – приемы, способы и средства воссоздания в экспозиции интерактивной модели интерьера (максимально приближенной к оригиналу), внутри которой выделяются и используются для коммуникации предметы, правила и нормы, бывшие актуальными в ее историческом прототипе. Использование данных технологий приводит к появлению в музейной экспозиции историко-культурных моделей, или – *зон и объектов «живого музея»*, где происходит максимально полное общение посетителей, как на вертикальном уровне (музейный предмет – экспозиция – посетитель), так и на горизонтальном уровне (посетитель – посетитель). Генезис и развитие этих пространств свободного общения и действия внутри музейной экспозиции проходит несколько стадий – от *базовой формы «живого музея»*, в качестве которой рассматривается перспективная ансамблевая экспозиция в историко-бытовом, этнографическом и мемориальном музее, до *высшей*

стадии – экомuzeя, где практически стираются грани между экспозиционными моделями и реальностью.

Таким образом, в концепции Т. П. Полякова были предложены инструменты для проектирования и анализа динамичных музейных объектов. Более того, в ней был обоснован важный принцип, гласящий – «живым» может быть любой музей, использующий соответствующие принципы в своей экспозиции. Отталкиваясь от данной идеи, а также от других теоретических положений концепции, автор диссертации осуществил разработку обобщающего определения и культурологической модели «живого музея». Итоги этой работы представлены в заключительном параграфе.

2.4. «Живой музей» как творческая модель музейной деятельности: теоретические основания и перспективный анализ

Четвертый параграф посвящается авторской интерпретации идей и принципов «живого музея» как особого, динамичного подхода к осуществлению музейной деятельности и к сохранению историко-культурного наследия. Данная трактовка основана на проведенном историко-генетическом и сравнительном анализе прообразов, идей и принципов «живого музея», складывающихся с конца XIX в. В то же время предлагаемая интерпретация опирается на теорию культуры. Рассмотрим подробнее теоретические аспекты обобщающей дефиниции и культурологической модели «живого музея», а также перспективы их применения в музееведческих исследованиях и музейной практике.

Интерпретация проблемы «живого музея» на основе деятельностной концепции культуры. Используя культурологический инструментарий, автор продолжает сложившиеся традиции и рассматривает

проблему «живого музея» в контексте *внутренних, смысловых противоречий* устоявшейся модели музейной деятельности¹. Центральное из них было отмечено еще Н. Ф. Фёдоровым в эссе «Музей, его смысл и назначение», начинающемся со следующих слов: «Наш век, гордый и самолюбивый ..., желая выразить презрение к какому-либо произведению, не знает другого, более презрительного выражения, как “сдать его в архив, в музей...”»². Это противоречие между *почтением* и *презрением*, закрепленное в актуальном поныне фразеологизме, является исходным для идеи «живого музея» – антитезе *музея-хранилища* (...ненужных вещей).

Кратко напомним, как трактовалась ограниченность традиционной музейной деятельности разными авторами и практиками «живого музея». Развивая принципы «функционального подхода» к сохранению историко-культурного наследия, П. А. Флоренский призывал: «Музей, самостоятельно существующий, есть дело ложное и в сущности вредное для искусства, ибо предмет искусства ... должен быть понимаем как никогда не иссякающая, вечно бьющая струя самого творчества, как живая, пульсирующая *деятельность творца...*»³. Поэтому предложенная им концепция музеефикация Троице-Сергиевой Лавры не признавала «культуртрегерство, ... ревностно защищающее икону, стенописи и самые стены и равнодушное к другим, нисколько не менее драгоценным достижениям древнего искусства»⁴. Она была направлена на сохранение и изучение «*синтеза искусств*», максимально выраженного в храмовом действе живого монастыря.

Этнографические концепции В. Н. Всеволодского-Гернгросса и Б. М. Соколова, сложившиеся в 1920-е гг., выражали ограниченность традиционного музейного подхода в представлении *этнокультурной*

¹ Данная проблематика рассматривается автором в статье: *Зотова Т. А.* Основные подходы к деятельности «живого музея»: культурологический анализ // Культурное наследие России. 2023. № 1. С. 85–93.

² *Фёдоров Н. Ф.* Собрание сочинений: в 4-х тт. Т. II. 1995. С. 370.

³ Храмовое действо как синтез искусств // *Флоренский П. А.* Сочинения: в 4 т. Т. 2. 1996. С. 371.

⁴ Там же. С. 382.

тематики. Первая концепция призвала расширить музейные средства показа за счет театрального искусства, превратить этнографический отдел в своеобразный музей-театр, органично сочетающий в своей работе демонстрацию предметных экспозиций с инсценировками, посвященными крестьянским обычаям¹. Вторая концепция была направлена на переход от систематических академических экспозиций к комплексной форме представления народной культуры – этнопаркам², способным представить материальную и духовную культуру народа как развивающееся и живое явление.

Решения Первого Всероссийского музейного съезда 1930 г. легли в основу практической борьбы с прежним *музеем-кунсткамерой, обращенным к прошлому*. Новый декларируемый музей-культпросветкомбинат был призван решать проблемы современности в самом широком смысле этого выражения³. Пересмотр данной концепции в 1950-е гг. и возврат к культурно-охранному характеру музея привели к возникновению в СССР сети музеев под открытым небом. Развитие методики их работы с комплексными историко-культурными и природными объектами способствовало формированию новых принципов сохранения наследия, получивших развитие в 1990–2000-е гг.

В концепции уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов), опирающейся на учение об экологии культуры Д. С. Лихачёва, преодолевалось узкое понимание категории «наследие» (Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин, М. Е. Кулешова и др.)⁴. В ее смысловое поле были включены не только памятники культуры, истории и природы, но и их окружение, составляющее с ними неразрывное целое, а также живая народная культура, сохраняемая в образе жизни местного населения. Новые принципы охраны

¹ Например, см.: Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. Л., 1931. С. 1, 3–8.

² Например, см.: Доклад Б. М. Соколова «Построение и деятельность советских этнографических музеев» на совещании этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.); От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда. СПб., 2014. С. 346.

³ Например, см.: О задачах «Советского музея» // Советский музей. 1931. № 1. С. 5.

⁴ Например, см.: Веденин Ю. А., Шульгин П. М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географическая. 1992. № 3. С. 90–99.

УИТ как рассредоточенных «живых музеев» (С. И. Сотникова)¹ выражались в определении стратегических приоритетов их развития.

В центре внимания концепции средового подхода М. Е. Каулен оказалась *ограниченность традиционных ансамблевых музеев*. Новая модель средового музея обогащала их собрания объектами нематериального наследия – традициями, потерявшими способность самовоспроизводиться в актуальной культуре². Кроме того, предложенная музееведом трактовка «живого музея» как типа средового музея строилась на преодолении *принципа полной музеефикации*, предполагающей «умерщвление» (говоря словами Флоренского) историко-культурного объекта для его сохранения. Мягкая музеефикация, связанная с практиками «живого музея», стремится сохранить объекты наследия включенными в процессы культурного развития.

Концепция этноэкологического средового подхода, сложившаяся в деятельности В. М. Кимеева, отводит практикам мягкой музеефикации значительную роль в проектировании музеев под открытым небом. Подобные «живые музеи», создаваемые в структуре открытой, рассредоточенной экспозиции, выполняют одновременно роль объектов музейного показа и рекреационных учреждений. В духе «новой музеологии» этноэкологический подход стремится к *пересмотру предмета музейной охраны*, перенося акценты с коллекций на местное сообщество³.

Наконец, в концепции Т. П. Полякова, трактующего идею «живого музея» как технологию проектирования музейной экспозиции, *преодолевается дидактичность* традиционного подхода. Автор призывает формировать в экспозиции *зоны свободного общения*, где коммуникация могла бы происходить как на вертикальном уровне (музейный предмет – экспозиционер – посетитель), так и на горизонтальном уровне (посетитель –

¹ Сотникова С. И. Музеология. 2010. С. 148.

² Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. 2012. С. 81.

³ Например, см.: Кимеев В. М. Экомuseum Притомья на рубеже XX–XXI веков // Вестник КемГУКИ. 2014. № 28. С. 31–43.

посетитель) ¹. Обеспечивается такое общение за счет создания интерактивных историко-культурных моделей, воспроизводящих исторические интерьеры или объекты. Внутри них посетителю предлагается практически освоить старинные технологии, правила поведения, обычаи, то есть – получить исторические знания на личном опыте.

Стремясь к интеграции всех этих трактовок «живого музея» в своей концепции, автор диссертации предлагает новый взгляд на проблему ограниченности устоявшейся модели музейной работы. Для этого – обращается к *теории культуры*, которая позволяет увидеть привычное противопоставление «живого» и традиционного музеев в более широком культурологическом срезе.

Следует отметить, что культурологический анализ музейной проблематики получил теоретико-методологическое обоснование в работе *М. С. Кагана*, а позже развит в исследованиях *Т. А. Алешиной*, *Л. С. Именновой*, *Т. П. Калугиной*, *Е. Н. Мастеницы*, *Т. М. Пчелянской*, *С. В. Пшеничной*, *О. С. Сапанжи*, *Л. И. Сизинцевой* ² и др. Историко-культурологическое изучение музея и в целом деятельности по охране наследия опирается на теоретические исследования *В. П. Грицкевича*, *А. М. Кулемзина*, *Э. А. Шулеповой*, *Т. Ю. Юрениной* ³ и др.

Традиционно в культурологических исследованиях музей рассматривается исходя из категорий «культурная форма» ⁴,

¹ Поляков Т. П. Как делать музей? 1997. С. 182–185.

² Например, см.: *Каган М. С.* Музей в системе культуры // Вопросы искусствознания. 1994. № 4. С. 445–460; *Именнова Л. С.* Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. М., 2011. 40 с.; *Пчелянская Т. М.* Социально-культурная детерминация музейной экспозиции. Культурологические аспекты: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2005. 164 с.; *Пшеничная С. В.* Музей как информационно-коммуникативная система: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2000. 220 с.

³ Например, см.: *Грицкевич В. П.* История музейного дела до конца XVIII века. СПб., 2004. 406 с.; *Его же.* История музейного дела конца XVIII – начала XX вв. СПб., 2007. 335 с.; *Его же.* История музейного дела в новейший период (1918–2000). СПб., 2009. 151 с.; *Кулемзин А. М.* Охрана памятников в России как историко-культурное явление: дис. ... д-ра культурол. наук: 24.00.03. Томск, 2001. 403 с.; *Шулепова Э. А.* Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.02, 24.00.03. М., 1998. 42 с.; *Юренина Т. Ю.* Музей в мировой культуре. М., 2003. 532 с.

⁴ *Калугина Т. П.* Художественный музей как феномен культуры. СПб., 2008. 242, [1] с.

«культурный/социокультурный институт»¹, «культурный феномен»², «коммуникационная система»³, «семиотическая система/феномен»⁴, «музейность»⁵. Однако в пределах данных категорий проблематичен синтез идей «живого музея», реальные воплощения которого могут выступать и как новые, и как известные культурные формы (институты, коммуникационные стратегии и др.). Поэтому в поисках ответа на ключевой вопрос (что есть «живой музей»?) и выбора инструментов для построения собственной теории, автор напрямую обращается к *деятельностной парадигме* (подходу, концепции), сложившейся в отечественной культурологии.

Важно подчеркнуть, что деятельностный подход был основным в отечественной науке о культуре в 1970–1990-е гг., и принципы, разработанные его последователями, стали базовыми для многих российских культурологических исследований. Анализ различных деятельностных концепций культуры представлен в монографии *В. М. Межуева*, диссертации *Э. Я. Эсаева*, учебном пособии *А. И. Шендрика*⁶ и др. Апробация данного подхода в теоретическом осмыслении проблем музейной деятельности была осуществлена в диссертации *Л. И. Сизинцевой*, посвященной развитию музейного дела в Костромской крае. Музееведом было выведено отличие

¹ Например, см.: *Герасименко Е. Е.* Музей в институционализации социальной памяти: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2012. 23 с.; *Юреньева Т. Ю.* Музей в истории мировой культуры: генезис и эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.01. М., 2004. 36 с.

² Например, см.: *Алешина Т. А.* Музей как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Ростов-на-Дону, 1999. 23 с.; *Мурзинцева А. Е.* Музеи российской академии наук: историко-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Улан-Удэ, 2006. 22 с.; *Сергеева Г. П.* Семантическая структура музейной экспозиции: цикл и цикличность: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2001. 176 с.

³ Например, см.: *Пономарев Б. Б.* Музей как коммуникационная система: проблемы гармонизации историко-культурного и информационно-деятельностного компонентов: дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. Краснодар, 2002. 225 с.

⁴ Например, см.: *Волькович А. Ю.* Музейная экспозиция как семиотическая система: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 1999. 23 с.; *Чеснокова М. Н.* Эволюция музейной экспозиции как знаковой системы: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2010. 29 с.

⁵ Например, см.: *Мастеница Е. Н.* Музейная интерпретация истории как культурологическая проблема // Вопросы культурологии. 2009. № 9. С. 39–43; *Ее же.* Социальные функции музея в глобальном мире // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 210. С. 229–236; *Сапанжа О. С.* Основы музейной коммуникации: [учеб. пособие]. СПб., 2007. 114, [1] с.; *Ее же.* Культурологическая теория музейности: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. СПб., 2011. 58 с.

⁶ *Межуев В. М.* Идея культуры: очерки по философии культуры. М., 2006. 408 с.; *Эсаев Э. А.* Понимание культуры как деятельности в советской культурологии 60–80-х гг. XX в.: Из истории отечественной культурологии: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2006. 138 с.; *Шендрик А. И.* Теория культуры: учеб. пособие. М., 2002. 519 с.

музейного отношения и музейной деятельности как базовых инструментов музееведческого исследования. Последняя категория характеризуется такими качествами как осознанность, целеполагание и целедостижение¹. Поэтому исследования, ориентированные на нее, связаны с изучением феноменов через выявление *целей, средств и результата* деятельности человека в определенной музейной области. Кроме того, понимание человека как субъекта музейной деятельности позволило Л. Сизинцевой заключить, что самым важным фактором, оказывающим воздействие на активизацию музейного развития, становится наличие *деятели*, способного удержать конечную цель и создать условия для ее достижения.

Учитывая этот исследовательский опыт, автор диссертации предлагает собственный подход к изучению музейной деятельности, а следовательно – к новой интерпретации проблемы «живого музея», ориентируясь на генезис *деятельностной школы* в российской науке. Напомним, что эта культурологическая концепция уходит своими корнями в философскую проблематику человека и человеческой деятельности, которая начала разрабатываться советскими философами в период «оттепели» под влиянием впервые опубликованных работ раннего К. Маркса². Предложенное в рамках этого философского направления объяснение культуры через категорию деятельности (Г. С. Батищев)³, позволило преодолеть узость «суммативного» определения культуры, сводившего ее к эмпирически фиксируемой совокупности результатов материальной и духовной деятельности людей. Данный подход, общепринятый в 1960-е гг.⁴, не мог рассматриваться как

¹ Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие: XIX – первая треть XX века: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. М., 1998. С. 21.

² Межуев В. М. Идея культуры. 2006. С. 287.

³ Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 73–144.

⁴ Подобное определение можно встретить в Философской энциклопедии в 5 т. (1960–1970 гг.): «Культура – совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии, используемых обществом, составляющих культурные традиции и служащих дальнейшему прогрессу человечества ... Понятие К. включает в себя два аспекта, соответствующие двум органически взаимосвязанным сторонам трудовой деятельности человека: материальную К. – достижения, показывающие гл. обр. уровень овладения обществ. человеком силами природы; и духовную К. – достижения, показывающие уровень и глубину познания природы и общества, широту достигнутого кругозора, внедрение в обществ. жизнь прогрессивных

основа теоретического изучения культурных феноменов, так как охватывал лишь объективированные результаты деятельности человека и не выражал в них того общего, что придает им качество предметов культуры. Этим выгодно отличалось деятельностное определение, воспринятое первым поколением культурологов как базовое¹.

Множество вариантов деятельностного подхода, сложившихся в российской науке, принято разделять на две основных модели – статическую и динамическую (трактовка Н. С. Злобина)². Их главное отличие заключается в том, что культура понимается в первой модели как специфический человеческий способ деятельности; во второй – как процесс творческой деятельности (трактовка Э. С. Маркаряна)³. Потому в центре внимания исследователей, придерживающихся статической интерпретации, оказываются проблемы функционирования культуры как подсистемы целостной общественной системы, направленной на приспособление последней к окружающей среде. Философы, опирающиеся на динамическую интерпретацию, видят в культуре развитие человеческой личности, осуществляемое путем создания и последующего освоения людьми результатов деятельности (трактовка В. М. Межуева)⁴.

Настоящее исследование базируется на *динамической модели*, основными разработчиками которой являются *А. И. Арнольдov, Э. А. Баллер, Н. С. Злобин, Л. Н. Коган, В. М. Межуев*⁵ и др. Схематически эта интерпретация представляется в следующем виде: культура определяется «в двух формах – *предметной* (результаты деятельности) и *личностной* (умения и способности индивида). Если переход от личностной формы культуры к предметной (*опредмечивание*) в процессе творчества означает расширение

идей и положит. знаний»; См.: Электронный ресурс [сайт]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/articles/566/kultura.htm> (дата обращения: 17.04.2024).

¹ Межуев В. М. Идея культуры. 2006. С. 283.

² Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980. С. 20–28.

³ Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ // Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи: научное издание. М. [и др.], 2014. С. 225–226.

⁴ Межуев В. М. Идея культуры. 2006. С. 282–283.

⁵ Арнольдov А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира. М., 1987. С. 5–27; Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие. М., 1987. 158, [2] с.; Коган Л. Н. Теория культуры: учеб. пособие. Екатеринбург, 1993. 160 с.

предметного богатства культуры, то обратный переход (*распредмечивание*) в ходе ее освоения имеет своей целью и главным результатом развитие человеческой личности»¹.

Таким образом, деятельность человека представляется как неисчерпаемый ряд «опредмечивание – распредмечивание – опредмечивание», где акт опредмечивания переходит грубо-вещественные границы, и человек, изменяя мир, изменяет самого себя². В этом контексте *музейная деятельность* также может быть представлена как нескончаемый процесс:

– *опредмечивания*, то есть перехода личных умений и способностей человека в предметные формы культуры (в основе музея, в целом, и любого музейного проекта, в частности, находятся чьи-то идеи, умения и способности);

– *распредмечивания* материальных и нематериальных культурных ценностей в целях развития личности (чему соответствует работа, проводимая в фондах, экспозициях, лекториях, социальных сообществах и др. с объективированными результатами человеческой деятельности, получившими музейный статус);

– *вторичного опредмечивания*, расширения культурного богатства за счет создания не только новых объективированных результатов, но и культурных форм³, в том числе технологий, способов, методов музейной практики (например, музейная экспозиция сегодня воспринимается как новая форма искусства).

Особую ценность для понимания специфики деятельности «живого музея» имеет *концепция Н. С. Злобина*, в центре которой – рассмотрение

¹ Межуев В. М. Идея культуры. 2006. С. 287.

² Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае... 1998. С. 5.

³ Кратко обозначим: *культурная форма* – это совокупность наблюдаемых признаков и черт всякого культурного объекта (явления), отражающих его утилитарные и символические функции; следует отличать культурную форму от самого объекта, взятого в его конкретно-исторической реальности, который как правило представляет собой *артефакт в культуре* использования и интерпретации данной культурной формы. Понятие культурной формы касается не только материальных продуктов человеческой деятельности, но и продуктов духовного (символического) производства, видов коллективной самоорганизации и разделения людей, средств коммуникации и пр. результатов человеческой деятельности; См.: Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие. М., 2000. С. 144–145.

вопросов культурной динамики через дихотомию «творческого» и «репродуктивного». Разделение человеческой деятельности на творческую и репродуктивную основывается на явном отличии их целей: первая стремится к созданию *нового* во всех сферах общественной жизни, и по сути это и есть культура; вторая, репродуктивная деятельность воспроизводит *готовые* культурные образцы¹. Этот подход, часто критикуемый за исключение из области культуры общепринятых ценностей, норм и образцов², всё же, как нельзя лучше показывает противоречивость традиционной модели музейной деятельности. Отталкиваясь от трактовки Злобина, можно заключить, что музей на первых этапах своего существования, как и все иные социокультурные формы, являл собой творческую, новаторскую деятельность, а потому был частью нескончаемого процесса культурного опредмечивания и распредмечивания. Однако, превратившись в норму общественной жизни (социокультурный институт), он утратил свое новаторское значение и превратился в репродуктивную практику общества. Музейное творчество, ориентированное на создание нового, а потому выражающее неисчерпаемый процесс «очеловечивания» мира (опредмечивания – распредмечивания – опредмечивания), оказалась его антитезой...

Таким образом, автор предлагает следующую культурологическую модель «живого музея». Привычное для музееведческих исследований противопоставление «мертвого хранилища» и «живого музея» (Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский и др.) трансформируется в противопоставление *двух подходов к пониманию культуры* в музее – как совокупности культурных ценностей и как нескончаемого процесса творчества. Первый подход лежит в основе устоявшейся модели музейной деятельности, *репродуктивной* по содержанию и поэтому практически сводимой к процессу распредмечивания культуры (или, в привычных

¹ Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. 1980. 303 с.

² Например, см.: Межуев В. М. Идея культуры. 2006. С. 288–290.

терминах, – освоения наследия). Второй подход – *творческий*, не ограниченный воспроизведением образцов и расширяющий предметное богатство культуры, реализуется в различных проектах и практиках «живого музея». Безусловно, категория «творчество» сложно определяема, но Н. С. Злобиным вводится следующая отличительная характеристика: «тот или иной продукт творческой деятельности приобретает значение факта и фактора культуры только тогда, когда он ... продолжает *жить* (а следовательно, и *развиваться*) в социальных деяниях других людей, в их взаимном общении», когда сохраняет в своем бытии «*процессуальный характер* той творческой деятельности, в результате которой впервые получил жизнь»¹. Это же качество определяет *главную черту* любого проекта или объекта «живого музея», целью которого становится формирование активного отношения посетителя к своему наследию.

Резюмируем вышесказанное. «Живой музей» понимается автором как особый динамичный, творческий подход или модель музейной деятельности, не ограниченная воспроизведением образцов и потому расширяющая предметное богатство культуры. В основе «живого музея» – творческая деятельность его создателей и посетителей, сохраняющая в акте коммуникации свой процессуальный, развивающийся, *творящий* характер.

Деятельностное определение «живого музея» и современные методики интерактивной музейной работы. Деятельностный подход к определению понятия «живой музей» позволяет не просто дополнить существующие трактовки еще одним вариантом. Его задача – уточнить их, конкретизировать и развить. Аргументируем этот тезис на примерах из музейной практики и теории.

Как уже отмечалось, наибольшее распространение в современной музейной сфере получила реализация идей «живого музея» в формате *мягкой музеефикации*. Особую группу «живых музеев», связанных с этим принципом, составляют музеи-монастыри и музеи-храмы, где совмещение

¹ Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. 1980. С. 37.

религиозных и охранных функций рассматривается как обязательное (Троице-Сергиева Лавра, Новодевичий монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь и др.). Но чаще всего мягкая музеефикация реализуется в сфере государственно-частного партнерства в области актуализации наследия, где весьма популярной формой стала музей-гостиница (например, Лесной терем Асташово¹). Наблюдаются и более удивительные сочетания, такие как музей-фабрика (Музеи «Золотой хохломы»²) или даже музей-депо (Паровозное депо «Подмосковная»³). Применение творческой трактовки «живого музея» для анализа деятельности и проектирования подобных учреждений позволяет подчеркнуть общую для них проблему. Это – необходимость проработки на уровне концепции *долгосрочных направлений развития*, позволяющих избежать «умерщвляющего» однообразия и утраты творческого, новаторского характера практики.

Можно сказать, что в этом плане деятельностная модель «живого музея» согласуется с положениями культурно-ландшафтного и этноэкологического подходов, уделяющих стратегическому планированию большое внимание. В то же время, авторская концепция отличается от этих методик *областью применения*: она ориентирована на отдельные, самостоятельные музейно-туристические объекты, способные выполнять интегративные культурные функции. Поучительный опыт такой музейной

¹ Музей-гостиница «Лесной терем Асташово» образован на основе усадьбы крестьянина Мартьяна Сазонова в Костромской области (Чухломский район). В интерьерах музея-гостиницы выставляются предметы музейного значения, связанные с усадьбой и ее владельцами; значительное место в деятельности новых хозяев отводится изучению истории местности и актуализации ее наследия; См.: URL: <https://astashovo.com/?ysclid=lvv7kx3wf2558683179> (дата обращения: 20.04.2024).

² Музейно-туристические комплексы «Золотой хохломы» (Нижегородская обл., г. Семёнов) позволяют гостям наблюдать «рождение» традиционных расписных изделий, основные этапы их изготовления. В число музеев входят: Ассортиментный кабинет АО «Хохломская роспись», где собраны и бережно хранятся образцы-эталоны продукции известного предприятия, проходят художественные советы и конкурсы; Музейно-туристический центр «Золотая хохлома» с постоянными и временными выставками, посвященными истории промысла; Музей народного быта «Дом Семёна – ложкаря», предлагающий интерактивные программы; Салон-магазин «Жар-птица», где можно принять участие в художественных мастер-классах, продегустировать блюда из меню в русских традициях или приобрести оригинальные изделия лучших российских предприятий; См.: URL: <https://goldenhohloma.com/> (дата обращения: 20.04.2024).

³ Историческая площадка «Паровозное депо “Подмосковная”» – музейно-производственный объект РЖД (Москва), состоящий из двух частей: 1) музей-депо (включает комплекс исторических построек станции «Подмосковная» Рижского направления Московской железной дороги и действующее паровозное депо веерного типа); 2) современное депо, где обслуживаются комфортабельные поезда (Сапсан, Ласточка и др.); См.: URL: <https://mzd.rzd.ru/ru/11454> (дата обращения: 20.04.2024).

работы можно обнаружить в *этномузеях Сибири и Дальнего Востока*, создаваемых этническими общинами самостоятельно (или по их инициативе) с целью демонстрации традиционного образа жизни (например, Этнокультурный центр «Нюлтен»¹). В актуальной практике развиваются и русские национальные музеи-села (например, Историко-культурный комплекс «Вятское»²). Нередко основу их рассредоточенных экспозиций составляют отдельные объекты музейного показа, интегрированные в живую среду современных поселений. К слову, чаще всего данные музеи и учреждения музейного типа (культурные центры, микромузеи и т. п.) рассматриваются в отечественном музееведении как один из вариантов экомuzeя³. С точки зрения авторской концепции, этномузеи – это «живые музеи», направленные на расширение этнокультурного богатства и творческое переосмысление наследия, чем и объясняется своеобразный характер их работы.

Одна из наиболее интересных тем – это соотнесение культурологической модели «живого музея» и концепции средового подхода М. Е. Каулен. Широкое распространение данного концепта в музейной рефлексии сопровождается терминологической путаницей, окружающей понятия «средовой музей», «живой музей», «музей традиции» – они используются в современных публикациях и как самостоятельные термины, и как синонимы. Деятельностная трактовка «живого музея», подчеркивающая его процессуальный, поисковый, творческий характер, позволяет упростить выделение подобных учреждений среди всех музеев, тяготеющих к средовому подходу. Средовые музеи, музеи традиции и их разнообразные «живые экспозиции» будут реализовывать *репродуктивную*

¹ Этно-культурный центр РО «Нюлтен» (Камчатский край, Мильковский р-н, с. Мильково) включает эвенское стойбище и питомник ездовых собак; в центре знакомят жителей и гостей Камчатки с традиционными видами деятельности коренных народов; См.: URL: <https://nulten.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).

² Историко-культурный комплекс «Вятское» имени Е. А. Анкудиновой (Ярославская обл., Некрасовский район) – частное учреждение культуры, основанное в одноименном селе в 2008 г. Включает более 30 отреставрированных памятников архитектуры, 15 музеев, гостиницу, ресторан и пр. объекты; См.: URL: <https://vyatskoe-selo.rf/> (дата обращения: 20.04.2024).

³ Например, см.: Глушкова П. В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия. 2015. С. 59–63.

модель деятельности, если ориентированы только на воспроизведение культурных традиций (норм, образцов). «Живые» музеи, экономузеи и схожие учреждения музейного типа будут стремиться к поиску *«живого в старом»* (по выражению Д. С. Лихачёва), предлагая оригинальные музейные проекты.

Перейдем к другому актуальному музейному концепту. Многие положения деятельностной модели имеют прямую связь с концепцией «живого музея» Т. П. Полякова. Опираясь на теорию культуры, диссертант переосмысляет и дополняет разработанную известным музейным проектировщиком методику музейной работы. В частности, предложенная модель учитывает основные понятия, введенные Поляковым для анализа и проектирования динамичных экспозиционных объектов («технологии, зоны и объекты живого музея», «зоны свободного общения», «технологии интерпретации экспозиции» и др.). В то же время, ориентируясь на творческий подход, понимаемый как основу «живого музея», автор диссертации пересматривает проблемное поле концепции. Деятельностная трактовка охватывает не только различные формы интерактивных экспозиционных зон (это – настоящее «живого музея»), но и те феномены музейной деятельности, которые традиционно остаются за рамками, как нечто не системное и исключительное (это – будущее «живого музея»). К слову, таким является, феномен «авторского музея», разрабатываемый Поляковым¹, а также другие перспективные практики.

Наконец, завершая обзор теоретического применения культурологической модели «живого музея», покажем перспективность ее использования при анализе деятельности *музеев под открытым небом*. Вносимое ими разнообразие в формы «живого музея» связано не только с актуальными российскими методиками, но и с освоением зарубежных техник представления наследия. Неслучайно в настоящее время под «живыми музеями» часто понимаются те учреждения, которые тяготеют к реализации

¹ Например, см.: Поляков Т. П. Музейная экспозиция... 2018. С. 365–379.

принципов «живой истории»¹. Применение деятельностной трактовки позволяет подчеркнуть важные отличия этого широко известного подхода от российской концепции «живого музея».

Прежде всего, прокомментируем подробнее формат «живой истории», так как ранее не уделяли этому значительного внимания. Приверженцам передовых мировых практик будет интересно узнать, что уважаемый американский исследователь данного феномена Дж. Андерсон (*Jay Anderson*), выявляя основные характеристики «живой истории» как техники музейной интерпретации², использовал такие определения, как «путешествие во времени» и «имитация жизни других эпох»³. Его анализ ранних практик «оживления истории» показал, что археологи, фольклористы и предприниматели начали массово экспериментировать с этой техникой для проверки археологических исследований («экспериментальная археология») и разработки новых, аттрактивных принципов демонстрации объектов материальной культуры. Объединяющим фактором для разных заинтересованных лиц было стремление к развитию рекреационной деятельности музеев в *познавательном-развлекательном формате*.

Чтобы лучше понять этот тезис, следует обратиться к обзорным и методическим материалам, выпускавшимся в ежегодных сборниках американской, а затем международной Ассоциации музеев «живой истории», музеев-ферм и музеев сельского хозяйства (*ALHFAM*)⁴. Наиболее значимые статьи и методические рекомендации, вышедшие за четверть века

¹ Например, см.: Прокудина Д. А., Прокудина Е. К. Живой музей: трансформация музея в контексте экономики впечатлений (зарубежный опыт) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6(98). С. 34–48; Прокудина Д. А. Нематериальное культурное наследие как ресурс для развития территории // Культура и образование. 2020. № 4(39). С. 23–31.

² Понятие «интерпретация», или «медиация», используется в западной музеологии для общего обозначения тех музейных практик, которые в российском музееведении принято рассматривать как формы экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности музеев. Значение термина «медиация (интерпретация)» см.: Ключевые понятия музеологии / сост.: А. Девалье, Ф. Мересс; пер. А. В. Урядниковой. М., 2012. С. 38.

³ Living History Reader / ed. J. Anderson. Vol. I: Museums. Nashville, 1991. 240 p.

⁴ В 1970-е гг. в США сформировалась целая сеть ферм «живой истории», сельскохозяйственных музеев, исторических территорий и домов-музеев, исторических мельниц, фабрик и мастерских, которые образовали Ассоциацию живых исторических ферм и сельскохозяйственных музеев. Постепенно к ней присоединялись музеи «живой истории» из других стран. С 1998 г. организация носит современное название – Ассоциация музеев живой истории, ферм и музеев сельского хозяйства (Association for Living History, Farm, and Agricultural Museums).

существования этой серии, были вновь опубликованы в 2019 г.¹ В одной из таких работ, подготовленной К. Бордман (*Kathryn Boardman*), отмечается, что в центре всех дискуссий о «живой истории» находятся проблемы *аутентичности* и истинности воссоздаваемых явлений. Она пишет, что точность исследований и информации, представленной в формате «живой истории», необходима для образовательной эффективности этих проектов, однако *вся* полнота сведений об исторических явлениях в принципе *недостижима*. Как подчеркивает Бордман, преодолеть эту методологическую проблему в рамках «живой истории» практически невозможно. Потому нарастающая популярность образовательно-развлекательного формата работы приводит к распространению *стереотипных* представлений об исторических фактах в подобных музеях².

Отталкиваясь от российской практики и деятельностной трактовки «живого музея», можно прийти к следующему выводу. Познавательно-развлекательные учреждения «живой истории», всё чаще появляющиеся на музейной карте России, нередко ориентируются на *репродуктивную модель деятельности*, а творчество в них подменяется типовой интерактивностью. В то же время, освоение практик «живой истории» в России связано с открытием *экспериментальных центров*, которые превращают данные идеи в основу своей исследовательской деятельности, придавая ей ярко выраженный творческий, поисковый характер (например, Духовно-культурный кремль «Богатырская слобода»³). Словом, применение деятельностного подхода к осмыслению «живого музея» позволяет снять

¹ The living history anthology: perspectives from ALHFAM / Ed. M. B. Katz-Hyman, C. Jones, S. J. McCabe and M. Seelhorst. New York, 2019. 262 p. Электронная версия. URL: https://ebook-hunter.org/the-living-history-anthology-by-martha-b-katz-hyman-cliff-jones-susan-j-mccabe-mary-seelhorst_5e6b818524968d6bb2e930cd/ (дата обращения: 18.04.2024).

² Boardman K. Revisiting Living History: A Business, An Art, A Pleasure, An Education // Там же.

³ Духовно-культурный кремль «Богатырская слобода» – это развивающийся архитектурный комплекс, созданный в традициях древнерусского деревянного зодчества в живописном месте Жигулёвских гор на берегу р. Усы (Национальный парк «Самарская Лука»). Центральный объект – уникальная Ладейная Верфь – «Живой музей Древнерусского Флота», где мастера деревянного судостроения возрождают и изучают традиции строительства древнерусских парусно-вёсельных ладей; См.: Иеромонах Феоктист (Петров). Экспедиция на варяжское море «Путь Рюрика». Открытие острова русов на ладе «Змей Горыныч» // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. Т. 3. М., 2023. С. 225–357.

вопрос о его схожести / отличии от музея «живой истории»¹, и показать, что противоречие выражается не в конфликте зарубежной и отечественной терминологии, а в двух принципиально разных позициях, связанных с воспроизводством культуры, либо ее творением. В тех же музеях «живой истории» мы можем встретить приверженцев как первой позиции, так и второй.

В заключение еще раз подчеркнем: деятельностная трактовка «живого музея» не противоречит существующим определениям, она призвана дополнить и синтезировать их основные смыслы. В зону ее влияния попадают самые разные музейные проекты и объекты, имеющие творческий, динамичный, процессуальный характер и стремящиеся к обновлению привычных представлений о музейной деятельности.

Внедрение деятельностной модели «живого музея» и ее методические принципы. Завершив определение теоретических аспектов, характеризующих творческую модель музейной деятельности, представим особенности ее *практического применения*. Используя метод моделирования (мысленного эксперимента), поочередно рассмотрим несколько гипотетических концепций развития существующих и перспективных музейных объектов.

Первый объект нашего экспериментирования – *Музей крестьянского быта*, входящий в структуру современного Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские» (Московская обл.). В истории этого музейного объекта, расположенного на Каширском шоссе, выделяется несколько значительных событий. Главное из них относится к 1921 г., когда в доме, принадлежавшем крестьянам В. А. и М. Ф. Шульгиным, проходила встреча В. И. Ленина с местными жителями, в результате которой д. Горки получила электричество одной из первых в России². Эта история и

¹ Об этом, в частности, автор писал ранее, см.: *Зотова Т. А.* «Оживление» истории как одна из тенденций развития современных исторических и военно-исторических музеев-заповедников в России // Культурный код. 2022. № 3. С. 36–48.

² Горки Ленинские / Авт.-сост. В. И. Здесенко. М., 1985. С. 35–37. 159 с.

внутренняя обстановка дома сохранялась семьей, и в 1970-е гг. участок с движимым и недвижимым имуществом был передан формирующемуся музею-заповеднику. На основе дома в 1982 г. открылся Музей В. И. Ленина в д. Горки. Первая экспозиция включала два блока – историко-документальный, посвященный истории электрификации деревни, и историко-бытовой, представляющий обстановку крестьянского дома начала XX в. В 1992 г. музей был переименован в Музей крестьянского быта, и основным направлением его развития стало историко-бытовое.

После ребрендинга музея сформировалась ансамблевая экспозиция, предлагающая историко-культурную реконструкцию быта крестьянской семьи начала – середины XX в. Сегодня отдельные ее фрагменты выглядят скорее, как открытые фонды – например, в этом качестве воспринимается народная одежда, вывешенная в ряд, или находящаяся рядом «выставка» сундуков и прялок. Но приоритетное внимание привлекает обеденный стол, за которым размещаются участники мастер-классов и программ, и возвышающийся над ними мемориальный артефакт – первая электрическая лампа деревни, используемая поныне по своему назначению. Эта группа – смысловое ядро экспозиции.

Можно сказать, что несмотря на отдельные недостатки в экспозиции, обновленной в 1990-е гг., была реализована достаточно современная концепция. В *центре экспозиции находился ее посетитель*, чаще всего – это родитель, пришедший с ребенком познакомиться с национальной культурой. Он становился участником особого культурного процесса, в котором с помощью игровых культурно-образовательных программ предлагалась реконструкция отдельных элементов крестьянской обрядовой культуры. Эти программы, зачастую не имели установленного «тайминга» и жесткого регламента, а проводились в творческой и *свободной обстановке*, созданной заведующей музеем И. И. Маст. Гостей праздников встречали караваем и блинами, вкусным чаем и веселыми песнями. Неудивительно, что Музей крестьянского быта воспринимался как культурный центр деревни, где

можно провести время с интересом в непринужденной обстановке живой народной культуры¹. В изданиях музея-заповедника 2000-х гг. отмечалось, что аудитория музея растет из года в год².

К сожалению, дальнейшего развития данная концепция не получила. После ухода создателя, экспозиция и культурно-образовательные программы обновлялись и приводились в соответствие со стандартами, но отдел по-прежнему не получал желанных цифр в квартальной и годовой отчетности. В качестве одного из объяснений этих неудач рассматривалась оторванность Музея крестьянского быта от других объектов показа³. В период работы диссертанта в музее-заповеднике обсуждались даже такие фантастические варианты увеличения количества посетителей, как перевозка избы (!) на основную территорию. Иными словами, в то время, когда другие музей-заповедники постепенно осваивали прилегающие земли, связанные единой историей (настоящим и будущим) с их достопримечательными местами и ансамблями⁴, – «Горки Ленинские» размышляли о закрытии последнего филиала, интегрированного в пространство исторической деревни, а ныне – живого и развивающегося населенного пункта...

Отталкиваясь от деятельностной трактовки «живого музея», представим перспективный путь развития выбранного музейного объекта. Напомним, что в таком случае речь идет о полном изменении модели деятельности музея – с *репродуктивного и статичного* формата сохранения наследия, то есть его распрямления-освоения, на *творческий и процессуальный формат*, то есть его опредмечивание и возвращение в виде новых артефактов культуры в культуругенез. С учетом этого *цель создания и развития «живого музея»* будет связана с представлением культуры и

¹ Об этом можно узнать из личных бесед со старыми зрителями музея-заповедника «Горки Ленинские».

² Музей и время: вехи истории Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские» в документах и фотографиях / [авт.-сост. Г. А. Наумова, Е. Н. Савинова, Т. В. Шубина]. М., 2009. С. 216.

³ Зотова Т. А., Власов Б. В., Хромов О. В. О новой «Концепции развития...» в контексте экспозиционно-выставочной деятельности Музея-заповедника «Горки Ленинские» // Музейный сборник (№ 17). М., 2021. С. 168.

⁴ Например, см.: Шульгин П. М. Ясная поляна: опыт использования историко-культурного наследия // Россия и современный мир. 2005. № 3(48). С. 235–240.

наследия как процессов человеческой деятельности (развивающихся и изменяющихся), а также с активизацией их творческого потенциала. *Главными средствами* достижения цели станут технологии «живого музея» и интерактивные формы культурно-образовательной деятельности, которые объединяются в *единую стратегию музейной работы*, включающую планирование в пространственном и временном аспектах. *Результатом реализации* такого подхода будет динамичное музейно-экспозиционное пространство, провоцирующее посетителей на поиск «живого в старом» и активное отношение к наследию, его изучение и переосмысление.

Таким образом, переход от репродуктивной к творческой модели деятельности предполагает преобразование привычного Музея крестьянского быта в Музей крестьянского образа жизни. Целью деятельности учреждения в формате «живого музея» будет актуализация культурных процессов развития и изменения образа жизни крестьян д. Горки и ближайших населенных пунктов, которые проходили на протяжении XX в. Это – изменения в формах быденной жизнедеятельности людей, порядках и способах их повседневного существования, в том числе – в устройстве жилища и домашнего обихода, в традициях хозяйствования и природопользования, в семейных отношениях и нормах социального поведения и др. Сверхзадачу данной работы можно сформулировать, вспоминая наставления И. И. Маст¹, как «мягкое» обучение местных жителей и гостей заповедника умению видеть прошлое в настоящем.

Как говорится, лучший пример – личный, а потому *главным объектом показа* в данном музее будет *работа его коллектива*, сплоченного общей задачей – изучением и показом крестьянского образа жизни, его материальных и духовных форм. В состав творческого коллектива должны войти не только музейные специалисты – кураторы и хранители, но и помощники по хозяйственной работе, мастера-ремесленники и участники этнографического кружка (предпочтительнее – из местных жителей).

¹ Музей крестьянского быта / Сост. И. И. Маст. М., 2004. С. 108–109.

Казалось бы, такое количество сотрудников излишне для небольшого этнографического отдела. Однако в нашей концепции, ориентированной на представление бытовых, фольклорных, семейных и др. традиций крестьянской жизни, предполагается, что сотрудники музея будут проводить научную и *экспериментально-показательную* работу на *всей территории музея-заповедника*, возрождая исторические традиции хозяйствования и природопользования.

Основным средством реализации этой концепции являются *технологии «живого музея»*, то есть приемы и способы создания в экспозиции историко-культурных моделей (исторических интерьеров, ландшафтных объектов и пр.), внутри которых для коммуникации используются предметы, нормы общения и действия, бывшие привычными для исходных прототипов. Напомним, что внедрение подобных технологий в музейное пространство приводит к формированию в нем зон и объектов «живого музея», имеющих игровую или функциональную направленность, а также – постоянный или временный характер.

В нашем случае речь идет о создании *целой системы условно-постоянных и временных зон «живого музея»* в пределах филиала и усадебной территории. В основу данной системы, реализующейся как в пространственном, так и временном аспектах, будут положены основные события из *русского церковно-народного месяцеслова, советского революционного календаря*, а затем – *настольного календаря колхозника*. Конкретные динамичные объекты и сроки их ежегодной работы предстоит определить на этапе проработки ключевых документов стратегического планирования – *расширенной тематической структуры, календаря экспериментально-показательных работ* и цикличного плана выставочной деятельности. Не вызывает сомнения, что среди данных объектов окажутся популярные в музеях этнографического профиля экспозиционные огороды, зоны демонстрации ремесел, ретро-мастерские, этнографические перформансы и т. п. Кроме того, для реализации намеченного плана можно

использовать такие оригинальные технологии «живого музея», разработанные Т. П. Поляковым, как *«театр вещей»*, *«сеансовые игротеки»*, *«экспозиции-киоски»*, *«музеи-школы»* и т. д.

Предполагается, что центральная условно-постоянная зона «живого музея» развернется на основе существующего Музея крестьянского быта. В данном пространстве предстоит организовать *музейно-образную экспозицию-лабораторию «День в крестьянской семье»* с обновляемыми выставочными блоками. Эти блоки будут наполняться новыми предметными, документальными и изобразительными свидетельствами в зависимости от ежегодного календаря показательных работ и выставок. В качестве музейного оборудования рассматриваются предметы обычной крестьянской обстановки – типовые и новодельные, преобразованные в условные витрины-образы. Подобные идеи использовались в старой экспозиции, но нам предстоит их развить, превратив в условные витрины все объекты интерьера, не имеющие мемориального характера.

Следует отметить и особенности *экскурсионной работы* Музея крестьянского образа жизни. Коллектив откажется в общении с посетителями от привычных понятий «экскурсия», «музейная программа», «мастер-класс» и др. (оставим их для статистических документов). Это – маркеры репродуктивного подхода к актуализации наследия, его творческая модель предполагает другие решения. Посетители музея должны приходить не на обзорную экскурсию, а *«в гости»* – к музейному хранителю, куратору или помощнику, своего рода «дежурному» по объекту. В зависимости от графика этих сотрудников будет меняться содержание и направленность музейного посещения, что придаст будничной работе филиала изменчивый и динамичный характер. Новая концепция музея предполагает, что исследовательская, собирательская и просветительская деятельность коллектива окажется тесно связанной с реализацией ежегодного календаря показательных работ и выставок, а потому «основные темы рассказа» будут

плавно изменяться в зависимости от времени года и предстоящих праздников.

Местных детей и семейных посетителей музей будет приглашать не только «в гости», но и на «*игры*». В некотором роде подобная практика уже проводилась музейным отделом, предлагавшим своим посетителям культурно-развлекательные программы из цикла «Забывших детских игр», разработанных И. И. Маст¹. Новая концепция музея предлагает расширить и переосмыслить этот подход: каждый ребенок, приходящий в музей, должен иметь возможность поиграть – в настольные игры, в «почту», в «дочки-матери» на крестьянский манер, в трудовые занятия и др. Главная задача подобной коммуникации – не только показать ребенку, что в музее интересно и весело, но и *активизировать детскую фантазию*, включить в нее историко-культурный компонент. Высшей похвалой таких музейных практик станет продолжение этих игр в домашних условиях.

Помощь музейному коллективу в разработке конкретных форм игрового взаимодействия окажут актуальные методики из области музейной педагогики². Будут полезными и культурологические знания. В частности, игровая концепция культуры, объясняющая свойства игры как культурной универсалии³. Напомним, что среди этих свойств – свободный характер, самодостаточность, временная и пространственная обособленность, повторяемость, коллективность, ритуальность, обязательность правил и др.⁴ Максимально подчеркнуть и выразить эти игровые свойства предстоит авторам оригинальных *сценариев (программ) посещения* постоянной экспозиции-лаборатории и временных мероприятий.

Остается отметить, что превращение одного из музейных отделов «Горки Ленинских» в «живой музей» должно благоприятно сказаться на

¹ Маст И. И. Забытые детские игры. М., 2012. 48 с.

² Например, см.: Столяров Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика: учеб. пособие. М., 2004. 216 с.; Шляхтина Л. М. Музейная педагогика: учебно-методич. пособие. СПб., 2021. 60 с.; Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике. М., 2001. 224 с.

³ Например, см.: Хейзинга Й. Человек играющий: опыт определения игрового элемента культуры. СПб., 2011. 416 с.

⁴ Иконникова С. Н. История культурологических теорий: учеб. пособие. М. [и др.], 2005. С. 367–389.

обновлении всего пространства музея-заповедника. Проектируемый Музей крестьянского образа жизни органично дополнит мемориальный ансамбль усадьбы «Горки», являясь творческой лабораторией по отработке новых музейных проектов и технологий. Посетители заповедника получат уникальную возможность: увидеть не только историческое и пространственное единство усадебной и крестьянской культуры, но и живую творческую работу, воссоединяющую прошлое и будущее России.

Перейдем ко *второму экспериментальному объекту.* В его качестве рассматривается перспективный «Заводской музейно-парковый комплекс», образованный на основе исторической территории бывшего стекольного завода и прилегающего поселка. Пробразом этого *гипотетического* музейно-туристического объекта является одно из старейших стекольных предприятий Судогодского уезда Владимирской губернии – *Болотский завод*, основанный в 1835 г. купцом 2-й гильдии Ф. Л. Безбородовым в принадлежавшей ему Заболотской пустоши¹. Производство, имевшее длительную историю и носившее разные наименования (Воробьевский стеклянный завод, Завод «Красный Богатырь», ЗАО «Стеклозавод “Богатырь”»), окончательно закрылось в середине 2000-х гг. Сегодня заводская территория пустует, если не считать некоторых руин и завалов, оставшихся после демонтажа комплекса. Однако, что в большей степени привлекает внимание проектировщика, сохраняется большой заводской *поселок Красный Богатырь* (первоначально – Воробьевка), прилегающий к бывшему заводу и выступающий центром социальной и культурной жизни для ближайших деревень и сел. Также туристский ресурс проекта связан с работающим рядом *комплексным природным Дюкинским заказником* со скалодромом, неизменно привлекающим молодую аудиторию, и с некоторыми другими «живыми» историко-культурными объектами².

¹ Путешествуем по родному краю #КультураВдоме33# // Официальное сообщество МУК КДО «Родина» Краснобогатыйский Дом Культуры. Запись от 28.04.2020. URL: https://m.ok.ru/group/55579957854458/topic/151525217960954?&_dp=y (дата обращения: 13.04.2024).

² Например, рядом находится исчезающее с. Милиново – бывшая вотчина Московского Новодевичьего монастыря.

Еще раз подчеркнем, что это – гипотетический объект проектирования. Он выбран по той причине, что история данной местности знакома диссертанту, а судьба – типична для российской глубинки. Похожих исторических мест или руинированных объектов с прилегающими поселками и многочисленными урочищами вокруг – можно насчитать не один десяток. В них не ожидается восстановление производства, а потому одним из перспективных вариантов социально-экономического развития считается их переориентация на культурно-туристический сектор. Понимая масштабы задач, связанных с проектированием любого нового музейного комплекса, автор не стремится к разработке в рамках эксперимента «примерной» концепции и показательного плана, который мог бы восприниматься как образец для проектов реновации и развития подобных исторических районов. Но ставится не менее важная задача: сформулировать и описать экспозиционный замысел, показывающий *возможности и перспективы* создания «живого музея» в таких условиях.

Для начала – кратко охарактеризуем сложившуюся практику «омузеевания» заводских территорий. Наиболее широкую известность получило культурное перерождение предприятий-гигантов, утративших утилитарное значение и трансформирующихся в городские молодежные арт-кластеры (например, Винзавод ¹, Музей русского импрессионизма ², Севкабель Порт³). Опираясь на классическую терминологию, этот подход, с некоторыми оговорками, можно назвать музеефикацией «*под музей*». В современных работах, посвященных индустриальному наследию, он получил обозначение «*арт-осмысление*». Второе направление, не теряющее актуальности, связано с сохранением *in situ* исторических производственных

¹ Центр современного искусств Винзавод (Москва) открылся в 2007 г. на территории старейшего московского комбината виноградных и десертных вин, бывшего пивоваренного завода «Московская Бавария»; См.: URL: <https://winzavod.ru/> (дата обращения: 18.04.2024).

² Музей русского импрессионизма (Москва) – частное учреждение культуры, открывшееся в 2016 г. на территории бывшей кондитерской фабрики «Большевик»; См.: URL: <https://www.rusimp.su/> (дата обращения: 18.04.2024).

³ Севкабель Порт (Санкт-Петербург) – культурно-деловое общественное пространство, открывшееся в 2018 г. на исторической части территории завода «Севкабель», а ранее – «Сименс и Гальске» (Кожевенная, 40); См.: URL: <https://sevcableport.ru/ru> (дата обращения: 18.04.2024).

комплексов, ценных с точки зрения истории, науки, культуры. Оно тяготеет к классической модели «как музей», и к нему относятся такие учреждения, как музей-заповедник «Красная Горка»¹, Эко-индустриальный технопарк «Старый Демидовский завод»² и др. Наконец, наш экспериментально-мыслительный объект относится к третьей модели сохранения индустриального наследия, актуальной в случае утрат. Подобный объект, реконструированный в пределах (на периферии) мемориального пространства, М. Е. Каулен назвала бы «средовым музеем», В. В. Тихонов – «музеем реконструкцией-резерватом»³, а Т. П. Поляков – *музейно-парковым комплексом*. Воспользуемся последней категорией, в концептуализации которой автор диссертации принимал непосредственное участие⁴.

Музейно-парковый комплекс – одна из перспективных форм физического и духовного хранения историко-культурных объектов и памятников на исторической территории. Этот термин распространяется на формальные или неформальные объединения традиционных парков (городских, природно-исторических и др.) с музеем под открытым небом, включающим ряд архитектурных или иных объектов с интерьерными музейными экспозициями⁵. Кроме того, с данной формой, не обремененной юридическими сложностями создания музеев-заповедников, связано музейное освоение историко-культурных районов и мест, где утрачены значимые материальные (архитектурные) свидетельства социальной, политической, военной истории, но сохраняются образы прошлого в местной культурной памяти.

¹ Музей-заповедник «Красная Горка» (Кемерово) – историко-архитектурный музей, созданный на месте открытия Кузнецкого угольного бассейна (1991); URL: <https://redhill-kemerovo.ru/> (дата обращения: 18.04.2024).

² Эко-индустриальный технопарк «Старый Демидовский завод» (завод-музей) входит в структуру Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (Нижний Тагил, Свердловская обл.). Музей был образован в 1989 г. на базе Нижнетагильского завода им. Куйбышева, основанного династией Демидовых в 1725 г.; См.: URL: https://museum-nt.ru/content/visit/museum/museum.php?ELEMENT_ID=39 (дата обращения: 18.04.2024).

³ См.: Тихонов В. В. Методические рекомендации по формированию и развитию этнографических музеев под открытым небом. Иркутск, 2013. 80 с.

⁴ См.: Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы: коллективная монография [Электронное сетевое издание] / Т. П. Поляков и др. Москва, 2023. 556 с.

⁵ Там же. С. 17–24.

Представим, какую структуру и направленность мог бы иметь подобный музейно-туристический объект, созданный на основе предложенного прототипа – *Болотского стекольного завода*. Вероятно, проектировщики Заводского музейно-паркового комплекса стремились бы к реконструкции в пределах исторической территории основных объектов стекольного производства. В значительной степени их бы интересовала структура предприятия и его внешний вид в XIX столетии, потому как данный период – золотой век для стекольной промышленности Владимирской губернии, лидировавшей по количеству таких предприятий. Обратившись к губернскому Списку населенных мест Российской империи 1863 г., изданному Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, можно обнаружить только по Судогодскому уезду более 10 поселков, получивших название от существовавших заводов. В дополнение к нашему предприятию купца Ф. Безбородова в Заболотской пустоши Милиновской волости, принадлежавшему в 1863 г. его дочери А. Ф. Воробьёвой (поэтому ставшему Воробьёвским), в уездный список входили: Горбунихинский, Александровский, Онопинский, Дубасовский, Богословский стекольные заводы и Александровский, Фёдоровский, Тасовский, Иванищевский, Воковский, Новоселивановский, Нечаевский хрустальные заводы¹.

Также мы можем предположить, что в результате научно-исследовательской работы и архивных поисков обнаружилось бы только отдельные упоминания о Болотском – Воробьёвском заводе Судогодского уезда. Отталкиваясь от этого, в основу экспозиции под открытым небом были бы взяты *общие сведения* о структуре и наполнении производственных отделов стекольного предприятия XIX в. В результате чего местные жители и посетители открытой экспозиции увидели бы *типичные бревенчатые сараи*, построенные из хвойной древесины, с воссозданными внутри них

¹ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1861–1885. [Вып. 6]: Владимирская губерния ... по сведениям 1859 года / обраб. ст. ред. М. Раевским. 1863. С. 171–172, 175–178, 180–182.

стеклодувными мастерскими – *гутами* (от нем. «*hutte*»). Внутреннее наполнение мастерских могло бы представить *традиционную технологию изготовления стеклянных изделий* – от варки стекла из «шихты» в глиняных горшках у большой круглой печи до выдувки шарообразных заготовок и их распределения по формам штофов, графинов, бокалов и т. п. Кроме того, по соседству с гутами разместились бы другие деревянные постройки, предназначенные для *кузниц, слесарных и ящичных мастерских, складов* для сырья и готовой продукции, привычные для подобных заводов XIX в.¹ Данные локации, скорее всего, стали бы использоваться как *интерактивные площадки* во время проведения мероприятий, где местные умельцы проводили бы мастер-классы и исторические демонстрации. Наконец, можно предположить, что на окраине поселка появился бы небольшой гостевой комплекс, а также сцена, где проходил бы главный праздник – «*Фестиваль судогодских стеклодувов*» с ожидаемой культурно-развлекательной программой.

Вышеописанный образ характеризует достаточно перспективный подход, предлагающий понятные инструменты экономического, социального и культурного преобразования территории. Он вполне эффективно используется в некоторых регионах, создающих новые туристические бренды на основе дано утраченных достопримечательностей разных эпох (например, Парк живой истории «Федюхины высоты»²). Но существенный недостаток этого подхода, ограничивающий возможности культурного возрождения населенного пункта – репродуктивный характер, ориентация на стандартные и типовые решения. Используя неограниченные возможности мысленного экспериментирования, представим особенности и перспективы

¹ Барсков Д., Кожевников А. Хроника развития Мишеронского завода Костеревых. Архивная ссылка // The Wayback Machine [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20101010041257/http://www.shaturyane.ru/settlements-misheronsky-glassworks.php> (дата обращения: 14.04.2024).

² Парк живой истории «Федюхины высоты» (Севастополь) – масштабный туристический объект семейного отдыха, объединяющий три комплекса-реконструкции: римский военный форт Каструм I–III вв. н. э., генуэзскую усадьбу *Loco Cimbali* XV в., а также укрепления русской армии и ее противников в годы Крымской войны; См.: URL: <https://feduhypark.ru/> (дата обращения: 14.04.2024).

внедрения творческой модели музейной деятельности в наш Заводской музейно-парковый комплекс.

В таком случае речь идет о проектировании не музея завода, а *музея заводского поселка*, в центре внимания которого окажется история местности и ее освоение людьми. Рассредоточенная экспозиция необычного музея будет начинаться на территории бывшего предприятия и расходиться *культурно-экологическими тропами* по ближайшей округе. Она включит статичные и динамичные, «живые» объекты, объединенные *тремя* ключевыми направлениями или *научно-производственными отделами*. Каждый из них будет иметь свою специфику, организационную форму и структуру, позволяющую изучать и показывать местные историко-культурные темы и явления как неисчерпаемые процессы, связывающие историю, настоящее и будущее местности.

Первое направление – *«Заболотская пустошь Милиновской волости»*. Из названия понятно, что в его рамках предстоит заняться исследованием истории культурного района, которая предшествовала созданию здесь завода и поселка. Научно-производственным объединением, выполняющем эту работы, станет экспериментальная *Музей-школа культурного эколога*, а главным объектом показа будет деятельность музейных кураторов и их учеников-краеведов и экскурсоводов, постепенно разрабатывающих широкую краеведческую тематику. В зону их внимания войдут не только факты, рассказывающие о судьбе Заболотской пустоши до ее приобретения купцом Фёдором Безбородовым, но и невероятно интересная история окружающих сел, молчаливых урочищ и исчезнувших дворянских имений. Среди них – *село-призрак Милиново*, давнее название исторической волости и относящееся ныне к Ковровскому району, а также живые деревни и села, ведущие историю с XVII в. – с. Картмазово с действующим *Воскресенским храмом XIX в.*, д. Бахтино с перспективным *«Музеем самого глубокого колодца»* и д. Васильево с современным *фермерским хозяйством*. Кроме того, следует сказать, что не менее важным направлением исследований

станет изучение местных ремесел и промыслов, уходящих корнями в древнюю историю края.

Музей-школа, которой предстоит спроектировать *основные культурно-экологические тропы* по округе, может первоначально базироваться в *Краснобогатырской средней школе*, предлагая ее ученикам принять самое активное участие в новом социокультурном проекте и стать хранителями своего историко-культурного наследия. Это соседство окажется полезным не только музейным специалистам, но и школьному коллективу, если продумать механизмы, позволяющие засчитывать данную работу как внеурочную деятельность. Однако музей-школа краеведа и экскурсовода не будет иметь ограничений по возрасту, приглашая родителей, бабушек, дедушек, а также многочисленных дачников и потомков местных жителей к совместной деятельности. Можно представить, как в летнее время наш научно-производственный отдел, используя туристические ресурсы, будет расширяться и трансформироваться в *музей-летний лагерь*. Формы проживания в таком лагере разнообразны – от коллективного размещения в палатках и модульных блоках до индивидуального проживания «*в гостях у бабушки*», то есть в настоящих деревенских домах, владельцы которых поддержат инициативу музея. В зимнее время музей-школа станет активнее использовать технологии *удаленного музея*, обеспечивая своих учеников и городских волонтеров интересными задачами, решаемыми в онлайн-режиме. Кроме всего перечисленного, на основе данного научно-производственного отдела могут реализоваться такие зоны и объекты «живого музея», как музей-библиотека (с удаленным доступом к НЭБ), этнографический театр, ремесленные мастерские и др.

Перейдем ко второму направлению работы, объединенному темой «*Болотский – Воробьевский стекольный завод и его поселок*». В его рамках предстоит изучить и показать не только первый этап развития местного предприятия, находящегося во владении купцов Безбородовых и Воробьевых до революции 1917 г., но и историю других *стекольных и хрустальных*

заводов Судогодского уезда и их владельцев. Кроме того, не меньшее внимание предстоит уделить первым жителям поселка Воробьёвки, еще отсутствовавшего на уездной карте 1808 г.¹, а в 1860-е гг. имевшего уже 18 дворов². Потребуется серьезная архивная работа, чтобы обнаружить не только имена первых жителей, место рождения, но и предположительное расположение их усадеб относительно современной заводской территории. В случае удачи создатели Заводского музейно-паркового комплекса смогут организовать на этом месте (поблизости от него) полноценный *парк-отель* «Новая Воробьёвка». Он может реконструировать (в отдельных чертах) внешний облик первоначального заводского поселка и некоторые традиции его повседневной жизни.

Однако главным научно-производственным объектом второго направления станет, конечно же, *реконструированный Стекольный завод второй половины XIX – начала XX вв.* К плану его территории, описанному выше, следует добавить самый важный отдел для «живого музея» – *экспериментальный*. Предполагается, что на карте воссозданного предприятия он появится *первым* и разместится в стилизованном корпусе-ангаре, где будут созданы: выставочное пространство, зона демонстрации и конференц-зал. Основная цель этого научно-производственного отдела – *открытое строительство* завода-реконструкции XIX в. и отработка на практике традиционной технологии стекольного производства. Поэтому главный объект показа данного музейного отдела – *процессы изучения, проектирования и воссоздания* исторических производственных объектов и технологий. Словом, это – научное исследование и практическое экспериментирование на глазах у посетителей.

¹ Карта Владимирской губернии Судогодского уезда 1808 года. Масштаб – 5 верст в дюйме // RETROMAP: Старые карты России и Зарубежья [сайт]. URL: https://retromap.ru/14180814_55.941091,41.178131 (дата обращения: 14.04.2024).

² Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. 1863. С. 180.

Наконец, третье направление деятельности Заводского музейно-паркового комплекса – *«Завод и поселок Красный Богатырь»*. Не сложно догадаться, что в его рамках планируется изучение и актуализация советского периода истории предприятия, поселка и его округа. По мнению автора, нет смысла в восстановлении заводских пристроек второй половины XX в., остатки которых были демонтированы в недавнем прошлом. Вероятно, будет интересным создать *музейно-интерактивную зону*, представляющую жизнь предприятия в период *Великой Отечественной войны*, когда к работе приступили местные жительницы всех возрастов, производившие стекольную продукцию для фронта и тыла. Но преимущественными в третьем направлении станут другие приемы и технологии.

Основой этой «живой» экспозиции может являться современный поселок, в усадьбах которого еще живут работники завода и их дети. Привлекая коллектив музея-школы, можно распланировать основные объекты показа – *условные дома «деда Жени – кочегара», «инженера Василия Ивановича», «техника Любови Валентиновны»* и т. п. Через их отдельные, но взаимосвязанные семейные и профессиональные истории можно будет реконструировать и представить советский период развития предприятия и поселка. Научно-производственный отдел, который займется этой важной работой, – *историко-культурный центр «Красный Богатырь»*, организованный на основе местного Дома культуры. В его структуру предстоит включить множество «живых отделов»: *лавку коллекционера* – своеобразный обменный пункт, который будет использоваться для комплектования экспозиций; небольшой *«Музей богатырского стекла»* с зоной продажи современных изделий экспериментального цеха; *Кинозал современных «культурфильмов»*, посвященных различным аспектам открытия своего культурно-туристического дела, и др. Остается отметить, что важной частью работы историко-культурного центра будет подготовка

передвижных выставок о заводе и поселке «Красный Богатырь», которые могут быть развернуты в местных ДК и муниципальных музеях.

Представляя горизонты возможного развития нашего идеального Заводского музейно-паркового комплекса, следует отметить, что среди его филиалов могли бы появиться такие «живые музеи», как исторические трактиры и чайные с условными названиями на тему «старая дорога на Ковров», как Музей коллективного хозяйства с экспозиционными коровниками и полями или динамичный «Музей сенокоса», посвященный главному историческому промыслу всех судогодцев – заготовке сена.

В представленных выше экспериментальных проектах недостаточное внимание уделялось важнейшей категории для музееведения – *музейному предмету*. Между тем, тот же Т. П. Поляков, один из самых активных инициаторов создания «живых музеев», всегда уточняет: музей начинается и заканчивается там, где начинается и заканчивается музейный предмет¹. Интерпретируя принцип «живого музея» как технологию проектирования экспозиции, он выстраивает свою концепцию именно вокруг музейного предмета, создавая условия для реализации лозунга «руками трогать» и других интерактивных приемов.

Словом, возникает вполне оправданный вопрос: если музейный предмет является основой музейного языка, то каким образом эта аксиома соотносится с предложенной автором творческой моделью музейной деятельности?

На наш взгляд, это – важная и глубокая тема, которая требует отдельного исследования и осмысления. Но очевидно, что серьезных противоречий здесь нет. Безусловно, в творческой модели «живого музея» предмет – объективированный результат человеческой деятельности, получивший музейный статус – *не рассматривается как самоцель*. Однако он является органичной частью музейной среды, в которой реализуется творческая деятельность, выполняя разные роли, зависимые от его музейной

¹ Например, см.: Поляков Т. П. Музейная экспозиция... 2018. С. 388.

ценности. Говоря иначе, в «живом музее» можно обнаружить самые разные музейные предметы – статичные и охраняемые историко-культурные артефакты, включенные в образные или «живые» экспозиции; предметы музейного значения, выявление и изучение которых превращается в объект показа; новые предметы и культурные ценности – результаты творческих и научных экспериментов, проходящих в открытом или закрытом музейном пространстве.

Таким образом, деятельностная, процессуальная модель сохранения наследия *не призвана* оспорить аксиому о предметном характере музея и *не стремится* к переносу акцентов музейной работы (и рефлексии) на акты коммуникации, культурные процессы, направления культурогенеза и др. теоретические категории. С точностью до наоборот, авторская концепция уважает эту традицию, как и иные, а потому направлена на поиск актуальных форм хранения исторических предметов и объектов, имеющих социальную значимость. Эти формы, по мнению автора, должны не только распредедмечивать-осваивать музейные фонды, но и опредмечивать их, то есть эффективно передавать посетителям заложенную в них информацию, превращая ее в их новые личные способности, умения, знания. В конечном итоге, деятельностный музей обращен к тому, чтобы культура развивалась, а музейных предметов и их хранителей – становилось только больше и больше.

Следует отметить, что творческие процессы, осуществляемые социумом в «живом музее», практически всегда сопровождаются предметными результатами, получающими вполне обоснованный статус «свидетелей историко-культурных событий», а значит, согласно классикам музейного дела, и статус предметов музейного значения в контексте конкретного «живого музея». В общем, осуществление творческой модели музейной деятельности потребует более детального изучения целого спектра вопросов, касающихся соотношения подлинника и новодела, копии и нового культурного артефакта. Но в данной работе автор практически не касается

этой сложной и неоднозначной для современного музея проблемы, оставляя ее для своих будущих исследований.

Краткие выводы. В заключительном параграфе был представлен авторский взгляд на проблематику «живого музея». В основе данной трактовки – проведенное историко-генетическое и сравнительное исследование прообразов, идей, проектов и методик организации «живых музеев», предложенных разными российскими теоретиками и практиками за длительный период с конца XIX в. до начала XXI в. Диссертант продолжает сложившиеся традиции, рассматривая проблему «живого музея» в контексте внутренних, смысловых противоречий музейной деятельности. Новизна подхода заключается в использовании культурологического инструментария, который позволяет увидеть привычное противопоставление «живого музея» и «мертвого хранилища» (Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский и др.) в более широком культурологическом срезе.

Актуализируя динамическую модель деятельностной концепции культуры (А. И. Арнольдov, Э. А. Баллер, Н. С. Злобин, Л. Н. Коган, В. М. Межуев и др.), автор интерпретировал это противопоставление как *дихотомию «репродуктивной» (традиционной, повторяемой) и «творческой» (живой, новой) моделей музейной деятельности*. В ее основе противоречие между двумя подходами к пониманию культуры в музее – как совокупности культурных ценностей и как нескончаемого процесса творчества. Первый подход лежит в основе устоявшейся модели музейной деятельности, репродуктивной по содержанию и поэтому ограниченной процессом распределения культуры (или, в привычных терминах, – освоения наследия). Второй подход – творческий, не ограниченный воспроизведением образцов и расширяющий предметное богатство культуры, реализуется в различных проектах и практиках «живого музея». Таким образом, была предложена новая, деятельностная трактовка изучаемой проблемы. Данная интерпретация гласит: *«живой музей»* – это особый творческий подход или творческая модель музейной деятельности, не

ограниченная воспроизведением культурных образцов, а *направленная на создание новых культурных форм* и на поиск «живого в старом» (по выражению Д. С. Лихачёва). В основе любого проекта или объекта «живого музея» находится *творческая деятельность его создателей и посетителей*, актуализирующая процессуальный характер объектов культуры и наследия.

Данная трактовка не противоречит существующим определениям, она призвана дополнить и синтезировать их основные смыслы. Поэтому «живой», то есть творческий, динамичный, *процессуальный* музей может быть выражен в разных формах: «музея традиции», производственного объекта, экомuzeя, музея «живой истории», динамичных экспозиционных зон, созданных с помощью технологий «живого музея», авторского или семейного музея, экспериментальной музейной лаборатории, микромузея и т. п. Есть все основания надеяться, что со временем этот перечень будет только расширяться, ведь диалектика взаимодействия традиционного музея и живой культуры – безгранична.

Наконец, предлагая собственную методику, автор формулирует *базовые понятия*, определяющие стратегию реализации творческой модели «живого музея» в непосредственной музейной практике. Охарактеризуем их:

– *цель создания и развития «живого музея»* будет связана с представлением культуры и наследия как процессов человеческой деятельности (развивающихся и изменяющихся, связывающих прошлое, настоящее и будущее), а также с активизацией их творческого потенциала; именно в *творческой деятельности объект наследия становится актуальным* для посетителя, то есть «живым»;

– *главными средствами* достижения этой цели являются технологии «живого музея» и интерактивные формы культурно-образовательной деятельности, которые следует объединять в единую стратегию музейной работы, включающую *планирование в пространственном и временном аспектах*; в связи с этим основными стратегическими документами, определяющими характер и направленность «живого музея», являются:

концепция музеефикации (развития), расширенная тематическая (сюжетно-тематическая) структура экспозиции, календарь экспериментально-показательных работ и циклический план выставочной деятельности;

– *результатом реализации* модели «живого музея» будет динамичное музейно-экспозиционное пространство, провоцирующее посетителей на поиск «*живого в старом*» и активное отношение к своему наследию, его изучение и творческое переосмысление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование первым обращается к комплексному анализу идей и принципов «живого музея», сложившихся в российском музейном деле на разных этапах его становления. Этим обстоятельством обусловлен выбор основных направлений исследовательской работы:

– поиск и систематизация прообразов «живого музея», зафиксированных в отечественных письменных источниках конца XIX – первой трети XX вв.;

– выявление и сопоставление наиболее известных исторических идей, проектов, методик «живого музея», возникших в культурном контексте России в конце XIX – первой трети XX вв.;

– анализ и проблематизация советской музейной практики 1930–1980-х гг. как периода развития прототипов и форм «живого музея»;

– изучение трансформации образов и идей «живого музея» в соответствующее музееведческое понятие;

– выявление и характеристика наиболее влиятельных современных методик, стремящихся к реализации принципов «живого музея»;

– определение основных этапов становления концепции «живого музея» как динамичного подхода к сохранению историко-культурного наследия;

– разработка обобщающего определения «живого музея», которое будет не только охватывать исторические и актуальные трактовки этого принципа, но и представлять возможности прогнозирования будущих форм.

Данные задачи определили авторский подход к изучаемой теме, источниковую базу, методологию и методику исследования. Проведенный анализ проблематики «живого музея» привел диссертанта к следующим выводам:

1. Традиционно считается, что появление идей «живого музея» исторически связано с музейными концепциями Н. Ф. Фёдорова и

П. А. Флоренского; в редких исследованиях также упоминаются строки Н. К. Рериха о сохранении исторических памятников, которые относятся к 1909 г. и включают этот оксюморон. Диссертантом было обнаружено множество других примеров использования выражения «живой музей» в последней трети XIX – первой трети XX вв. Анализ данных источников позволил выявить *основные прообразы «живого музея»*. Среди прочих вариантов наиболее часто встречаются значения:

– «живой музей» как поселение или территория, где в естественных условиях сохраняются памятники и самобытная традиционная культура;

– «живой музей» как коллекция объектов живой природы, парк, сад или заповедник.

Синтез этих значений лег в основу *контекстного определения*: «живой музей» – это культурные и природные объекты, которые сохраняются в своем естественном состоянии – в динамике и развитии. Данная дефиниция характеризует идею «живого музея» в моменте ее проявления в первых философских и прикладных проектах конца XIX – первой трети XX вв.

2. В истории музейного дела России наиболее влиятельными оказались идеи и проекты «живого музея», сформулированные Н. Ф. Фёдоровым, П. А. Флоренским, В. Н. Всеволодским-Гернгроссом и Б. М. Соколовым. Каждый из этих авторов конца XIX – первой трети XX вв. внес свой вклад в современную концепцию «живого музея». В «Философии общего дела» Н. Ф. Фёдорова впервые прозвучало *противопоставление «пассивного музея» (хранилища) и музея активного, деятельного, сохраняющего прошлое для будущего*. В концепции П. А. Флоренского, пытавшего оградить Троице-Сергиеву Лавру от тотальной («умерщвляющей») музеефикации, была сформулирована идея создания «живого музея», способного *сохранять культурный объект в его развитии и деятельности*. В этнографических проектах В. Н. Всеволодского-Гернгросса и Б. М. Соколова были впервые предложены ясные и понятные *формы внесения «народной жизни» в музейное пространство*: посредством организации живого этнографического

музея-театра или комплексного этнопарка. Оставшись нереализованными, данные проекты стали своеобразными *эталонами*, на которые ориентируются современные российские музееведы, стремящиеся развить идеи и образы «живого музея» в технологию музейной работы.

3. В 1930-е гг. концептуальные и методические поиски принципа «живого музея» потеряли актуальность. Борьба с «музеем-хранилищем» превратилась в главный *приоритет практической работы*, трансформировавшей его в «культпросветкомбинат». В этом контексте началось развитие новых массовых методов музейно-просветительской работы, которые в российском музееведении часто оцениваются негативно по причине ряда перегибов и утраты музеем предметного характера. В то же время новаторские музейные практики, связанные с организацией в музее вспомогательных учреждений публичного характера, являются *прототипами современных «живых музеев»* – учреждений музейного типа: музеев-библиотек, музеев-лабораторий, музеев-депо и т. п.

В начале 1950-х гг. на первый план вышли другие задачи. В их основе лежали не только горькие утраты Великой Отечественной войны, но и тенденции предвоенного времени, отмеченного возрождением интереса к национальной российской истории. Стало преобладать традиционное понимание музеев – как основных государственных хранилищ коллекций памятников культуры, и вместе с тем – началось становление государственных норм охраны культурного наследия. Одним из результатов этого процесса является формирование с конца 1950-х гг. сети новых учреждений – музеев-заповедников и архитектурно-этнографических музеев под открытым небом (скансенов). Эволюция принципов их экспозиционной работы – от выставок архитектуры до создания микромоделей традиционных поселений – принесла в отечественную музейную сферу различные формы представления народной культуры (воссоздание звукового ландшафта, проведение семинаров народных умельцев и др.). В контексте подобных

деятельных практик началось становление и распространение современных динамичных подходов к сохранению наследия.

4. Понятие «живой музей» сформировалось в российском музееведении в контексте обсуждения исторических концепций и идей, а также актуальных форм музейной работы, появившихся на рубеже XX–XXI вв. Термин начал употребляться в 1980–1990-е гг. и прошел три этапа становления. К рубежу 2010–2020-х гг. сложилась практика постоянного использования понятия *в нескольких значениях*: «живой музей» П. А. Флоренского, музейная концепция Н. Ф. Фёдорова, «оживший» этнографический музей, «живой музей» как мягкая музеефикация, «живой музей» как технология проектирования экспозиции, «живой музей» как аналог зарубежных техник актуализации наследия.

5. В настоящее время наибольшее значение имеют два концепта, развивающих идеи «живого музея» в методику сохранения наследия. Первый концепт – *«живой музей» как мягкая музеефикация*. Он объединяет влиятельные концепции уникальных исторических территорий (культурных ландшафтов, Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова, П. М. Шульгин и др.), средового подхода (М. Е. Каулен) и этноэкологического подхода (В. М. Кимеев). Каждая из них предлагает свое решение задачи сохранения историко-культурных и природных объектов без их изъятия из хозяйственной деятельности человека. Второй концепт – *«живой музей» как технология проектирования музейной экспозиции* (Т. П. Поляков). В нем разрабатываются универсальные инструменты для проектирования и анализа динамичных музейных объектов, а также формулируется важный принцип, гласящий: «живым» может быть любой музей, использующий соответствующие технологии в проектировании экспозиции.

6. Таким образом, на основе комплексного исследования исторических и современных идей, проектов, практик «живого музея», а также их взаимосвязей, можно выделить три ключевых этапа развития данной концепции:

- формирование основных прообразов и принципов «живого музея» (конец XIX – первая треть XX вв.);
- возникновение прототипов «живого музея» в непосредственной музейной практике (середина – последняя треть XX в.);
- концептуализация идей «живого музея» и превращение их в методику сохранения наследия (конец XX – первые десятилетия XXI вв.).

7. Опираясь на сложившиеся традиции, диссертант рассматривает проблему «живого музея» в контексте внутренних, смысловых противоречий устоявшейся модели музейной деятельности. Новизна подхода заключается в использовании культурологического инструментария, который позволяет увидеть привычное противопоставление «мертвого хранилища» и «живого музея» в более широком культурологическом срезе. Актуализируя динамическую модель деятельностной концепции культуры, автор интерпретирует это противопоставление как *дихотомию «репродуктивной» (традиционной, повторяемой) и «творческой» (живой, новой) моделей музейной деятельности*. В основе этой дихотомии – противоречие между двумя подходами к пониманию культуры в музее: как совокупности культурных ценностей и как нескончаемого процесса творчества. Первый подход лежит в основе устоявшейся модели музейной деятельности, репродуктивной по содержанию и потому ограниченной процессом распредмечивания культуры (или, в привычных терминах, – освоения наследия). Второй подход – творческий, не ограниченный воспроизведением образцов и потому расширяющий предметное богатство культуры, реализуется в различных проектах и практиках «живого музея».

Таким образом, была предложена новая, *деятельностная трактовка* изучаемой проблемы. Данная интерпретация гласит: «*живой музей*» – это особый творческий подход или творческая модель музейной деятельности, не ограниченная воспроизведением культурных образцов, а направленная на создание новых культурных форм и на поиск «живого в старом» (по выражению Д. С. Лихачёва). В основе любого проекта или объекта «живого

музея» находится творческая деятельность его создателей и посетителей, актуализирующая процессуальный характер объектов культуры и наследия.

Данная трактовка не противоречит существующим определениям, она призвана дополнить и синтезировать их основные смыслы. Поэтому «живой», то есть творческий, динамичный, процессуальный музей может быть выражен в самых разных форматах: «музея традиции» или производственного объекта, экомuzeя, музея / парка «живой истории», динамичных экспозиционных зон, созданных с помощью технологий «живого музея», авторского музея, семейного музея, экспериментальной музейной лаборатории, микромузея и т. п. Есть все основания надеяться, что со временем этот перечень будет только расширяться, ведь диалектика взаимодействия традиционного музея и живой культуры – безгранична.

Полученные автором результаты позволяют наметить некоторые *перспективные направления* в дальнейшем изучении проблематики «живого музея» и ее методическом сопровождении. Среди них:

– проработка ряда теоретических вопросов, традиционных для российского музееведения; таких, как роль и трансформация музейного предмета в учреждениях, реализующих творческую модель деятельности, особенности научно-исследовательской и научно-фондовой работы, коммуникационные и аксиологические аспекты деятельности «живых музеев» и др.;

– более глубокая проработка ряда исторических вопросов, связанных со становлением и развитием идей и практик «живого музея» в российском музейной деле, в особенности в период 1920–1950-х гг., содержащий немало необычных и требующих осмысления решений;

– разработка комплекса методических рекомендаций, направленных на освещение современных подходов к созданию «живых музеев», а также механизмов взаимодействия практиков в этой области;

– дальнейшая концептуализация и теоретическая проработка введенных терминов – «динамичный подход», «творческая и репродуктивная

модель музейной деятельности» – в лоне ключевых отечественных и зарубежных теорий в области культурологии и культурной антропологии (в особенности – в контексте игровой концепции культуры Г. Гессе, Х. Ортега-и-Гассета, О. Финка, Й. Хейзинга и др.);

– соотнесение и интерпретация модели «живого музея», выраженной в творческом преодолении устоявшегося музейного подхода, в контексте распространенных зарубежных концептов «музея без границ», «музея-контекста», «партиципаторного музея», «инклюзивного музея» и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. Антипович, М. С. Владимирская вишня / М. С. Антипович, при участ. П. И. Неволлина. – Текст: непосредственный // Ежегодник Главного Управления Землеустройства и Земледелия по Департаменту Земледелия. – 1913. Г. 7. – Петроград: тип. В. Ф. Киришбаума, 1914. – С. 588–620.
2. Архив Российского этнографического музея. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 299. – Л. 30, 41.
3. Беркутов, Н. Опыт создания сети музейных корреспондентов / Н. Беркутов. – Текст: непосредственный // Советский музей. – Москва, 1931–1940, 1983–1992. – 1931. – № 1. – С. 26–30.
4. Березин, А. Д. К вопросу об использовании опыта работы технико-экономических музеев Германии / А. Д. Березин. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1931. – № 2. – С. 70–84.
5. Бестужев-Лада, И. Власть и культура (Социальная организация труда в сфере науки и культуры требует перемен) / И. Бестужев-Лада. – Текст: непосредственный // Советский музей. – № 2. – 1991. – С. 2–7.
6. Болотов, В. И. Финляндские общества родинovedения / В. И. Болотов. – Текст: непосредственный // Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края. За 1912 год (Г. 1-й). – Кострома: Типо-лит. А. Н. Чемоданова, 1913. – С. 30–34.
7. Боровой, А. Латинский квартал. Квартал Марэ / А. Боровой. – Текст: непосредственный // Культурные центры Европы. – Т. 4. Париж. / А. Боровой, Я. Глотов, Б. Лопатинский [и др]. – 2-е изд. – Москва: тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1916. – С. 89–129.
8. Бострем, Л. А. Архангельский архитектурно-этнографический музей «Малые Корелы»: строительство и становление / Л. А. Бострем; Архангельский гос. музей деревянного зодчества и нар. искусства «Малые Корелы». – Архангельск: Музей «Малые Корелы», 2015. – 269, [1] с. – ISBN 978-5-85879-934-4. – Текст: непосредственный.
9. Браунер, А. А. Сельско-хозяйственная зоология: с 200 рисунками и 9 картами / А. А. Браунер. – Харьков: Государственное издательство Украины, 1923. – 436 с. – Текст: непосредственный.
10. Бухгейм, Б. Н. По Италии [Впечатления, настроения, размышления] / Борис Бухгейм; [Обл. и виньетки работы худож. Ф. И. Захарова]. – Москва: тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1914. – 308 с. – Текст: непосредственный.
11. Василевский, И. Гамбург / И. Василевский – Текст: непосредственный // Европа. Иллюстрированный географический сборник / под ред. А. Крубера, С. Григорьева, А. Баркова, С. Чифранова. – Изд. IV, испр. и доп. – Москва: тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1912. – С. 246–255.

12. Вахтеров, В. П. Предметный метод обучения / В. П. Вахтёрв. – 3-е изд., знач. доп. и испр. – Москва: т-во И. Д. Сытина, 1911. – [2], 349, [3] с. – Текст: непосредственный.

13. Верещагин, Г. Ю. О работах Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР в 1926 году / Г. Ю. Верещагин, нач. Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР. – Текст: непосредственный // Отчет о деятельности с 1 октября 1926 г. по 1 января 1929 г. / Бурят-Монгольское Научное общество имени Доржи Банзарова. – Верхнеудинск, 1929. – С. 34–35.

14. Вертинский, Н. С. Организация актива при музеях / Н. С. Вертинский. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1932. – № 3. – С. 31–35.

15. Викманис, К. П. О развитии Латвийского этнографического музея под открытым небом / К. П. Викманис. – Текст: непосредственный // Советская этнография / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1931–1937, 1946–1991. – 1963. – № 2. – С. 112–119.

16. Вл. Б. Отчеты о новых изданиях: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией В. П. Семенова и под общим руководством П. П. Семенова и В. И. Ламанского. Том VI. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. СПб. 1901 / [В. В. Богданов]. – Текст: непосредственный // Этнографическое обозрение. – Москва: издание Этнографического отд. ОЛЕАЭ, 1889–1916. – 1902. – № 1. – С. 120–127.

17. Волошин, М. А. Искусство в Феодосии / М. А. Волошин. – Текст: непосредственный // Очерки и статьи, опубликованные в 1917–1927. С. 449–453. – Национальная электронная библиотека [сайт]. – 2024. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005437033/ (дата обращения: 04.03.2024).

18. Востоков, Е. Музейный фестиваль / Е. Востоков. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1937. – № 3. – С. 37–40.

19. Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете в 1867 году. – Москва: [б.и.], 1867. – 114 с. – Текст: непосредственный.

20. В царстве растений. Очерк А. Р. Палея / А. Р. Палей. – Текст: непосредственный // Огонек. – № 41 (289). 7 октября 1928 г. – С. 8.

21. Галкина, П. И. Вопросы музейного строительства на совещании музейных работников Сибири / П. И. Галкина. – Текст: непосредственный // Вопросы музейного дела: [Сб. ст.] / Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете Министров РСФСР. Науч.-исслед. ин-т краевед. и музейной работы. – Москва: Госкультпросветиздат, 1952. – С. 47–58.

22. Где жил Ильич в ссылке / Текст: непосредственный // Советский музей. – 1931. – № 1. – С. 97–99.

23. Глидкий, А. В пушкинских местах / А. Глидкий. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1931. – № 4. – С. 120–121.

24. Гнедовский, М. Нужны новые подходы / М. Гнедовский, М. Коники. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1988. – № 5. – С. 20–27.

25. Годес, М. С. Что такое кемалистский путь и возможен ли он в Китае? / М. Годес. – Ленинград: Прибой, 1928. 112 с. – Текст: непосредственный.

26. Годунова, Л. Н. Под открытым небом / Л. Н. Годунова. – Текст: непосредственный // Музейное дело в СССР: [сб. ст.] / Музей революции. – Москва: б.и., 1968-. – [Вып. 11]. – 1977. – С. 106–110.

27. Гордлевский, В. А. Уголок России в Турции. Старообрядческая деревня под Ак-шехиром / В. А. Гордлевский. – Текст: непосредственный // Русская мысль: ежемесячное литературно-политическое издание / ред.-изд.: П. Б. Струве. – Париж, 1880–1918, 1921–1927. – Г. 33. Кн. XII [Декабрь]. – Москва и Петербург: тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1912. – С. 119–133.

28. Горки Ленинские: [Фотокнига] / [Авт.-сост. В. И. Здесенко; Фотосъемка В. Салеева]. – Москва: Московский рабочий, 1985. – 159 с. – Текст: непосредственный.

29. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации / Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин, О. Е. Штеле [и др.]. – Текст: непосредственный // Экологические проблемы развития музеев-заповедников: мат. Десятой Всерос. науч. конф. (Москва, 15–17 ноября 2005 г.): [сб. науч. тр.] / [отв. ред. Н. В. Вехов]. – Москва: [Институт Наследия], 2008. – С. 5–34.

30. Давыдов, А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества / А. Н. Давыдов. – Текст: непосредственный // Советская этнография. – 1982. – № 4. – С. 93–105.

31. Завадовский, Б. М. Естественно-научные музеи капиталистического Запада / Б. М. Завадовский. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1931. – № 1. – С. 76–95.

32. Завадовский, М. М. Строительство Московского Зоопарка. Краткая историческая справка / М. М. Завадовский. – Текст: непосредственный // Строительство Москвы. – 1926. – № 9 (сентябрь). – С. 15–21.

33. Загурский, Л. П. По поводу трудов Е. Д. Фелицына о горцах Кубанской области / Л. П. Загурский. – Текст: непосредственный // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. – Тифлис: [б.и.], 1872–1917. – Т. VIII. – 1884. – Вып. 2. – С. 363.

34. Золотарев, Д. А. Работа этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях [Доклады 1921, 1923 гг.] / Д. А. Золотарёв. – Текст: непосредственный // Известия Российской академии истории материальной культуры. – Петроград: [б.и.], 1921–1925. – Т. III. – 1924. – С. 1–32.

35. Зоологический парк Фальц-Фейна [По статье Семенова Тянь-Шанского «Из задач природоохранения»] / Текст: непосредственный // Родник: ежемесячный иллюстрированный журнал для детей. – Санкт-Петербург: 1882–1917. – 1914. – Февраль (№ 2). – С. 257–259.

36. Иванова, И. На приём к доктору Чехову / И. Иванова. – Текст: электронный // Российская газета; RG.RU [сайт]. – 28.07.2006. – URL: <https://rg.ru/2006/07/28/melihovo.html> (дата обращения: 19.03.2024).

37. Ивасенко, П. Этнографический театр Государственного Русского музея / П. Ивасенко. – Текст: непосредственный // Советский Музей. – 1931. – № 2. – С. 102–104.

38. Ивашов. Вагон-музей по оздоровлению и безопасности на железнодорожном транспорте / Д-р Ивашов. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1932. – № 1. – С. 108–113.

39. Иеродиакон Андроник. К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского. Указатель печатных трудов / Иеродиакон Андроник (А. С. Трубачёв). – Текст: непосредственный // Богословские труды / Московская патриархия. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 1960-. – Сб. 23. – 1982. – С. 264–309.

40. Иеромонах Феоктист. Экспедиция на варяжское море «Путь Рюрика». Открытие острова русов на ладье «Змей Горыныч» / Иеромонах Феоктист (А. Петров). – Текст: электронный // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России / под общ. ред. А. В. Огорокова; М-во культуры РФ; Южный филиал Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва: Институт Наследия, 2021-. – Т. 3. – 2023. – С. 225–357. – ISBN 978-5-86443-409-3; DOI 10.34685/НИ.2022.44.81.002.

41. Ильковский, М. С. Агитавтомобиль на службу культурному строительству / М. С. Ильковский. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1932. – № 3. – С. 85–87.

42. Историко-культурный комплекс «Вятское» [сайт]. – 2024. – URL: <https://vyatskoe-selo.rf/> (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.

43. Историческая площадка «Паровозное депо “Подмосковная”» (РЖД) [сайт]. – 2024. – URL: <https://mzd.rzd.ru/ru/11454> (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.

44. Исторический парк «Белгородская черта» [офиц. сайт]. – 2024. – URL: <https://history-park.ru/?ysclid=lvv41bjw2e525702352> (дата обращения: 01.04.2024). – Текст: электронный.

45. Калинин, Ф. Роль и значение актива в строительстве музея // Ф. Калинин. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1937. – № 3. – С. 14–16.

46. Карта Владимирской губернии Судогодского уезда 1808 года. Масштаб – 5 верст в дюйме. – RETROMAP: Старые карты России и Зарубежья [сайт]. – 2024. – URL: https://retromap.ru/14180814_55.941091,41.178131 (дата обращения: 14.04.2024). – Текст, изображение: электронные.

47. Каулен, М. Е. Музей-заповедник как единый экспозиционный комплекс (на материале концепции музеефикации территории и памятников музея-заповедника «Коломенское») / М. Е. Каулен. – Текст: непосредственный // На пути к музею XXI века: Музей-заповедники: сб. науч. тр. / Междунар. ком. по нар. архитектуре ИКОМОСа, Европ. ассоц. музеев под открытым небом; Отв. ред. Н. А. Никишин, О. Г. Севан. –

Москва: НИИК, 1991 (1992). – С. 168–172. (Музееведение. М-во культуры РФ, РАН, НИИ культуры). – ISBN 5-7196-0011-6.

48. Кафе // Музей-заповедник «Прохоровское поле» [офиц. сайт]. – 2024. – URL: <https://прохоровское-поле.рф/kafe.html> (дата обращения: 19.03.2024). – Текст: электронный.

49. Ключевский, В. О. И.Н.Болтин (6 октября 1792 г.) / В. О. Ключевский. – Текст: непосредственный // Русская мысль. – Г. 13. Кн. 11. [Ноябрь]. – Москва: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1892. – С. 107–130.

50. Коломенская пастила – музей истории со вкусом [сайт]. – 2024. – URL: <https://kolomnapastila.ru/> (дата обращения: 19.03.2024). – Текст: электронный.

51. Концепция «живого музея» в творчестве П.Флоренского (доклад Л. П. Воронковой; 22–29 апреля 1997, Ломоносовские чтения, Москва). – «ИСТИНА»: Интеллектуальная Система Тематического Исследования Наукометрических данных [сайт] / НИИ механики МГУ, Лаборатория 404. – 2024. – URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/3143950/> (дата обращения: 14.03.2024). – Текст: электронный.

52. Концепция развития Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (в редакции 2016 года) / Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»; отв. ред. А. Н. Наумов; (утв. решением Ученого совета Государственного музея-заповедника «Куликово поле» 28 февраля 2017 г.). – Тула: [б.и.], 2017. – 96 с. – Текст: электронный.

53. Концепция развития музея-заповедника «Кижы» в 2017–2027 гг. 28 с. // Музей-заповедник «Кижы» [офиц. сайт]. – 2024. – URL: http://kizhi.karelia.ru/media/info/files/attached/1603/03_03_2016_01.pdf (дата обращения: 01.04.2024). – Текст: электронный.

54. Краснов, А. Н. Возможная будущность природы Батумского края / А. Н. Краснов. – Текст: непосредственный // Батумское побережье: «Русские тропики»: сб. ст. / под ред С. А. Анисимова. – Батум: Типография Г. С. Таварткиладзе, 1911. – С. 103–120.

55. Кучин, И. Роль музеев в реконструктивный период развития рыбного хозяйства / И. Кучин. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1932. – № 3. – С. 36–43.

56. Кунсткамера. Коллекции онлайн [офиц. сайт]. – 2024. – URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЪЕКТ/36712?fund=37&index=23> (дата обращения: 13.02.2024). – Текст: электронный.

57. Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. 1930–1931. – [Ленинград]: [Этногр. театр Гос. рус. музея], [1931] (тип. им. Котлякова). – 8, [8] с. – Текст: непосредственный.

58. Лесной терем Асташово [сайт]. – 2024. – <https://astashovo.com/?ysclid=lvv7kx3wf2558683179> (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.

59. Лихачев, Д. С. Экология культуры // Прошлое – будущему: статьи и очерки / Д. С. Лихачёв. – Ленинград: Наука, 1985. – С. 49–63. – (Наука, мировоззрение, жизнь). – Текст: непосредственный.

60. Личный архив Т. П. Полякова. – «Дом Гоголя» или «Загадки Гения»: (сценарий музейной экспозиции Центральной городской библиотеки-мемориального центра «Дом Гоголя») / отв. исп. Т. П. Поляков. – Москва: [б.и.], 2008. – 55 с. – Электрон. текстовые дан. (объем 402 Кб). – Текст: электронный.

61. Личный архив Т. П. Полякова. – «Дом Паустовского»: Сценарная концепция экспозиции Московского литературного музея-центра К. Г. Паустовского: (Москва, ул. Кузьминская, дом 8) / [Т. П. Поляков]; ГБУК г. Москвы «Московский литературный музей-центр К. Г. Паустовского». – Москва: [б.и.], 2011. – 26 с. – Электрон. текстовые дан. (объем 191 Кб). – Текст: электронный.

62. Личный архив Т. П. Полякова. – «Звездный путь Александра Чижевского» или «Возвращение в Калугу»: (сценарий стационарной экспозиции в доме-музее А. Л. Чижевского, г. Калуга) / отв. исп. Т. П. Поляков; ФГУК «Государственный музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского». – Калуга; Москва: [б.и.], 2008. – 33 с. – Электрон. текстовые дан. (объем 171 Кб). – Текст: электронный.

63. Личный архив Т. П. Полякова. – Сценарная концепция системы экспозиций Культурного центра «Дом Булата Окуджавы»: (Арбат, Плотников переулок, дом 21) / Т. П. Поляков; Региональный общественный фонд Булата Окуджавы. – Москва: [б.и.], 2008. – 25 с. Электрон. текстовые дан. (объем 132 Кб). – Текст: электронный.

64. Львов, К. И. Рабочее место посетителя в технико-экономическом музее / К. И. Львов. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1933. – № 3. – С. 17–32.

65. Мансуров, А. Место научно-исследовательской работы в музеях / А. Мансуров. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1931. – № 3. – С. 32–37.

66. Маст, И. И. Забытые детские игры / И. И. Маст; Гос. ист. заповедник «Горки Ленинские». – Москва: ГИМЗ «Горки Ленинские», 2012. – 48 с. – Текст: непосредственный.

67. Меньшой, А. Об «Обряде русской народной свадьбы» / А. Меньшой. – Текст: непосредственный // Жизнь искусства: художественно-литературный театральный журнал / глав. ред. Г. Адонц. – Ленинград: Теа-кино-печать, 1918–1929. – 1924. – № 9. – С. 5–7.

68. Мертваго, А. П. В чужих краях: [Поездка на Париж. выставку] / А. П. Мертваго. – Санкт-Петербург: тип. И. Гольдберга, 1901. – 76 с. – Текст: непосредственный.

69. Метеопост «Мелихово» [сайт]. – 2024. – URL: <http://metemelikhovo.ru/> (дата обращения: 19.03.2024). – Текст: электронный.

70. Милюков, П. Очерки по истории русской культуры / П. Милюков. – Ч. I. Население, экономический, государственный и сословный строй. –

3-е изд., исп. и доп. – Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1898. – 228 с. – Текст: непосредственный.

71. Миронов, А. А. Из жизни археологических учреждений / А. А. Миронов. – Текст: непосредственный // Исторический вестник: ежемесячный историко-литературный журнал. – Санкт-Петербург, 1880–1917. – Т. 116. – № 6. – С. 1027–1036.

72. Морозов, К. К. Из практики создания опытного примузейного участка с живыми коллекциями растений и о культурно-массовой работе на участке / К. К. Морозов, К. М. Бухарина. – Текст: непосредственный // Вопросы музейного дела. – Москва: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1952. – С. 81–93.

73. Морозов, М. Н. Скандинавский этнографический музей Швеции под открытым небом / М. Н. Морозов. – Текст: непосредственный // Советская этнография. – 1960. – № 5. – С. 102–109.

74. Музеи и выставки Москвы и Подмосковья / сост. К. А. Ворчинская; НИИ краеведческой и музейной работы. – 3-е изд. – Москва: Тип. «Кр. Печатник», 1947. – 128 с. – Текст: непосредственный.

75. Музей Ивановской промышленной области / Текст: непосредственный // Советский музей. – 1931. – № 1. – С. 110–112.

76. Музей и время. Государственный исторический музей-заповедник «Горки Ленинские»: вехи истории Государственного исторического музея-заповедника «Горки Ленинские» в документах и фотографиях: к 70-летию решения о создании Дома-музея В. И. Ленина в Горках и 60-летию его открытия для массового посещения / [авт.-сост. Г. А. Наумова, Е. Н. Савинова, Т. В. Шубина]. – Москва: [б.и.], 2009. – 224 с. – Текст: непосредственный.

77. Музей крестьянского быта Латвии XVII–XIX веков (Рига). [Путеводитель] / М-во культуры Латв. ССР. Гос. музей крестьянского быта Латвии XVII–XIX вв. – Рига: [б.и.], 1958. – 33 с. – Текст: непосредственный.

78. Музей крестьянского быта / Сост. И. И. Маст. – Москва: Городец, 2004. – 112 с. – Текст: непосредственный.

79. Музей русского импрессионизма [сайт]. – 2024. – URL: <https://www.rusimp.su/> (дата обращения: 18.04.2024). – Текст: электронный.

80. Музейный комплекс «Бугрово» // Музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» [офиц. сайт]. – 2024. – URL: <https://www.pushkinland.ru/2018/reserve/res4.php> (дата обращения: 19.03.2024). – Текст: электронный.

81. Музей-заповедник «КИЖИ»: 40 лет / Гос. ист.-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь»; [текст: Б. А. Гуцин и др.]. – Петрозаводск: Scandinavia, 2006. – 197, [4] с. – Музей-заповедник «Кижь» [офиц. сайт]. – 2024. – URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/kizhi-40/413.html> (дата обращения: 17.03.2024). – Текст: электронный.

82. Музей-заповедник «Красная Горка» [офиц. сайт]. – 2024. – URL: <https://redhill-kemerovo.ru/> (дата обращения: 18.04.2024). – Текст: электронный.

83. Муратов, П. П. Образы Италии / П. П. Муратов. – Москва: Научное слово, 1911–1912. – [Ч. 1]. Венеция; Путь к Флоренции; Флоренция; Города Тосканы. – 1911. – 265 с. – [Ч. 2]. Рим; Неаполь и Сицилия. – 1912. – 159 с. – Текст: непосредственный.

84. Нагибина, М. П. Королевский ботанический сад в Кью / М. П. Нагибина. – Текст: непосредственный // Русская мысль. – Г. 32. Кн. II. – Москва: тип. Т-ва Кушнерев и Ко, 1911. – С. 161–172.

85. Налимов, В. К этнологии Коми (наброски) / В. Налимов. – Текст: непосредственный // Коми Му – Зырянский Край: экономический и краеведческий журнал. – 1924. – № 3. Май. – С. 43–50.

86. Никитин, В. А. Храмовое действо как синтез искусств: П.А.Флоренский и Н.Ф.Федоров / В. А. Никитин. – Текст: непосредственный // Экология культуры. Теоретические и проектные проблемы: сб. науч. тр. / М-во культуры РФ, Рос. акад. наук, НИИ культуры, Центр гуманитар. исслед. и прогр. «Путь»; Отв. ред. О. И. Генисаретский. – Москва: НИИК, 1991-. – Вып. 1. – 1992. – С. 16–30. – ISBN 5-7196-0023-X.

87. Никитин, В. А. Храмовое действо как синтез искусств. Священник Павел Флоренский и Николай Федоров / В. А. Никитин. – Текст: непосредственный // Вестник русского христианского движения / отв. ред. Н. А. Струве. – Москва, 1926–2004. – 1988. – № 153. – С. 40–56.

88. Новая деревня // Музей-заповедник «Шушенское» [офиц. сайт]. – 2024. – URL: <https://shush.ru/newvillage/> (дата обращения: 19.03.2024). – Текст: электронный.

89. Обзор Московской Политехнической Выставки 1872 года [приложение № 1] // Всеобщий календарь: 1873. – Санкт-Петербург: изд. Германа Гоппе, [1872]. – LXIV, 554, 24 с. – Текст: непосредственный.

90. Основы советского музееведения / [Ред. коллегия: П. И. Галкина и др.]; М-во культуры РСФСР; НИИ музееведения. – Москва: Госкультпросветиздат, 1955. – 375 с. – Текст: непосредственный.

91. Орлова, А. Н. Опытный плодово-ягодный участок Кяхтинского краеведческого музея и его массовая агротехническая пропаганда / А. Н. Орлова, Р. Ф. Тугутов. – Текст: непосредственный // Вопросы музейного дела. – Москва: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1952. – С. 94.

92. О задачах «Советского музея» / Редкол. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1931. – № 1. – С. 5.

93. Парк живой истории «Федюхины высоты» [сайт]. – 2024. – URL: <https://feduhypark.ru/> (дата обращения: 14.04.2024). – Текст: электронный.

94. Партизанская деревня // ЦВППКиО ВС РФ «Патриот» [офиц. сайт]. – 2024. – URL: <https://parkpatriot.ru/obekty/partizanskaya-derevnya/> (дата обращения: 19.03.2024). – Текст: электронный.

95. Письма и записки / К. П. Победоносцев и его корреспонденты; с предисловием М. Н. Покровского. – Москва; Петроград: Государственное изд-во, 1923. – 439 с. – Текст: непосредственный.

96. Питомник ездовых собак и этно-культурный центр «Нюлтен» [сайт]. – 2024. – URL: <https://nulten.ru/> (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.

97. Поляков, Т. П. Сценарий экспозиции «Сокровища Успенского монастыря» / Т. П. Поляков. – Текст: непосредственный // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения: информ. сб. / РГБ, Информкультура. – Москва: РГБ, 1990–2003. – 1990, вып. 6. – С. 72–82.

98. Поляков, Т. П. Последняя тайна гения, или как Гоголь пришел в Пандемониум (Ч. 1) / Т. П. Поляков. – Текст: непосредственный // Музей: журнал / учред. Некоммерческое партнерство «Издательский дом “Просвещение”». – Москва: Наука и культура, 2005-. – 2009. – № 7. – С. 60–67.

99. Поляков, Т. П. Последняя тайна гения, или как Гоголь пришел в Пандемониум (Ч. 2) / Т. П. Поляков. – Текст: непосредственный // Музей. – 2009. – № 11. – С. 28–37.

100. Поляков, Т. П. «Дом Булата Окуджавы» на Арбате: сценарная концепция системы экспозиций культурного центра / Т. П. Поляков. – Текст: непосредственный // Вестник РГГУ = RGGU bulletin: ежемесячный науч. журнал / Российский гос. гуманитарный ун-т. – Москва: РГГУ, 1996–2015. – 2009. – № 15(9). – С. 316–332.

101. Продолжаем разговор: «Нужны новые подходы» / Редкол. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1989. – № 6. – С. 30–32.

102. Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею / Моск. публич. и Румянцев. музеи. – Новое, испр. и доп. изд. – Москва: Тип. К. Л. Меньшова, 1905. – 64 с. – Текст: непосредственный.

103. Путеводитель по Московской этнографической выставке. – Москва: [б.и.], 1867. – 35 с. – Текст: непосредственный.

104. Путешествуем по родному краю #КультураВдоме33# // Официальное сообщество МУК КДО «Родина» Краснобогатырский Дом Культуры [сайт]. – Запись от 28.04.2020. – URL: https://m.ok.ru/group/55579957854458/topic/151525217960954?&__dp=y (дата обращения: 13.04.2024). – Текст: электронный.

105. Размустова, Т. Требуется личность... / Т. Размустова. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1991. – № 3. – С. 2–5.

106. Рерих, Н. По старине / Н. К. Рерих. – Текст: непосредственный // Городское дело. – Санкт-Петербург, 1909–1918. – 1909. – № 6 (15 марта). – С. 41–44.

107. Рихтер, В. А. Музей живых бактериальных культур при Пермском Бактериологическом Институте / В. А. Рихтер. – Текст: непосредственный // Пермский Бактериологический Институт. 1897–1922 г.: сб. работ и исторический очерк развития и деятельности за двадцатилетие. – Пермь: 1-я Государственная типография, 1922. – С. 19–24.

108. Розенталь, И. Что и как «пропагандировать»? (Обсуждаем статью «Нужны новые подходы») / И. Розенталь. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1990. – № 1. – С. 10–16.

109. Российская Федерация. Законы. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федер. закон N 54-ФЗ от 26.05.1996 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). – КонсультантПлюс [сайт]. – 2024. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ca87cfd187048d9e8949248e19b86b9273a38778/ (дата обращения: 06.04.2024). – Текст: электронный.

110. Российская Федерация. Законы. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федер. закон N 73-ФЗ от 25.06.2002 (последняя редакция). – КонсультантПлюс [сайт]. – 2024. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.

111. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»: Федер. закон N 19-ФЗ от 23.02.2011. – КонсультантПлюс [сайт]. – 2024. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110917/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 06.04.2024). – Текст: электронный.

112. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 623. – Л. 2. [Письмо Ю. М. Соколова В. Н. Всеволодскому, 1931].

113. РГАЛИ. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 3101. – 5 л. [Соколов Б. М. Народные русские верования, культ и обряды, как предмет музейной экспозиции].

114. РГАЛИ. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 3120. – 24 л. [Соколов Б. М. О Московском этнопарке].

115. РГАЛИ. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 3121. – 49 л. [Доклад «Этнографические музеи под открытым небом в Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании»].

116. РГАЛИ. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 3137. – 10 л. [Проспект книги. «Музеи под открытым небом в Скандинавии и будущее этнопарк в Москве» и одноименная статья].

117. РГАЛИ. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 3172. – 1 л. [Проект организации продажи кустарных изделий народов СССР в парке «Культуры и отдыха»].

118. РГАЛИ. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 3381. – 12 л. [Григорьев С. П. Объяснительная записка к плану организации этнопарка на территории парка культуры и отдыха].

119. РГАЛИ. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 3411. – 22 л. [Материалы к путеводителю по этнопарку].

120. Севкабель Порт [сайт]. – 2024. – URL: <https://sevcableport.ru/ru> (дата обращения: 18.04.2024). – Текст: электронный.

121. Сельский туризм в Кенозерье // Кенозерский национальный парк [офиц. сайт]. – 2024. – URL: <http://www.kenozero.ru/mestnym->

zhitelyam/mestnym-zhitelyam/vozmozhnosti-dlya-razvitiya/selskiy-turizm-v-kenozere/ (дата обращения: 16.04.2024). – Текст: электронный.

122. Семёнов. Хохломская роспись [сайт]. – 2024. – URL: <https://goldenohloma.com/> (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.

123. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. Географическое изучение природы СССР / В. П. Семёнов-Тянь-Шанский. – Текст: непосредственный // Наука и техника СССР, 1917–1927 = Science et technique dans L'URSS, 1917–1927 / под ред. А. Ф. Иоффе, Г. М. Кржижановского, М. Я. Лапирова-Скобло, А. Е. Ферсмана. – Т. 3. – Москва: Работник Просвещения, 1928. – С. 385–407.

124. Сивохина, А. В музее-заповеднике «Томская Писаница» открылся необычный архитектурный комплекс / А. Сивохина. – Текст: электронный // Региональное информационное агентство «Кузбасс» [сайт]. – 26.05.2023. – URL: <https://kuzbass.media/2023/05/26/9684.html?ysclid=lvv45tqtzt96535102> (дата обращения: 01.04.2024).

125. С-кий. Из опыта массовой работы Артиллерийского исторического музея РККА в Ленинграде / С-кий. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1931. – № 6. – С. 97–100.

126. Смирнов, И. Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики / И. Н. Смирнов. – Текст: непосредственный // Исторический вестник. – 1892. – Г. 13. Март [Т. 47]. – С. 752–765.

127. Смирнов, В. Население Костромского края в прошлом и настоящем / В. Смирнов. – Текст: непосредственный // Прошлое и настоящее костромского края: [сб. ст.] / Костромск. губ. испол. ком.; Предисл.: И. Чернядьев. – Кострома: [б. и.], 1926 (типо-лит. «Северная правда»). – С. 59–90.

128. Соколов, Б. М. Этнография в СССР / Б. М. Соколов. – Текст: непосредственный // Известия. – 1927. – № 8. – С. 3.

129. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. – [Вып. 6]: Владимирская губерния ... по сведениям 1859 года / обраб. ст. ред. М. Раевским. – 1863. – ЛП, 283 с. – Государственная публичная историческая библиотека, 1863–2023. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/16016-vyp-6-vladimirskaya-guberniya-po-svedeniyam-1859-goda-1863#mode/grid/page/236/zoom/1> (дата обращения: 10.04.2024). – Текст, изображения: электронные.

130. СССР. ВЦИК и СНК РСФСР. – О музейном строительстве в РСФСР (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20/VIII 1928 г.) // Известия ЦИК и ВЦИК от 3/X 1928 г. № 230. – Электронная библиотека исторических документов [сайт] / Российское историческое общество. – 2024. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136669-o-muzeynom-stroitelstve-v-rsfsr-postanovlenie-vtsik-i-snk-rsfsr-ot-20-viii-1928-g> (дата обращения: 30.03.2024). – Текст: электронный.

131. СССР. Совет Министров. – О мерах улучшения охраны памятников культуры: Постановление Совета министров СССР № 3898 [от 14 октября 1948 г.]. – Москва: типолит. Музгиза, 1949. – 12 с. – Текст: непосредственный.

132. Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2014. – 511 с. – (Сер. КА «Кунсткамера – Архив» = КА Series «Kunstkamera – Archives» / Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Абердинский ун-т (Шотландия, Великобритания); т. 7). – ISBN 978-5-88431-266-1. – Текст: непосредственный.

133. Суздальцев, А. Краткий обзор истории Туркестана (Турана) / А. Суздальцев. – Текст: непосредственный // Туркестан и сопредельные страны (Бухара, Кашгар, Афганистан, Персия и Хива) / под ред. Ю. Ю. Рустейко и П. М. Войтик. – Самара: Типография политотдела Туркфронта, 1919. – С. 88–98.

134. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. – Концепция музеефикации и сюжетно-тематическая структура экспозиционного пространства береговой (уличной) территории военно-исторического музейно-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров Фортов»: (г. Кронштадт, Санкт-Петербург, о. Котлин, Цитадельское шоссе). / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, С. А. Мозговой]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва: [б.и.], 2020. – 91 с. – Электрон. текстовые дан. (объем 319 Кб). – Текст: электронный.

135. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. – Концепция музеефикации и сюжетно-тематическая структура экспозиционного пространства трех фортов г. Кронштадта – «Петр I», «Александр I» и «Кроншлот»: (часть военно-исторического музейно-паркового комплекса «Кронштадт. Остров фортов») / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, О. Ю. Нельзина]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва: [б.и.], 2020. – 109 с. – Электрон. текстовые дан. (объем 368 Кб). – Текст: электронный.

136. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. – Концепция развития Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный исторический музей-заповедник “Горки Ленинские”» до 2025 года / Гос. ист. муз.-заповедник «Горки Ленинские»; [авторский кол.]. – Горки Ленинские: Гос. ист. муз.-заповедник «Горки Ленинские», 2019. – 143 с. – Текст: электронный.

137. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. – Концепция системы экспозиций Музея истории ВМФ России и сюжетно-тематическая структура

стационарной экспозиции «Московская летопись Военно-морского флота России»: (Москва, Музейно-парковый комплекс «Северное Тушино») / [Ю. В. Ермаков, Т. П. Поляков, Т. А. Зотова]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва: [б.и.], 2021. – 302 с. – Электрон. текстовые дан. (объем 640 Кб). – Текст: электронный.

138. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. – Общая концепция музеефикации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки (Музей-заповедник «Горки Ленинские», Московская область) / авт. Зотова Т. А., при участ. Полякова Т. П.; Гос. ист. муз.-заповедник «Горки Ленинские». – Горки Ленинские: [б.и.], 2021. – 46 с. – Электрон. текстовые дан. (объем 915 Кб). – Текст: электронный.

139. Текущая документация Центра экспозиционно-выставочной деятельности (музеев) Института Наследия. – Сценарий (сценарная концепция и сюжетно-тематическая структура) стационарной экспозиции «Военно-морской флот России» в центральном здании Военно-исторического музейно-паркового комплекса проекта «Кронштадт. Остров фортов»: (г. Кронштадт, Санкт-Петербург, о. Котлин) / [Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, С. А. Мозговой]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва: [б.и.], 2020. – 216 с. – Электрон. текстовые дан. (объем 727 Кб). – Текст: электронный.

140. Троице-Сергиева лавра: [сб.] / Р.С.Ф.С.Р. Народный комиссариат по просвещению. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. –Сергиев Посад: Типография И. Иванова, 1919. – 155 с.

141. Труды Первого Всероссийского музейного съезда. – Москва; Ленинград: Наркомпрос РСФСР. Гос. учебно-педагог. изд-во, 1931. – Т. 1: Протоколы пленарных заседаний 1–5 декабря 1930 г. – 241 с. – Текст: непосредственный.

142. Учанева, Л. С. Храмовое действо: религиозно-художественный катарсис / Л. С. Учанева. – Текст: непосредственный // Из истории русской эстетической мысли: межвузовский сб. науч. тр. – Санкт-Петербург: «Образование», 1993. – С. 4–14.

143. Федоров, Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Собрание сочинений: в 4-х тт. / Н. Ф. Фёдоров; сост., подготовка текста и коммент. А. Г. Гачевой и С. Г. Семёновой. – Москва: Издат. группа «Прогресс», 1995–1999. – Т. I. – 1995. – С. 35–308. – (Библиотека журнала «Путь»). – ISBN 5-01-004037-9. – Текст: непосредственный.

144. Федоров, Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собрание сочинений: в 4-х тт. / Н. Ф. Фёдоров; сост., подготовка текста и коммент. А. Г. Гачевой и С. Г. Семёновой. – Москва: Издат. группа «Прогресс», 1995–

1999. – Т. II. – 1995. – С. 370–437. – (Библиотека журнала «Путь»). – ISBN 5-01-004037-9. – Текст: непосредственный.

145. Фигнер, В. Н. Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925) / В. Н. Фигнер. – Москва: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1925. – 16 с. – (Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка»; № 33). – Текст: непосредственный.

146. Филиппов, А. И. Принципы организации местных музеев / А. И. Филиппов. – Текст: непосредственный // На новых путях краеведной работы: сб. ст. под ред. А. И. Дзенс-Литовского и К. П. Ягодовского. – Ленинград: Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование», 1926. – С. 68–90.

147. Фирсов, Н. Д. О типе музея новостройки / Н. Д. Фирсов. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1933. – № 3. – С. 8–16.

148. Флоренский, П. А. Храмовое действо как синтез искусств / П. А. Флоренский. – Текст: непосредственный // Маковец: журнал искусств. – Москва: «Млечный путь», 1922. – № I. – С. 28–32.

149. Флоренский, П. А. Собрание сочинений. У водоразделов мысли. – [Т.] I. Статьи по искусству / Свящ. Павел Флоренский; под общ. ред. Н. А. Струве. – Paris: YMCA-PRESS, 1985. – 398, [1] с. – ISBN 2-85065-076-5. – Текст: непосредственный.

150. Флоренский, П. А. Храмовое действо как синтез искусств / П. А. Флоренский. – Текст: непосредственный // Архитектура и строительство Москвы: науч.-популярный журнал. – Москва: АиСМ, 1952-. – 1988. – № 6. – С. 18–20.

151. Флоренский, П. Храмовое действо как синтез искусств / П. А. Флоренский. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1989. – № 4(108). – С. 65–69.

152. Флоренский, П. А. Сочинения: в 4 т. / священник Павел Флоренский; [сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубочёва) и др.]. – Москва: Мысль, 1994–1999. – Т. 2. – 1996. – 878, [1] с. – (Философское наследие: ФН). – ISBN 5-244-00241-4. – Текст: непосредственный.

153. Флоренский, П. А. Проект музея Троице-Сергиевой Лавры, составленный членами Комиссии по охране Троице-Сергиевой Лавры, профессорами П. А. Флоренским и П. Н. Каптеревым по поручению комиссии // Собрание сочинений / священник Павел Флоренский; [сост. игумена Андроника (А. С. Трубочёва)]. – Москва: Мысль, 2000-. – [Т. 1]: Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – Т. 131. – 2000. – С. 52–65. – (Философское наследие: ФН). – ISBN 5-244-00955-9. – Текст: непосредственный.

154. Фролов, А. И. Живой российский музей: от прошлого к будущему / А. И. Фролов. – Текст: непосредственный // Музей и демократия: сер. электронных изд. MUSEUM PRO. Вып. 1.0 / [Отв. ред. Н. А. Никишин]. – Москва: б.и., 1997. – С. 109–114.

155. Харузин, Н. Н. Среди новоселов (от Барнаула до Костина Лога) / Н. Н. Харузин. – Текст: непосредственный // Русская мысль. – Г. 18. Март. – Москва: тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1897. – С. 18–44.

156. Храпов, П. Н. Музей на улице / П. Н. Храпов. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1931. – № 4. – С. 40–47.

157. Центр «Винзавод» [сайт]. – 2024. – URL: <https://winzavod.ru/> (дата обращения: 18.04.2024). – Текст: электронный.

158. Чурсин, Г. Ф. Население / Г. Ф. Чурсин. – Текст: непосредственный // Закавказье. Советские республики: Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия, Аджаристан, Юго-Осетия, Наг. Карабах, Нахичевань: статистико-экономический сб. – Издание высшего экономического совета З.С.Ф.С.Р., 1925. – С. 141–158.

159. Шнеерсон, Н. А. Об опытно-показательных учреждениях при краеведческих музеях / Н. А. Шнеерсон. – Текст: непосредственный // Советский музей. – 1931. – № 4. – С. 48–52.

160. Эко-индустриальный технопарк «Старый Демидовский завод» // Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» [офиц. сайт]. – 2024. – URL: https://museum-nt.ru/content/visit/museum/museum.php?ELEMENT_ID=39 (дата обращения: 18.04.2024). – Текст: электронный.

Литература:

161. Абрамова, П. В. Роль В.М.Кимеева в проектировании и создании этнографических музеев под открытым небом в Кузбассе / П. В. Абрамова (Глушкова), Т. И. Кимеева. – Текст: электронный // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2021. – Вып. 13. – С. 41–49. – DOI 10.24412/2411-7838-2021-13-41-49; EDN DVEIUR.

162. Аксеничев, О. А. Философия музея Н.Ф.Фёдорова / О. А. Аксеничев. – Текст: непосредственный // Музейное дело. – [Вып. 21]: Музей – культура – общество / [Сост. М. Б. Гнедовский, О. Л. Климашевская]. – 1992. – С. 91–101.

163. Алексеева, Л. С. Музееведческие идеи священника Павла Флоренского в современной деятельности музеев Кемеровской области / Л. С. Алексеева. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы социокультурных исследований: сб. науч. ст. по итогам Межрегиональной науч.-практич. конф. аспирантов и соискателей, Кемерово, 17–21 февраля 2014 г. – Вып. 10. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2014. – С. 292–299. – ISBN 978-5-8154-0285-0; EDN YPXYWC.

164. Алексеева, Л. С. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев / Л. С. Алексеева, Л. В. Оленич. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств = Vestnik

of Kemerovo state university of culture and arts: журнал теоретич. и прикладн. исследований / учред. Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово, 2006-. – 2017. – № 41–2. – С. 111–121. – EDN YKHIZB.

165. Алексеева, Л. С. Деятельность церковных музеев Сибири по сохранению историко-культурного наследия / Л. С. Алексеева, А. В. Горбатов. – Текст: электронный // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 32. – С. 101–108. – DOI 10.17223/22220836/32/11; EDN YSQYRV.

166. Алексеева, Л. С. Генезис и трансформация деятельности церковных музеев Сибири по сохранению православного наследия: 24.00.03: автореф. дис. ... канд. культурологии / Алексеева Лариса Сергеевна; Кемеров. гос. ин-т культуры. – Кемерово, 2022. – 23 с. – Текст: непосредственный.

167. Алешина, Т. А. Музей как феномен культуры: 24.00.01: дис. ... канд. филос. наук / Алешина Татьяна Александровна; Южно-рос. гос. технич. ун-т (НПИ). – Ростов-на-Дону, 1999. – 142с. – Текст: непосредственный.

168. Ан, С. А. Музей как феномен культуры в философской и общественной мысли России рубежа XIX – XX вв. / С. А. Ан, С. Р. Хмырова. – Текст: электронный // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры: мат. Всерос. науч.-практ. конф., Липецк, 27–28 января 2023 г. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П.Семенова-Тян-Шанского, 2023. – С. 3–9. – ISBN 978-5-16-018391-6; EDN JUYNHZ.

169. Ананьев, В. Г. История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты: [монография] / В. Г. Ананьев. – Москва: Памятники ист. мысли, 2018. – 390, [1] с. – ISBN 978-5-88451-369-3. – Текст: непосредственный.

170. Андреева, Т. Забытый эксперимент (из истории Этнографического театра) / Т. Андреева, О. Сомова. – Текст: непосредственный // Советская этнография. – 1985. – № 2. – С. 83–90.

171. Андреева, И. В. Музеология в дискурсе документности: опыты философской рефлексии конца XIX – первой трети XX века / И. В. Андреева. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2021. № 54. – С. 32–42. – DOI 10.31773/2078-1768-2021-54-32-42; EDN ZXNHJN.

172. Антюфеева, О. А. Архитектурно-градостроительные основы экспонирования объектов археологического наследия: учеб. пособие / О. А. Антюфеева, О. В. Душко, Г. А. Птичникова; М-во науки и высш. образования РФ, Волгоградский гос. технич. ун-т. – Волгоград: ВолгГТУ, 2018. – 230 с. – ISBN 978-5-9948-3042-0. – Текст: непосредственный.

173. Армеева, Л. А. Иконописная школа Троице-Сергиевой лавры в контексте возрождения традиционного иконописания: середина XVIII – начало XXI вв.: 17.00.09: дис. ... канд. искусствоведения / Армеева Людмила Алексеевна; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена. – Череповец, 2013. – 228 с. – Текст: непосредственный.

174. Арнольдов, А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии / А. И. Арнольдов. – Текст: непосредственный // Культура, человек и картина мира: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т философии; Отв. ред. А. И. Арнольдов, В. А. Кругликов. – Москва: Наука, 1987. – С. 5–27.

175. Баллер, Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие / Э. А. Баллер; отв. ред. Н. С. Злобин. – Москва: Наука, 1987. – 158, [2] с. (Научно-популярная литература. История и современность). – Текст: непосредственный.

176. Барсков, Д. Хроника развития Мишеронского завода Костеревых / Д. Барсков, А. Кожевников. – Архивная ссылка: The Wayback Machine [сайт]. – 10.10.2010–16.09.2016. – URL: <https://web.archive.org/web/20101010041257/http://www.shaturyane.ru/settlement-s-misheronsky-glassworks.php> (дата обращения: 14.04.2024). – Текст: электронный.

177. Бахтина, В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых: (Достоинство и превратности науч. знания) / В. А. Бахтина; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. – Москва: Наследие, 2000. – 334, [1] с. – ISBN 5-201-13329-0. – Текст: непосредственный.

178. Батищев, Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев. – Текст: непосредственный // Проблема человека в современной философии / Ред. кол.: И. Ф. Балакина [и др.]. – Москва: Наука, 1969. – С. 73–144.

179. Бенедиктов, Н. А. Музей как транслятор ценностей / Н. А. Бенедиктов, А. А. Трусов. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Сер.: Социальные науки. – 2008. – № 3(11). – С. 121–129. – EDN KPSYBV.

180. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два филос. введ. в двадцать первый век / В. С. Библер. – Москва: Политиздат, 1991. – 412, [1] с. – ISBN 5-250-00739-2. – Текст: непосредственный.

181. Божок, Н. С. Движение военно-исторической реконструкции как феномен молодежной культуры: 22.00.06: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Божок Николай Сергеевич; Саратов. гос. техн. ун-т им. Ю.А.Гагарина. – Саратов, 2013. – 19 с. – Текст: непосредственный.

182. Бокарева, О. Б. Коломенское в 1900–1920-х годах / О. Б. Бокарева. – Текст: электронный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 8(47). – С. 24–29. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-10924.

183. Бонами, З. А. Н.Ф.Фёдоров и западная музеологическая традиция. Диалоги / З. А. Бонами. – Текст: электронный // Музей – памятник – наследие. – 2017. – № 1. – С. 127–136.

184. Бонами, З. А. Незримый диалог: музейный проект Н.Ф.Фёдорова в контексте западноевропейской философии, музеологии и художественной критики / З. А. Бонами. – Текст: непосредственный // Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903): сб. науч. ст. / РГБ, Ин-т мировой литературы, Музей-библиотека Н.Ф.Федорова; [сост.: А. Г. Гачева,

М. М. Панфилов; отв. ред. А. Г. Гачева]. – Москва: Академический проект, 2018. – С. 565–572. – ISBN 978-5-8291-1972-0.

185. Бондарь, К. О. Колониальный Уильямсбург: оживший город и живой музей / К. О. Бондарь, А. С. Богатырева. – Текст: электронный // Иностранные языки в современном мире: Мат. Междунар. студенч. науч.-практич. конф., Ростов-на-Дону, 25 апреля 2019 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2019. – С. 12–15. – ISBN 978-5-7972-2031-2; EDN IXZYPC.

186. Варин, Ю. Термин и его значение / Ю. де Варин. – Текст: непосредственный // MUSEUM (Museum International) / ICOM. – 1985. – № 4(148): Экомuzeи. – С. 5.

187. Веденин, Ю. А. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России / Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин. – Текст: непосредственный // Известия РАН. Сер. географическая. – 1992. – № 3. – С. 90–99.

188. Веденин, Ю. А. Концепция культурного ландшафта как основа формирования системы особо охраняемых территорий / Ю. А. Веденин. – Текст: непосредственный // Мат. III науч.-практич. конф. «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия» (Бородино, 28–29 окт. 1998 г.): сб. ст. – Москва: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева, 1999. – С. 6–19. – ISBN 5-86443-047-1.

189. Веденин, Ю. А. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия / Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. – Текст: непосредственный // Известия РАН. Сер. географическая. – 2001. – № 1. – С. 7–14.

190. Веденин, Ю. А. Роль информации при формировании культурного ландшафта на охраняемых историко-культурных территориях / Ю. А. Веденин. – Текст: непосредственный // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: мат. Седьмой Всерос. науч. конф. (Бородино, 18–21 ноября 2002 г.): сб. науч. ст. / [Сост. А. В. Горбунов, Г. А. Зайцева]. – Москва: Институт Наследия, 2003. – С. 5–20. – ISBN 5-86443-094-3.

191. Веденин, Ю. А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России / Ю. А. Веденин. – Текст: непосредственный // Культурный ландшафт как объект наследия / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, РАН, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачева; [Андреева Е. Д. и др.]; под. ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – Москва: Институт Наследия; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004 (Тула: ИПП Гриф и Ко). – С. 338–382. – ISBN 5-86443-110-9.

192. Веденин, Ю. А. Культурно-ландшафтная дифференциация территории Кенозерского национального парка / Ю. А. Веденин, Д. В. Тормосов. – Текст: непосредственный // Культурный ландшафт как объект наследия / Под. ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой.

– Москва: Институт Наследия; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004 (Тула: ИПП Гриф и Ко). – С. 425–445.

193. Велитченко, В. В. Формат «живая история» как одно из перспективных направлений развития музеев / В. В. Велитченко. – Текст: непосредственный // Вопросы музеологии = The Issues of museology: междунар. науч. журнал / учред. С.-Петерб. гос. ун-т, Кафедра музеологии. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2013-. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 88–93. – DOI 10.21638/spbu27.2021.109; EDN MVBONS.

194. Власникова, М. А. Сохранение памятников христианской культовой архитектуры европейской части Российской Федерации во второй половине XX – начале XXI века: 24.00.03: дис. ... канд. культурологии / Власникова Мария Александровна; С.-Петерб. гос. ин-т культуры. – Санкт-Петербург, 2021. – 313 с. – Текст: непосредственный.

195. Волькович, А. Ю. Музейная экспозиция как семиотическая система: 24.00.03: автореф. дис. ... канд. культурологии / Волькович Анна Юрьевна; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусства. – Санкт-Петербург, 1999. – 23 с. – Текст: непосредственный.

196. Воронкова, Л. П. Мировоззрение П.А.Флоренского / Л. П. Воронкова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. – 1989. – № 1. – С. 70–81.

197. Всеволодская-Голушкевич, О. Первый Этнографический театр / О. Всеволодская-Голушкевич. – Текст: непосредственный // Советский балет. – 1990. – № 4. – С. 43–47.

198. Гаганова, М. А. Проекты и практики музеефикации Троице-Сергиевой Лавры в 1920–40-е гг.: 24.00.03: дис. ... канд. ист. наук / Гаганова Маргарита Александровна; РГГУ. – Москва, 2016. – 261 с. – Текст: непосредственный.

199. Гаганова, М. А. Троице-Сергиева Лавра и государственная культурная политика (1918–1941 гг.) / М. А. Гаганова. – Текст: непосредственный // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2013. – № 7(108). – С. 227–235.

200. Галинская, И. Л. Павел Флоренский об идее «живого музея» / И. Л. Галинская // Новая литература по культурологии: Дайджест. – Москва, 1995. – № 3. – С. 22–29. – Ирина Львовна Галинская [сайт]. – 2024. – URL: <http://ilgalinsk.narod.ru/articles/flor-mus.htm> (дата обращения: 14.03.2024). – Текст: электронный.

201. Герасименко, Е. Е. Музей в институционализации социальной памяти: 24.00.03: автореф. дис. ... канд. культурологии / Герасименко Елена Евгеньевна; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусства. – Санкт-Петербург, 2012. – 23 с. – Текст: непосредственный.

202. Глухарев, И. В. Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен: 24.00.04: автореф. дис. ... канд. культурологии / Глухарев Игорь Владимирович; Гос. академия славянской культуры. – Москва, 1999. – 21 с. – Текст: непосредственный.

203. Глушкова, П. В. Музеи под открытым небом: учеб. пособие: направление подготовки 51.03.04 (072300.62) «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»: профиль «Культурный туризм и экскурсионная деятельность» / П. В. Глушкова, В. М. Кимеев; М-во культуры РФ, Кемеров. гос. ин-т культуры. – Кемерово: Изд-во КемГИК, 2015. – 151 с. – ISBN 978-5-8154-0318-5. – Текст: непосредственный.

204. Глушкова, П. В. Актуализация календарной обрядности русских в деятельности музеев под открытым небом в Сибири: 24.00.03: автореф. дис. ... канд. культурологии / Глушкова Полина Валерьевна; Кемер. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово, 2015. – 22 с. – Текст: непосредственный.

205. Глушкова, П. В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия / П. В. Глушкова. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета = Bulletin of Kemerovo state university. – 2015. – № 1–1(61). – С. 59–63. – EDN TNKLNХ.

206. Гнедовский, Б. В. Памятники деревянного зодчества России в музеях под открытым небом: 12 старейших музеев народного зодчества и быта = Monuments of Wooden Arcitecture in the Open Air Museums in Russia. The 12 Oldest Museums of Vernacular Architecture and Traditional Lifestyle / Борис Гнедовский. – Москва: [б.и.], 2002. – 68, [1] с. – ISBN 5-901683-15-8. – Текст: непосредственный.

207. Головнев, И. А. «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова / И. А. Головнёв. – Текст: непосредственный // Этнография = Etnografia: науч. журнал / учред. МАЭ РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург, 2018-. – 2021. – № 3(13). – С. 244–263. – DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-244-263; EDN IRDCRO.

208. Горбунов, А. В. Предмет охраны и пути сохранения культурного ландшафта Бородинского поля / А. В. Горбунов. – Текст: непосредственный // Культурный ландшафт как объект наследия. – Москва: Институт Наследия; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004 (Тула: ИПП Гриф и Ко). – С. 503–531.

209. Грицкевич, В. П. История музейного дела до конца XVIII века / В. П. Грицкевич; М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004 (Тип. Турусел). – 406 с. – ISBN 5-94708-035-4. – Текст: непосредственный.

210. Грицкевич, В. П. История музейного дела конца XVIII – начала XX вв. [монография] / В. П. Грицкевич; М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. агентство по культуре и кинематографии, С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – Санкт-Петербург: [СПбГУКИ], 2007. – 335 с. – ISBN 978-5-94708-078-0. – Текст: непосредственный.

211. Грицкевич, В. П. История музейного дела в новейший период (1918–2000) / В. П. Грицкевич; М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т

культуры и искусств, 2009. – 151 с. – ISBN 978-5-94708-122-0. – Текст: непосредственный.

212. Давыдов, Ю. Н. Идиографический метод / Ю. Н. Давыдов // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. – Москва: Мысль, 2010. – ISBN 978-2-244-01115-9. – Электронная библиотека ИФ РАН [сайт]. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH7c503315983e7f8f24187c> (дата обращения: 25.03.2024). – Текст: электронный.

213. Драничкина, О. С. Искусство экспонирования под открытым небом: эволюция, типология, современная трансформация формы: 17.00.04: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Драничкина Ольга Сергеевна; Моск. гос. худож.-пром. ун-т им. С.Г.Строганова. – Москва, 2015. – 39 с. – Текст: непосредственный.

214. Дробышев, А. Н. Музейный парк как форма презентации археологического наследия: 24.00.03: автореф. дис. ... канд. культурологии / Андрей Николаевич Дробышев; Кемер. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово, 2011. – 24 с. – Текст: непосредственный.

215. Есаян, Э. А. Понимание культуры как деятельности в советской культурологии 60–80-х гг. XX в.: из истории отечественной культурологии: 24.00.01: дис. ... канд. культурологии / Есаян Эдгар Арамович; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2006. – 138 с. – Текст: непосредственный.

216. Жилияев, А. А. Музей Николая Федоровича Федорова / А. А. Жилияев. – Текст: непосредственный // Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903): сб. науч. ст. / [сост.: А. Г. Гачева, М. М. Панфилов; отв. ред. А. Г. Гачева]. – Москва: Академический проект, 2018. – С. 206–211.

217. Зайцева, Г. А. Основные положения Концепции сохранения и развития Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские» / Г. А. Зайцева, Р. М. Некрасов. – Текст: непосредственный // Музейный сборник / учред. Гос. ист. заповедник «Горки Ленинские». – Москва: [б.и.], 1997-. – Вып. 5. – 1999. – С. 3–9.

218. Зайцева, Г. А. Управление культурными и экологическими проектами музеев-заповедников: особенности, проблемы, перспективы / Г. А. Зайцева. – Текст: непосредственный // Мат. V Всерос. науч. конф. «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия»: сб. ст. – Москва: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева, 2001. – С. 40–45.

219. Закс, А. Б. Источники по истории музейного дела в СССР (1917–1941) / А. Б. Закс. – Текст: непосредственный // Очерки истории музейного дела в СССР: [сб. работ] / М-во культуры СССР, Науч.-исслед. ин-т культуры. – Москва: Советская Россия, 1957–1971. – Вып. VI. – 1968. – С. 5–53.

220. Земцов, В. Н. Российское движение военно-исторической реконструкции: основные тенденции последних десятилетий (на опыте

Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит») / В. Н. Земцов. – Текст: электронный // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. – 2020. – Вып. 23: Историческая память: генезис и проблемы преемственности. – С. 342–354. – DOI 10.26170/vvi20-01-29.

221. Златоустова, В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) / В. И. Златоустова. – Текст: непосредственный // Музей и власть: сб. науч. тр. [в 2 ч. / НИИ культуры] / Отв. ред. С. А. Каспаринская. – Москва: НИИК, 1991. – [Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.)]. – С. 226–298.

222. Злобин, Н. С. Культура и общественный прогресс / Н. С. Злобин. – Москва: Наука, 1980. – 303 с. – Текст: непосредственный.

223. Зотова, Т. А. Музей-заповедник «Горки Ленинские»: проблемы ребрендинга / Т. А. Зотова. – Текст: непосредственный // Культурное наследие России: науч.-информ. журнал / учред. Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва; Русский культурный центр. – Москва, 2013-. – 2019. – № 4(27). – С. 62–68. – DOI 10.34685/НИ.2019.27.4.009; EDN FJFCYY.

224. Зотова, Т. А. Концептуальные подходы к музеефикации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки в Музее-заповеднике «Горки Ленинские» (Московская область) / Т. А. Зотова, Т. П. Поляков. – Текст: электронный // Культурологический журнал / учред. Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва, 2010-. – 2021. – № 4(46). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/559.html&j_id=49 (дата обращения: 20.04.2024). – DOI 10.34685/НИ.2021.45.53.028; EDN KULLTS.

225. Зотова, Т. А. Технологии «живого музея» в современной музейной деятельности: постановка проблемы и задач исследования / Т. А. Зотова. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2021. – № 4(46). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/557.html&j_id=49 (дата обращения: 20.04.2024). – DOI 10.34685/НИ.2021.22.26.029; EDN ZMSYHA.

226. Зотова, Т. А. О новой «Концепции развития...» в контексте экспозиционно-выставочной деятельности Музея-заповедника «Горки Ленинские» / Т. А. Зотова, Б. В. Власов, О. В. Хромов. – Текст: непосредственный // Музейный сборник (вып. № 17): сб. науч. тр. / Гос. ист. муз.-заповедник «Горки Ленинские»; [под. ред. Власова Б. В., Зотовой Т. А.]. – Москва: Гос. ист. музей-заповедник «Горки Ленинские»; Типография Печатных Дел Мастер, 2021. – С. 148–175.

227. Зотова, Т. А. Особенности экспозиционно-выставочной деятельности современных музеев-заповедников: проблемы брендинга территории и пути их решения / Т. А. Зотова, О. Ю. Нельзина. – Текст: электронный // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: коллективная монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт [и др.]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва: Институт Наследия, 2021. – С. 261–325. – DOI 10.34685/НИ.2020.11.84.020; ISBN 978-5-86443-344-7.

228. Зотова, Т. А. Экспозиционные технологии «живого музея» как динамичная форма реконструкции исторически сложившихся видов деятельности / Т. А. Зотова. – Текст: электронный // Культурное наследие России. – 2022. – № 2(37). – С. 66–73. – DOI 10.34685/НН.2022.37.2.008; EDN HRGTLK.

229. Зотова, Т. А. «Оживление» истории как одна из тенденций развития современных исторических и военно-исторических музеев-заповедников в России / Т. А. Зотова. – Текст: непосредственный // Культурный код = Cultural Code: журнал Пермского гос. ин-та культуры. – Пермь, 2018-. – 2022. – № 3. – С. 36–48. – DOI 10.36945/2658-3852-2022-3-36-48; EDN RWZALH.

230. Зотова, Т. А. Музеи под открытым небом и музейно-парковые комплексы: генезис и подходы к классификации / Т. А. Зотова. – Текст: электронный // Журнал Института Наследия / учред. Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва, 2015. – 2022. – № 1(28). – URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/487.html> (дата обращения: 20.04.2024). – DOI 10.34685/НН.2022.38.36.009; EDN JFMJRE.

231. Зотова, Т. А. Экспозиционная деятельность музеев-заповедников как форма культурного брендинга / Т. А. Зотова. – Текст: электронный // Экспозиционная деятельность музеев-заповедников и современные музейные практики: проблемы брендинга территорий: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. – Электронное сетевое издание, Москва, 26–27 ноября 2020 г. – Москва: Институт Наследия, 2022. – С. 31–51. – ISBN 978-5-86443-399-7; EDN LTOSCVX.

232. Зотова, Т. А. Отечественный и зарубежный опыт в создании музеев под открытым небом и музейно-парковых комплексов / Т. А. Зотова. – Текст: электронный // Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы: коллективная монография [Электронное сетевое издание] / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт, О. Ю. Нельзина. – Москва: Институт Наследия, 2023. – С. 108–178. – DOI 10.34685/НН.2023.33.60.002; ISBN 978-5-86443-414-7.

233. Зотова, Т. А. Особенности и перспективы создания исторических (военно-исторических, культурно-исторических и т. п.) музейно-парковых комплексов / Т. А. Зотова. – Текст: электронный // Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы: коллективная монография [Электронное сетевое издание] / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт, О. Ю. Нельзина. – Москва: Институт Наследия, 2023. – С. 179–266.

234. Зотова, Т. А. Основные подходы к деятельности «живого музея»: культурологический анализ / Т. А. Зотова. – Текст: электронный // Культурное наследие России. – 2023. – № 1(40). – С. 85–93. – DOI 10.34685/НН.2023.40.1.011; EDN XNIDPB.

235. Зотова, Т. А. Зоны «живого музея» в военно-исторических экспозициях: теоретические аспекты и современная музейная практика /

Т. А. Зотова, А. В. Огороков. – Текст: электронный // Культурное наследие России. – 2023. – № 4. – С. 120–130. – DOI 10.34685/НН.2023.43.4.016.

236. Зотова, Т. А. Генезис концепции «живого музея» в российском музееведении / Т. А. Зотова. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 1. – С. 23–32. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/639.html&j_id=59 (дата обращения: 20.04.2024). – DOI 10.34685/НН.2024.49.61.003.

237. Зыков, А. В. Музееведческие взгляды Н.Ф.Фёдорова и современное музееведение: 24.00.03: автореф. дис. ... канд. культурологии / Зыков Андрей Викторович; Кемер. гос. акад. культуры и искусств. – Кемерово, 2004. – 23 с. – Текст: непосредственный.

238. Иваницкий, И. П. Сельскохозяйственные музеи капиталистической России (1861–1917 гг.) / И. П. Иваницкий. – Текст: непосредственный // Очерки истории музейного дела в СССР. – Вып. V. – 1963. – С. 276–326.

239. Иванова, О. А. Всероссийская этнографическая выставка 1867 года (исторический очерк) / О. А. Иванова. – Текст: непосредственный // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок: сб. [статей] / [Ред.-сост. д-р ист. наук А. И. Михайловская]. – Москва: [б. и.], 1972. – С. 99–142.

240. Иванова, Т. Г. История русской фольклористики XX века. 1900 – первая половина 1941 гг.: монография / Т. Г. Иванова; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009 (СПб.: ИПИ Искусство России). – 799 с. – ISBN 978-5-86007-609-9. – Текст: непосредственный.

241. Иконникова, С. Н. История культурологических теорий: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 020600 «Культурология» / С. Н. Иконникова. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва [и др.]: Питер, 2005 (ГП Техн. кн.). – 473 с. – (Учебное пособие). – ISBN 5-469-00310-8. – Текст: непосредственный.

242. Именнова, Л. С. Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы: 24.00.01: автореф. дис. ... д-ра культурологии / Именнова Любовь Сергеевна; Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – Москва, 2011. – 40 с. – Текст: непосредственный.

243. Ионова, О. В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928–1941 гг.) / О. В. Ионова. – Текст: непосредственный // Очерки истории музейного дела в СССР. – Вып. V. – 1963. – С. 84–118.

244. Ипполитова, А. Б. История музея народов СССР в Москве / А. Б. Ипполитова. – Текст: непосредственный // Этнографическое обозрение = Etnograficheskoe obozrenie: журнал / учред. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН. – Москва, 1992-. – 2001. – № 2. – С. 144–160.

245. Каган, М. С. Музей в системе культуры / М. С. Каган. – Текст: непосредственный // Вопросы искусствоведения: журнал Международной ассоциации искусствоведов. – Москва, 1993–1998. – 1994. – № 4. – С. 445–460.

246. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган; Акад. гуманитар. наук и др. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1996. 414, [1] с. – ISBN 5-86708-073-0. – Текст: непосредственный.

247. Калугина, Т. П. Художественный музей как феномен культуры / Т. П. Калугина. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2008. – 242, [1] с. – ISBN 978-5-9676-0146-5. – Текст: непосредственный.

248. Калуцков, В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения: учеб. пособие / В. Н. Калуцков; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Географический фак. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 96 с. – ISBN 5-211-04311-1. – Текст: непосредственный.

249. Каплунов, В. А. Архитектурный историко-этнографический комплекс «Русские Притомья» как новый социокультурный проект музея-заповедника «Томская Писаница» / В. А. Каплунов, Л. А. Скрябина. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 57–64.

250. Карпова, Г. Н. Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское» / Г. Н. Карпова, К. С. Самохвалова. – Текст: электронный // Символ науки. – 2016. – № 10–3. – С. 186–187.

251. Каулен, М. Е. Концепция музея в философии Н.Ф.Фёдорова / М. Е. Каулен. – Текст: непосредственный // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения / РГБ, Информкультура. – 1990, вып. 6. – С. 82–87.

252. Каулен, М. Е. Храм как объект музейного показа: опыт и перспективы / М. Е. Каулен. – Текст: непосредственный // Памятники в изменяющемся мире: мат. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. и сост. Э. А. Шулёпова. – Москва: Рос. ин-т культурологии, 1993. – С. 77–83.

253. Каулен, М. Е. Музей или храм? / М. Е. Каулен. – Текст: непосредственный // Музейная экспозиция: Теория и практика: Искусство экспозиции: Новые сценарии и концепции: сб. науч. тр. / Отв. ред.-сост. М. Т. Майстровская. – Москва: б.и., 1996 (1997). – С. 87–107. – (Музееведение: На пути к музею XXI века / М-во культуры РФ, Рос. акад. наук. Рос. ин-т культурологии). – ISBN 5-7196-0011-7.

254. Каулен, М. Е. Экспозиционный показ интерьеров памятников культовой архитектуры: 24.00.03: дис. ... канд. ист. наук / Каулен Мария Елисеевна; Рос. ин-т культурологии. – Москва, 1997. – 221 с. – Текст: непосредственный.

255. Каулен, М. Е. Музеефикация объектов наследия: от предмета до традиции / М. Е. Каулен. – Текст: непосредственный // Культура российской провинции: век XX – XXI веку: мат. Всерос. науч.-практич. конф., Калуга, 23–26 мая 2000 г. – Калуга: Издательский дом «Эйдос», 2000. – С. 199–209. – ISBN 5-93810-006-2.

256. Каулен, М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти / М. Е. Каулен. – Москва: Луч, 2001. – 163 с. – (Страницы истории музейного дела / Акад. переподгот. работников культуры и искусства). – ISBN 5-7005-0422-7. – Текст: непосредственный.

257. Каулен, М. Е. Методы актуализации объектов наследия и проблема классификации музеев / М. Е. Каулен. – Текст: непосредственный // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков: Труды Государственного исторического музея. – Москва: Гос. ист. музей, 1926-. – Вып. 127. – 2001. – С. 86–98.

258. Каулен, М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри России: каталог-справочник / М. Е. Каулен. – Москва: Рипол классик, 2005 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 766, [1] с. – ISBN 5-7905-2193-2. – Текст: непосредственный.

259. Каулен, М. Е. Средовой музей: современные проблемы и перспективы развития / М. Е. Каулен. – Текст: непосредственный // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: мат. Девятой Всерос. науч. конф., (Бородино, 16-17 ноября 2004 г.): сб. науч. ст. / [сост. А. В. Горбунов, Г. А. Зайцева]. – Москва: Институт Наследия, 2005 (Тула: Гриф и К). – С. 37–54.

260. Каулен, М. Е. Моделирование истории в военно-исторических музеях-заповедниках / М. Е. Каулен. – Текст: непосредственный // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ [и др.]; отв. ред. И. В. Чувилова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – С. 123–128. – ISBN 978-5-91419-206-5.

261. Каулен, М. Е. Музей и наследие / М. Е. Каулен. – Текст: непосредственный // Музей. – 2009. – № 5. – С. 10–19.

262. Каулен, М. Е. Идеи Николая Фёдорова в современном мире / М. Е. Каулен. – Текст: непосредственный // Музей. – 2010. – № 6. – С. 14–25.

263. Каулен, М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. – Москва: Этерна, 2012. – 430, [1] с. – ISBN 978-5-480-00285-0. – Текст: непосредственный.

264. Керимова, М. М. Б.М.Соколов – первый директор Центрального музея народоведения в Москве, организатор журнала «Этнография» / М. М. Керимова. – Текст: непосредственный // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: сб. мат., Ижевск, 03–06 июля 2017 г. – Ижевск: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, 2017. – С. 45–46. – ISBN 978-5-4211-0180-2; EDN ZNSIKP.

265. Керимова, М. М. Эпистолярное наследие Б.М.Соколова как источник по истории этнографического музееведения (по материалам семейного архива, 1927–1928 гг.) / М. М. Керимова. – Текст: электронный // Три века российской этнографии: страницы истории. – Вып. 2 / отв. ред. М. М. Керимова, А. А. Сирина, сост. М. М. Керимова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН. – Москва: Наука – Восточная литература, 2020. – С. 149–199. – (Из истории российской этнографии, этнологии и антропологии). – ISBN 978-5-02-039860-3; EDN CCVTFA.

266. Кимеев, В. М. Экомuzeология: Нац. экомuzeи Кузбасса / В. М. Кимеев, А. Г. Афанасьев; Кемер. гос. ун-т, Кузбас. лаб. археологии и

этнографии СО РАН. – Кемерово: КемГУ, 1996. – 135 с. – ISBN 5-230-20800-7. – Текст: непосредственный.

267. Кимеев, В. М. Экомuzeи-заповедники как национально-культурные, учебно-научные и природно-рекреационные центры Кузбасса / В. М. Кимеев. – Текст: непосредственный // Экологические проблемы развития музеев-заповедников: Мат. Десятой Всерос. науч. конф. (Москва, 15–17 ноября 2005 г.): сб. науч. тр. / [отв. ред. Н. В. Вехов]. – Москва: [Институт Наследия], 2008. – С. 553–561. – ISBN 978-5-86443-127-6.

268. Кимеев, В. М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции: [монография] / В. М. Кимеев; М-во образования и науки РФ, Кемеров. гос. ун-т, Экомuzeи-заповедник «Тюльберский городок». – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 452 с. – ISBN 978-5-8353-0841-5. – Текст: непосредственный.

269. Кимеев, В. М. Экомuzeи Притомья и сохранение этнокультурного наследия: генезис, архитектоника, функции: 07.00.07: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Кимеев Валерий Макарович; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Санкт-Петербург, 2009. – 40 с. – Текст: непосредственный.

270. Кимеев, В. М. Экомuzeи Притомья на рубеже XX–XXI веков / В. М. Кимеев. – Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 28. – С. 31–43. – EDN SNEZFJ.

271. Кимеев, В. М. Истоки модернизации этнокультурного наследия шорцев в постсоветский период / В. М. Кимеев. – Текст: непосредственный // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации = Culture in the Eurasian space: traditions and innovations: мат. VI междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, Россия, 24–25 ноября 2020 г.). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ин-та культуры, 2020. – С. 62–67. – EDN AJEWDC.

272. Кимеева, Т. И. Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Притомья на основе интерпретации материалов собраний музеев России: 24.00.03: автореф. дис. ... д-ра культурологии / Кимеева Татьяна Ивановна; С.-Петерб. гос. ин-т культуры. – Санкт-Петербург, 2019. – 41 с. – Текст: непосредственный.

273. Китова, Л. Ю. Деятельность В.М.Кимеева на кафедре археологии Кемеровского государственного университета / Л. Ю. Китова. – Текст: непосредственный // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. – Вып. 13. – С. 59–67. – DOI 10.24412/2411-7838-2021-13-59-67; EDN GQYHBO.

274. Кликс, Р. Р. Художественное проектирование экспозиций / Р. Р. Кликс. Москва: Высш. школа, 1978. – 368 с. – Текст: непосредственный.

275. Ключевые понятия музеологии: перевод / сост.: André Desvallées [А. Девалье], François Mairesse [Ф. Мересс]; пер. на рус. А. В. Урядниковой. – Москва: ИКОМ России, 2012. – 101 с. – ИКОМ России [офиц. сайт]. – URL: <https://icom->

russia.com/upload/iblock/532/5323743f731b222714f20ba0205ec238.pdf (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.

276. Кнабе, Г. С. Древо познания и древо жизни / Г. С. Кнабе. – Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. – 751 с. – Текст: непосредственный.

277. Коган, Л. Н. Теория культуры: учеб. пособие / Л. Н. Коган. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – 160 с. – Текст: непосредственный.

278. Ковриков, Р. В. Музейная коммуникация в сохранении культурного наследия в музеях-заповедниках / Р. В. Ковриков. – Текст: электронный // Педагогика искусства. – 2019. – № 3. – С. 178–185. – EDN VNWXOG.

279. Копировский, А. М. «Живой музей» свящ. Павла Флоренского: утопия или антиутопия? / А. М. Копировский. – Текст: электронный // Философия в полицентричном мире: сб. науч. ст., Москва, 28–30 мая 2020 года. – Москва: Новые печатные технологии, 2020. – С. 882–885. – ISBN: 978-5-6045241-5-2; EDN ATWPNU.

280. Корольков, А. А. Синтез культуры и науки в творчестве П.А.Флоренского / А. А. Корольков. – Текст: непосредственный // Флоренский П. А.: философия, наука, техника / Сов. фонд культуры; [Ред.-сост. В. А. Росов, П. В. Флоренский]. – Ленинград: [б.и.], 1989. – С. 26–29. – (Препр. АН СССР, Ленингр. отд. Ин-та истории естествознания и техники; N 4).

281. Котосина, В. А. Театрализация этнографических праздников и обрядов в рамках концепции «живого» музея (на примере АЭМВО «Семёнково») / В. А. Котосина. – Текст: непосредственный // Диалоги и встречи: русский и американский театр XX века: сб. мат. конф., Вологда, 25–26 февраля 2012 г. / [редкол.: Е. В. Юшкова, Л. А. Якушева]. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 2012. – С. 109–114. – ISBN 978-5-89791-098-4; EDN VRXDOL.

282. Кротов, Ф. Г. О задачах совершенствования экспозиций исторических и краеведческих музеев / Ф. Г. Кротов. – Текст: непосредственный // Музейное дело в СССР. – [Вып. 13]: Актуальные проблемы архитектурно-художественного проектирования экспозиций исторических и краеведческих музеев. – 1983. – С. 9.

283. Крылова, М. С. Понятие «памятник истории и культуры» в советском и российском законодательстве 1918–2002 гг. / М. С. Крылова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2017. – № 3. – С. 91–107.

284. Крынина, О. А. Музей-заповедник «Старина Сибирская» – музей живой истории (из опыта работы) / О. А. Крынина. – Текст: электронный // Аношинские чтения: мат. III Всерос. науч.-практич. конф., Большеречье, Омская область, 12–14 октября 2022 г. / Отв. ред. Т. Н. Золотова. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2022. – С. 57–61. – ISBN 978-5-98236-132-5; EDN MNYQUA.

285. Крюкова, Т. А. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти / Т. А. Крюкова, Е. Н. Студенецкая. –

Текст: непосредственный // Очерки истории музейного дела в СССР. – Москва: Советская Россия, 1957–1971. – Вып. VII. – 1971. – С. 9–120.

286. Кубанкина, О. А. Музей глазами Б.М.Соколова / О. А. Кубанкина. – Текст: электронный // История и историческая память. – 2020. – № 20. – С. 92–98. – EDN KDPPLH.

287. Куклинова, И. А. Экомузей – музей времени и пространства: западноевропейский образец и восточная модель / И. А. Куклинова. – Текст: электронный // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств / учред. С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусства. – Санкт-Петербург, 2003–2014. – 2010. – Т. 190. – С. 263–269. – EDN RYMBSR.

288. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление: 24.00.03: дис. ... д-ра культурол. наук / Кулемзин Анатолий Михайлович; Кемеров. гос. акад. культуры и искусств. – Томск, 2001. – 403 с. – Текст: непосредственный.

289. Кулешова, М. Е. Монастырский культурный ландшафт: закономерности формирования (на примере о. Анзер Соловецкого архипелага) / М. Е. Кулешова. – Текст: непосредственный // Материальная база сферы культуры: науч.-информ. сб. / РГБ, Информкультура. – Москва: РГБ, 1995–2004. – 1997. – Вып. 2: Монастыри – культурные центры Отечества / [сост. и науч. ред. Т. В. Барсегян, С. Г. Колесниченко]. – С. 20–30.

290. Кулешова, М. Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках / М. Е. Кулешова. – Москва: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. – 46 с. – (Дополнительные материалы к стратегии управления национальными парками России / Благотвор. фонд «Центр охраны дикой природы»; Вып. 6). – ISBN 5-93699-026-5. – Текст: непосредственный.

291. Культурология: учебник / [В. П. Большаков и др.]; под ред. С. Н. Иконниковой и В. П. Большакова; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусства, Каф. теории и истории культуры. – Москва: Проспект, 2011. – 527 с. – ISBN 978-5-392-01702-7. – Текст: непосредственный.

292. Майстровская, М. Т. Музей как объект культуры. XX век: искусство экспозиционного ансамбля / М. Т. Майстровская; [Рос. академия художеств и др.]. – Москва: Прогресс-Традиция, 2018. – 678, [1] с. – ISBN 978-5-89826-508-3. – Текст: непосредственный.

293. Маковецкий, И. В. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи / И. В. Маковецкий. – Текст: непосредственный // Советская этнография. – 1963. – № 2. – С. 7–18.

294. Маркарян, Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи: научное издание / Э. С. Маркарян; отв. ред. и сост. А. В. Бондарев. – Москва [и др.]: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 655 с. – (Культурология. XX век / гл. ред. С. Я. Левит). – Текст: непосредственный.

295. Мастеница, Е. Н. Музейная интерпретация истории как культурологическая проблема / Е. Н. Мастеница. – Текст: непосредственный // Вопросы культурологии. – 2009. – № 9. – С. 39–43. – EDN MNHOYJ.

296. Мастеница, Е. Н. Феномен музея в философском наследии Н.Ф.Фёдорова / Е. Н. Мастеница. – Текст: электронный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3. – С. 137–142.

297. Мастеница, Е. Н. Музеефикация городской среды: подходы и методы / Е. Н. Мастеница. – Текст: непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10–1(36). – С. 137–141. – EDN RDQDRN.

298. Мастеница, Е. Н. Социальные функции музея в глобальном мире / Е. Н. Мастеница. – Текст: непосредственный // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 210. – С. 229–236. – EDN VQWNON.

299. Мастеница, Е. Н. Музейные заповедники: учеб. пос. для студентов бакалавриата, направление 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» / Е. Н. Мастеница; М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры, Фак. мировой культуры, Каф. музеологии и культурного наследия. – Санкт-Петербург: СПбГИК, 2015. – 131 с. – ISBN 978-5-94708-219-7. – Текст: непосредственный.

300. Медведева, Е. Б. Становление музейной педагогики в Германии и России: 24.00.03: дис. ... канд. ист. наук / Медведева Елена Борисовна; Рос. ин-т культурологии. – Москва, 1999. – 193 с. – Текст: непосредственный.

301. Менш, П. К методологии музеологии / Петер ван Менш; [пер. с англ. В. Г. Ананьева]. – Москва: Перспектива, 2018. – 447 с. – ISBN 978-5-905790-37-9. – Текст: непосредственный.

302. Межуев, В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры / В. М. Межуев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с. – ISBN 5-89826-247-4. – Текст: непосредственный.

303. Михайловская, А. И. Музейная экспозиция: [Организация и техника] / А. И. Михайловская; под ред. проф. Ф. Н. Петрова и проф. К. Г. Митяева; М-во культуры РСФСР; Науч.-исслед. ин-т музееведения. – 2-е изд., доп. – Москва: Советская Россия, 1964. – 518 с. – Текст: непосредственный.

304. Михайловская, А. И. Из истории промышленных музеев и выставок капиталистической России / А. И. Михайловская. – Текст: непосредственный // Очерки музейного дела в СССР. – Москва: Советская Россия, 1957–1971. – Вып. VI. – 1968. – С. 312–380.

305. Михайловская, А. И. Приемы показа этнографических коллекций в музеях / А. И. Михайловская. – Текст: непосредственный // Материалы по работе и истории этнографических музеев и выставок: сб. [ст.]. – Москва: б.и., 1972. – С. 6–34.

306. Московский Сократ: Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903): сб. науч. ст. / [сост.: А. Г. Гачева, М. М. Панфилов; отв. ред. А. Г. Гачева]. Москва: Академический проект, 2018. – 912 с. – (Философские технологии:

философия космизма I). – ISBN 978-5-8291-1972-0. – Текст: непосредственный.

307. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и мат. / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии; [авт.-сост.: Э. А. Шулепова и др.]; отв. ред. Э. А. Шулепова. – Москва: Этерна, 2010. – 957, [1] с. – ISBN 978-5-480-00223-2. – Текст: непосредственный.

308. Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы: коллективная монография [Электронное сетевое издание] / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт, О. Ю. Нельзина. – Москва: Институт Наследия, 2023. – 556 с. – DOI 10.34685/НИ.2023.33.60.002; ISBN 978-5-86443-414-7. – Текст: электронный.

309. Музейное дело и охрана памятников: обзорная информация / РГБ, Информкультура. – Москва, 1984–1989. – 1986, вып. 1: Современные тенденции развития музейной коммуникации в капиталистических странах: теория и практика / М. Б. Гнедовский. – 1986. – 39, [2] с. – Текст: непосредственный.

310. Музейное дело России: [монография] / [Е. А. Воронцова и др.]; под общ. ред. М. Е. Каулен (отв. ред.), И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой; Акад. переподгот. работников искусства, культуры и туризма; Рос. ин-т культурологии М-ва культуры РФ. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: ВК, 2010. – 676 с. – Текст: непосредственный.

311. Музейные коллекции традиционного русского костюма: формирование и проблемы хранения. Систематическое описание русской коллекции Дашковского этнографического музея, 2-я половина XIX века / Сост. Т. Р. Валькова, О. Н. Климова. Отв. за выпуск А. В. Ефимов. – Москва: Институт Наследия, 2019. – 186 с. – Текст: электронный.

312. Мурзинцева, А. Е. Музеи российской академии наук: историко-культурологический анализ: 24.00.03: автореф. дис. ... канд. культурологии / Мурзинцев Александра Евгеньевна; Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. – Улан-Удэ, 2006. – 22 с. – Текст: непосредственный.

313. Наука глазами гуманитария / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. В. А. Лекторский]. – Москва: Прогресс-Традиция, 2005. – 687 с. – Текст: непосредственный.

314. Нельзина, О. Ю. Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы / О. Ю. Нельзина, А. В. Огороков, Т. П. Поляков; М-во культуры РФ, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва: Институт Наследия, 2019. – 287 с. – ISBN 978-5-86443-278-5. – Текст: электронный.

315. Никишин, Н. А. Музей или уникальная историческая территория? / Н. А. Никишин. – Текст: непосредственный. // Тезисы докладов II Междунар. конф. по сохранению и развитию уникальных исторических территорий / науч. ред. Ю. А. Веденин. – Москва: б.и., 1992. С. 36–39.

316. Овсянникова, С. А. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917 гг.) / С. А. Овсянникова. – Текст:

непосредственный // Очерки истории музейного дела в России. – Вып. II. – 1960. – С. 66–144.

317. Ожогин, В. П. Музеи живой истории как объекты рекреационно-туристического значения / В. П. Ожогин; науч. рук. М. А. Слепнев. – Текст: электронный // Дни студенческой науки: сб. докладов науч.-технич. конф. по итогам науч.-исслед. работ студентов института строительства и архитектуры, Москва, 13–17 марта 2017 г. – Москва: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2017. – С. 82–84. – ISBN 978-5-7264-1604-5; DOI 10.22227/978-5-7264-1604-5.2017; EDN YLXRXX.

318. Огороков, А. Подводный исторический парк в системе музейного комплекса / А. В. Огороков, О. Ю. Нельзина. – Текст: непосредственный // Музей. – 2018. – № 12. – С. 44–50. – EDN LQCFIE.

319. Ополовников, А. В. Музеи под открытым небом как метод сохранения памятников деревянного зодчества и их значение для города / А. В. Ополовников. – Текст: непосредственный // Памятники архитектуры и современная городская застройка: [Сб. ст.] / [Ред. коллегия: П. Н. Максимов (отв. ред.) и др.]; Науч.-исслед. ин-т теории, истории и перспективных проблем сов. архитектуры. – Москва: Стройиздат, 1973. – С. 93–101.

320. Орлова, Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию / Э. А. Орлова. – Москва: Изд-во МГИК, 1994. – 214 с. – Текст: непосредственный.

321. Основы культурологии: [учеб. пособие] / [Е. Я. Александрова и др.]. – Москва: Едиториал УРСС, 2005 (ППП Тип. Наука). – 492, [1] с. – (Academia XXI / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. агентство по культуре и кинематографии, Гос. ин-т искусствознания, Рос. ин-т культурологии). (Учебники и учебные пособия по культуре и искусству). – ISBN 5-354-00855-7. – Текст: непосредственный.

322. Основы музееведения: [учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 052800 «Музейное дело и охрана памятников»] / [Т. В. Абанкина и др.]; отв. ред. Э. А. Шулепова. – Москва: Едиториал УРСС, 2005. – 501, [1] с. – (Academia XXI: учебники и учебные пособия по культуре и искусству). – ISBN 5-354-00857-3. – Текст: непосредственный.

323. Ополовников, А. В. Музеи народного зодчества / А. В. Ополовников. – Текст: непосредственный // Архитектура СССР. – 1965. – № 12. – С. 22–28.

324. Ополовников, А. В. Музеи деревянного зодчества / А. В. Ополовников; Гос. ком. по гражд. строительству и архитектуре при Госстрое СССР. Науч.-исслед. ин-т теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. – [Москва]: [Стройиздат], [1968]. – 119 с. – Текст: непосредственный.

325. Османова, М. Н. Послевоенное законодательство СССР об охране памятников истории, культуры и искусства / М. Н. Османова,

Е. В. Бабошина. – Текст: электронный // Образование и право. – № 2. – 2023. – С. 397–402. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-2-397-402.

326. Пермиловская, А. Б. Историко-культурный заповедник – новая форма создания живого музея под открытым небом (на примере уникального исторического поселения с. Кимжа Мезенского района Архангельской области) / А. Б. Пермиловская. – Текст: непосредственный // Проблемы развития этнографических музеев под открытым небом в современных условиях: мат. науч.-практич. конф. (Иркутск, 6–9 авг. 2006 г.). – Иркутск: Тальцы, 2006. – С. 15–27.

327. Пермиловская, А. Б. Музеи под открытым небом в современной культуре России и Западной Европы) / А. Б. Пермиловская. – Текст: непосредственный // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: сб. мат. Всерос. науч.-практич. конф., посвящ. 45-летию музея «Малые Корелы», (Архангельск, 8–11 июля 2009 г.) / М-во культуры РФ; Федер. гос. учреждение культуры «Архангельский гос. музей деревянного зодчества и народного искусства “Малые Корелы”»; [редкол.: А. М. Шаев др.]. – Архангельск: Музей «Малые Корелы», 2010. – С. 39–49.

328. Пермиловская, А. Б. «Живая» среда музея под открытым небом как форма организации памяти в современной культуре России и Западной Европы / А. Б. Пермиловская. – Текст: непосредственный // Обсерватория культуры / РГБ. – Москва, 2004-. – 2011. – № 1. – С. 78–81. – EDN OBNPXD.

329. Перова, Е. Ю. Принципы и практики сохранения культурного наследия в России начала XX века / Е. Ю. Перова. – Текст: электронный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1(843). – С. 220–228. – DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_220; EDN GNKTNT.

330. Подводное культурное наследие: подводные музеи, исторические парки и заповедники / А. В. Огороков, Д. В. Бабкин, Т. П. Поляков, О. Ю. Нельзина; М-во культуры РФ, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва, Центр подводного культурного наследия. – Москва: Институт Наследия, 2018. – 140 с. – ISBN 978-5-86443-261-7. – Текст: непосредственный.

331. Поляков, Т. П. Актуальные проблемы отношения содержания и формы музейной экспозиции: 17.00.07: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Поляков Тарас Пантелеймонович; АН СССР; НИИ культуры. – Москва, 1988. – 16 с. – Текст: непосредственный.

332. Поляков, Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции): [учеб. пособие для студентов и аспирантов, обучающихся по специальности «Музееведение»] / Т. П. Поляков. – Москва: Рос. ин-т культурологии, 1997. – 253 с. – Текст: непосредственный.

333. Поляков, Т. П. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» / Т. П. Поляков. – Текст: непосредственный // Музей и новые технологии [сост. и науч. ред. Н. А. Никишин]. – Москва: Прогресс–Традиция, 1999. – С. 58–81. – (На пути к музею XXI века).

334. Поляков, Т. П. Музей будущего: проблема выбора модели / Т. П. Поляков. – Текст: непосредственный // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков: Труды ГИМ. – Вып. 127. – Москва, 2001. – С. 76–85.

335. Поляков, Т. П. Мифология музейного проектирования, или «Как делать музей?» – 2: монография / Т. П. Поляков; М-во культуры РФ; Акад. переподгот. работников искусства, культуры и туризма; Рос. ин-т культурологии. – Москва: Рос. ин-т культурологии, 2003 (Люберцы (Моск. обл.): ПИК ВИНТИ). – 456 с. – Текст: непосредственный. – ISBN 5-93719-033-5.

336. Поляков, Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 1) / Т. П. Поляков. – Текст: непосредственный // Музей. – 2007. – № 3. – С. 7–12.

337. Поляков, Т. П. Смерть музея, или Музейная экспозиция как феномен отечественной культуры прошлого века (Ч. 2) / Т. П. Поляков. – Текст: непосредственный // Музей. – 2007. – № 5. – С. 74–80.

338. Поляков, Т. П. Двадцать лет работы, или Шесть уроков музея Маяковского / Т. П. Поляков. – Текст: непосредственный // Музей. – 2009. – № 12. – С. 44–51. – EDN TMJOGT.

339. Поляков, Т. П. Музей-заповедник: идеальный проект и реальность истории / Т. П. Поляков, Т. В. Смирнова. – Текст: непосредственный // Российская провинция: среда, культура, социум. Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII–XX век / Рос. ин-т культурологии; отв. ред. Э. А. Шулепова. – Москва: РОССПЭН, 2011. – С. 423–465. – ISBN 978-5-8243-1512-7.

340. Поляков, Т. П. Учение академика Д.С.Лихачёва об экологии культуры в контексте современного «живого музея» / Т. П. Поляков. – Текст: непосредственный // Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С.Лихачёва: науч. сб. по мат. Междунар. юбилейной науч. конф. «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д.С.Лихачёва», 26 октября 2016 г. в Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва / Отв. ред. С. Ю. Житенёв. – Москва: Институт Наследия, 2017. – С. 113–128. (Труды Института наследия). – ISBN 978-5-86443-218-1; ISBN 978-5-86443-246-4.

341. Поляков, Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия / Т. П. Поляков; М-во культуры РФ, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва: Институт Наследия, 2018; Вече, 2019. – 588 с. – ISBN 978-5-86443-262-4. – Текст: непосредственный.

342. Поляков, Т. П. Из истории отечественной экспозиционной мысли: идеи и предложения Первого Всероссийского музейного съезда (1930 г.) в области «музейного языка» и их отражение в экспозициях начала 1930-х годов / Т. П. Поляков. – Текст: электронный // Культурологический журнал.

– № 2018/3 (33). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/448.html&j_id=36 (дата обращения: 14.04.2024).

343. Поляков, Т. П. Технологии, зоны и объекты «живого музея» в экспозиционном пространстве: генезис, развитие, перспективы / Т. П. Поляков. – Текст: электронный // Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: кол. монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт [и др.]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва: Институт Наследия, 2021. – С. 113–162. – ISBN 978-5-86443-344-7; DOI 10.34685/NI.2020.11.84.020.

344. Поляков, Т. П. Музеефикация нематериального культурного наследия России: методы, формы и системы представления / Т. П. Поляков, Ю. В. Пустовойт. – Текст: электронный // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России / М-во культуры РФ, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва; науч.-ред. совет: Житенёв С. Ю., председатель [и др.]. – Москва: Институт Наследия, 2022. – С. 484–502. – ISBN 978-5-86443-396-6; DOI 10.34685/NI.2022.58.44.003.

345. Поляков, Т. П. Война и музей: актуальные методы и технологии создания музейных экспозиций с военно-исторической тематикой / Т. П. Поляков. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2023. – № 4. – С. 52–62. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/632.html&j_id=58 (дата обращения: 20.04.2024). – DOI 10.34685/NI.2023.46.19.029.

346. Полякова, Е. А. Музейно-этнографические программы как способ сохранения национальной идентичности (на примере деятельности Омского государственного музея-заповедника «Старина Сибирская») / Е. А. Полякова. – Текст: электронный // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – 2020. – № 10. – С. 350–357. – DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-350-357; EDN AEBFRY.

347. Полякова, М. А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 021000 Музеология, 052800 Музейн. дело и охрана памятников / М. А. Полякова. – Москва: Дрофа, 2005. – 270, [1] с. – (Высшее образование). – ISBN 5-7107-8199-1. – Текст: непосредственный.

348. Померанцева, Э. Борис Матвеевич Соколов / Э. Померанцева, В. Чичеров. – Текст: непосредственный // Советская этнография. – 1955. – № 4. – С. 97–105.

349. Пономарев, Б. Б. Музей как коммуникационная система: проблемы гармонизации историко-культурного и информационно-деятельностного компонентов: 24.00.03: дис. ... канд. культурологии / Пономарев Борис Борисович; Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. – Краснодар, 2002. – 225 с. – Текст: непосредственный.

350. Попов, Д. А. Опыт осмысления музейного пространства в концепциях П.А.Флоренского и Н.Ф.Фёдорова / Д. А. Попов. – Текст:

электронный // Научный аспект. – 2022. – Т. 4. – № 3. – С. 445–453. – EDN SPONPQ.

351. Потапова, С. А. Живые музеи. Проблемы взаимодействия музейно-развлекательных центров и туристических компаний / С. А. Потапова. – Текст: электронный // Туризм и музеи: синергетический эффект взаимодействия. – Москва: Знание-М, 2020. – С. 132–150. – DOI 10.38006/907345-32-1.2020.132.150; EDN AZMVLQ.

352. Прокудина, Д. А. Нематериальное культурное наследие как ресурс для развития территории – Текст: электронный / Д. А. Прокудина. – Текст: электронный // Культура и образование. – 2020. – № 4(39). – С. 23–31. – DOI 10.24412/2310-1679-2020-439-23-31; EDN RBQXAY.

353. Прокудина, Д. А. Живой музей: трансформация музея в контексте экономики впечатлений (зарубежный опыт) / Д. А. Прокудина, Е. К. Прокудина. – Текст: электронный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств = The Bulletin of Moscow state University of culture and arts: науч. журнал / учред. Московский гос. ин-т культуры. – Химки: МГУКИ, 2003-. – 2020. – № 6(98). – С. 34–48. – DOI 10.24412/1997-0803-2020-698-34-48; EDN RVSSQV.

354. Пушкарев, В. Г. В.Н.Всеволодский-Гернгросс и его концепция «живого музея» / В. Г. Пушкарёв. – Текст: электронный // Рябининские чтения – 2007: мат. V науч. конф. «Традиционная культура Русского Севера: история и современность» / отв. ред. Т. Г. Иванова. – Петрозаводск, 2007. – С. 486–489. – Музей-заповедник «Кижы» [офиц. сайт]. – 2024. – URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/506.html#note-id6962951> (дата обращения: 29.04.2024).

355. Пушкарев, В. Г. «Опережая время» (о деятельности первого этнографического театра) / В. Г. Пушкарёв. – Текст: непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – № 120/2010. – С. 339–344.

356. Пушкарев, В. Г. Культурный потенциал современного фольклорного театра: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Пушкарёв Василий Георгиевич; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – Санкт-Петербург, 2011. – 179 с. – Текст: непосредственный.

357. Пчелянская, Т. М. Социально-культурная детерминация музейной экспозиции. Культурологические аспекты: 24.00.03: дис. ... канд. культурологии / Пчелянская Татьяна Михайловна; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2005. – 164 с. – Текст: непосредственный.

358. Пшеничная, С. В. Музей как информационно-коммуникативная система: 24.00.03: дис. ... канд. культурологии / Пшеничная Светлана Викторовна; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – Санкт-Петербург, 2000. – 220 с. – Текст: непосредственный.

359. Равикович, Д. А. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925) / Д. А. Равикович. – Текст: непосредственный // Очерки истории музейного дела в СССР. – Вып. VI. – 1968. – С. 97–145.

360. Равикович, Д. А. Социальные функции и типология музеев / Д. А. Равикович. – Текст: непосредственный // Музееведение: вопр. теории и методики / [Редкол.: В. Ю. Дукельский (отв. ред.) и др.]. – Москва: НИИК, 1987 (1988). – С. 10–24. – (Сб. науч. тр. АН СССР, НИИ культуры).

361. Разгон, А. М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) / А. М. Разгон. – Текст: непосредственный // Очерки истории музейного дела в СССР. – Вып. V. – 1963. – С. 189–275.

362. Решетников, Н. И. Музей и проектирование музейной деятельности: учеб. пособие / Н. И. Решетников; Федер. гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Московский гос. ун-т культуры и искусств», Каф. истории культуры и музееведения, Отд-ние музееведения. – Москва: МГУКИ, 2014. – 160 с. – Текст: непосредственный.

363. Ривьер, Ж. А. Эволюционное определение экомuzeя / Ж. А. Ривьер. – Текст: непосредственный // MUSEUM. – 1985. – № 4(148): Экомuzeи. – С. 2–3.

364. Родионов, С. Г. Музеефикация историко-культурного наследия шорцев: 24.00.03: дис. ... канд. культурологии / Родионов Семён Григорьевич; Кемер. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово, 2018. – 150 с. – Текст: непосредственный.

365. Родоман, Б. Б. Культурный ландшафт и судьба России / Б. Б. Родоман; под ред. Т. И. Герасименко (Ин-т географии РАН). – Москва: ДиректМедиа, 2023. – 488 с. – ISBN 978-5-4499-3381-2. – Текст: непосредственный.

366. Розенблюм, Е. А. Искусство экспозиции / Е. А. Розенблюм. – Текст: непосредственный // Музейное дело в СССР. – [Вып. 13]. – 1983. – С. 23–29.

367. Розенблюм, Е. Время и пространство в музейной экспозиции / Е. А. Розенблюм. – Текст: непосредственный // Музейная экспозиция: Теория и практика: Искусство экспозиции: Новые сценарии и концепции. – Москва: б.и., 1996 (1997). – С. 177–194.

368. Розин, В. М. Культурология: учеб. для вузов / В. М. Розин. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва: Гардарики, 2005. – 462 с. – (Disciplinae). – ISBN 5-8297-0134-0. – Текст: непосредственный.

369. Романов, Н. И. Местные музеи и как их устраивать / Н. И. Романов, Сов. Всерос. кооп. съездов. – Москва: [Ком. по охране художественных сокровищ], 1919. – 110, [1] с. – Текст: непосредственный.

370. Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН; редкол.: В. Л. Янин (пред.) [и др.]. – Москва: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. – Т. 1: А-М. – 416 с. – Т. 2: Н-Я. – 435 с. – ISBN 5-01-004537-0. – Текст: непосредственный.

371. Саймон, Н. Партиципаторный музей / Нина Саймон; [пер. А. Глебовской]. – Москва: АД МАРГИНЕМ Пресс, сор. 2017. – 439 с. – ISBN 978-5-91103-368-2. – Текст: непосредственный.

372. Самойлова, Е. С. Живой музей как среда формирования ценностных ориентаций личности / Е. С. Самойлова. – Текст: электронный //

Язык и культура: Ежегодный альманах, Челябинск, 06 апреля 2021 г. / Сост., главн. ред. В. Б. Мещеряков. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2021. – С. 177–181. – EDN JRKYXF.

373. Сапанжа, О. С. Основы музейной коммуникации: [учебное пособие] / О. С. Сапанжа. – Санкт-Петербург: б.и., 2007. – 114, [1] с. – Текст: непосредственный.

374. Сапанжа, О. С. Культурологическая теория музейности: 24.00.01: автореф. дис. ... д-ра культурологии / Сапанжа Ольга Сергеевна; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2011. – 58 с. – Текст: непосредственный.

375. Севан, О. Г. Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми / О. Г. Севан. – Текст: непосредственный // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. – Москва: НИИК, 1991 (1992). – С. 63–85.

376. Севан, О. Г. Музеи под открытым небом Европы / О. Г. Севан. – Текст: непосредственный // Обсерватория культуры. – 2006. – № 3. – С. 60–69. – EDN KVNQIL.

377. Севан, О. Г. Российские музеи под открытым небом / О. Г. Севан. – Текст: непосредственный // Обсерватория культуры. – 2006. – № 6. – С. 66–75. – EDN KVTNND.

378. Севан, О. Г. «Живой музей» в реальной сельской среде / О. Г. Севан. – Текст: непосредственный // Обсерватория культуры. – 2007. – № 3. – С. 68–71. – EDN KBVKMF.

379. Севан, О. Г. Дух места между материальным и нематериальным наследием / О. Г. Севан. – Текст: непосредственный // Экология культуры. – 2009. – № 2. – С. 94.

380. Севан, О. Г. «Малые Карелы». Архангельский музей деревянного зодчества: история создания, методология проектирования, современное состояние / О. Г. Севан; Рос. ин-т культурологии М-ва культуры РФ. – Москва: Прогресс-Традиция, 2012. – 367 с. – ISBN 978-5-89826-387-4. – Текст: непосредственный.

381. Семенова, С. Г. Философ будущего века Николай Федоров / С. Г. Семёнова. – Москва: Пашков дом, 2004. – 583 с. – ISBN 5-7510-0284-9. – Текст: непосредственный.

382. Сергеева, Г. П. Семантическая структура музейной экспозиции: цикл и цикличность: 24.00.03: дис. ... канд. культурологии / Сергеева Галина Петровна; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – Санкт-Петербург, 2001. – 176 с. – Текст: непосредственный.

383. Сизинцева, Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие: XIX – первая треть XX века: 24.00.03: автореф. дис. ... канд. культурологии / Сизинцева Лариса Ивановна; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – Москва, 1998. – 22 с. – Текст: непосредственный.

384. Словарь актуальных музейных терминов / М. Е. Каулен, А. А. Сундиева, И. В. Чувилова [и др.]. – Текст: непосредственный // Музей. – 2009. – № 5. – С. 47–68.

385. Смирнова, Т. В. Доклад о. Павла Флоренского «Храмовое действо как синтез искусств» и современное музейное дело / Т. В. Смирнова. – Текст: непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. – Сер. «Гуманитарные науки»: Энтелехия. – 2007. – Т. 13. – № 16. – С. 28–30.

386. Смирнова, Т. М. Фольклорный театр В.Всеволодского (Экспериментальный и Этнографический театры в Ленинграде) / Т. М. Смирнова. – Текст: непосредственный // Клио = Klio: журнал для ученых. – 2016. – № 10(118). – С. 154–174. – EDN WWXDQN.

387. Соловей, Т. Д. Всероссийской этнографической выставке 1867 года в Москве – 155 лет / Т. Д. Соловей. – Текст: электронный // Культурное наследие России. – 2022. – № 1(36). – С. 62–68. – DOI 10.34685/НН.2022.36.1.009.

388. Сотникова, С. И. Музей в меняющемся мире / С. И. Сотникова. – Текст: непосредственный // Обсерватория культуры. – 2007. – № 2. – С. 60–66. – EDN KVMQAF.

389. Сотникова, С. И. Музеология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 021000 Музеология и 052800 Музейное дело и охрана памятников / С. И. Сотникова. – 2-е изд., стер. – Москва: Дрофа, 2010. – 190 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-358-08063-8. – Текст: непосредственный.

390. Сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами = En Sammenlignende analyse av lovgivning og forvaltning av kulturlandskap = Comparative analysis of cultural Landscape management / [Э. Гаукстад, Э. Моен (Норвегия), М. Кулешова, В. Столяров (Россия)]. – Москва; Осло: [б/и], 1999. – 96 с. – ISBN 5-86443-043-9. – Текст: непосредственный.

391. Столяров, Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика: учеб. пособие для студентов пед. и гуманитар. вузов. – Москва: Высш. шк., 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова). – 215, [1] с. – (Образование через искусство). – Текст: непосредственный.

392. Сундиева, А. А. Музейный мир России: к обоснованию понятия / А. А. Сундиева. – Текст: непосредственный // Вопросы музеологии. – 2013. – № 1(7). – С. 3–11.

393. Тербилов, М. Г. Реконструкция повседневной культуры средневекового общества в музейной экспозиции / М. Г. Тербилов. – Текст: электронный // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2021. – № 2(47). – С. 96–100. – DOI 10.30725/2619-0303-2021-2-96-100.

394. Тихонов, В. В. Особенности музеефикации архитектурно-этнографических комплексов Предбайкалья: 24.00.03: дис. ... канд. культурологии / Владимир Викторович Тихонов; Кемеров. гос. акад. культуры и искусств. – Кемерово, 2004. – 197 с. – Текст: непосредственный.

395. Тихонов, В. В. Особенности и перспектива формирования методической базы этнографических музеев под открытым небом в СССР и

России / В. В. Тихонов. – Текст: непосредственный // Омский научный вестник. – 2012. – № 5(112). – С. 251–254.

396. Тихонов, В. В. Методические рекомендации по формированию и развитию этнографических музеев под открытым небом / В. В. Тихонов. – Иркутск: Репроцентр А 1, 2013. – 80 с. – Текст: непосредственный.

397. Томилов, Н. А. Музееведение и музеи России = Museology and museums of Russia: избранные научные работы: в 2 ч. / Н. А. Томилов; М-во образования и науки РФ, Федер. гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования Омский гос. ун-т им. Ф.М.Достоевского, Омский фил. Ин-та археологии и этнографии Сибирского отд-ния РАН. – Ч. 1: Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2016. – 368 с. – ISBN 978-5-7779-2009-6. – Текст: непосредственный.

398. Трубачева, М. С. Из истории охраны памятников в первые годы советской власти. Комиссия по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры 1918–1925 годов / М. С. Трубачёва. – Текст: непосредственный // Музей: Худож. собр. СССР. [Сб. / Редкол.: И. А. Антонова и др.]. – Москва: Сов. художник. [Сб.] 5 / [Сост. Л. М. Срибнис]. – Москва: Сов. художник, 1984. – С. 152–164.

399. Тульпе, И. А. Икона в храме и музее (читая о. П. Флоренского) / И. А. Тульпе. – Текст: непосредственный // Музей – хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества: мат. V Санкт-Петербургских религиоведческих чтений, Санкт-Петербург, 11–12 ноября 1997 года. – Санкт-Петербург: Государственный музей истории религии, 1997. – С. 14–16. – EDN YSJGXZ.

400. Туровский, Р. Ф. Культурные ландшафты России / Р. Ф. Туровский; М-во культуры РФ; РАН; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия, 1998. – 208 с. – Текст: непосредственный.

401. Турусов, В. П. Особенности военно-исторического движения в России (по опыту ряда отечественных клубов) / В. П. Турусов. – Текст: непосредственный // Рейтар: военно-исторический журнал / учред. Таланов А. И. – Москва, 2003-. – 2005. – № 23. – С. 158–167.

402. Турьинская, Х. М. Из истории этнографического музейного дела в Москве в XIX – начале XXI вв. / Х. М. Турьинская. – Текст: непосредственный // Вопросы музеологии. – 2012. – № 1(5). – С. 43–51. – EDN OYLGQX.

403. Усепян, Л. Х. Средневековое ритуальное городище тюльберов – археологический памятник экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» / Л. Х. Усепян, В. М. Кимеев. – Текст: электронный // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2013. – № 18–19. – С. 51–56.

404. Федотова, Р. А. Икона в литургическом пространстве храма: по материалам псковской иконописи: 17.00.09: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Федотова Римма Александровна; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена. – Санкт-Петербург, 2010. – 23 с. – Текст: непосредственный.

405. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии / А. Я. Флиер. – Москва: Академический Проспект, 2000. – 496 с. – (Gaudeamus). (Учебное пособие для высшей школы). – ISBN 5-8291-0083-5. – Текст: непосредственный.

406. Фролов, А. И. Из истории становления музееведческих центров России / А. И. Фролов. – Текст: непосредственный // Музей и власть: сб. науч. тр. – [Ч. 2: Из жизни музеев]. – 1991. – С. 62–103.

407. Хадсон, К. Влиятельные музеи / Кеннет Хадсон; пер. Л. Мотылева. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – 194 с. – ISBN 5-87550-137-5. – Текст: непосредственный.

408. Харбедия, В. В. Исторические реконструкции как метод создания «живого» музея / В. В. Харбедия, Я. Д. Лычак. – Текст: электронный // Туристско-рекреационный потенциал и особенности развития туризма: мат. науч.-практич. конф. студентов и аспирантов, Калининград, 14 апреля 2007 г. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2007. – С. 56–61. – EDN ZTFWWB.

409. Харитонова, С. А. «Живой музей» как форма инновационной деятельности музея / С. А. Харитонова. – Текст: электронный // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: мат. Всерос. с междунар. участ. науч.-практич. конф., Улан-Удэ, 18 апреля 2019 года. – Т. 1. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2019. – С. 139–141. – DOI 10.31443/978-5-89610-289-2-2019-139-141; EDN UQTFVI.

410. Хейзинга, Й. Человек играющий: опыт определения игрового элемента культуры / Йохан Хейзинга; сост., предисл. и пер. Д. В. Сильвестрова; коммент., указ. Д. Э. Харитоновича. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с. – ISBN 978-5-89059-168-5. – Текст: непосредственный.

411. Цветнов, В. А. П.Д.Барановский. Эволюция взглядов: от музеев под открытым небом к охране культурных ландшафтов русского севера (1920–1970-е годы) / В. А. Цветков. – Текст: электронный // Academia. Архитектура и строительство. – 2018. – № 2. – С. 35–39. – DOI 10.22337/2077-9038-2018-2-35-39.

412. Чайковский, Е. Музеям под открытым небом – 100 лет / Е. Чайковский. – Текст: непосредственный // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. – Москва: НИИК, 1991 (1992). – С. 10–25.

413. Чернявская, Е. Н. Тематический парк как феномен современной культуры / Е. Н. Чернявская, Э. Л. Базарова. – Текст: непосредственный // Вопросы культурологии. – 2014. – № 4. – С. 51–58.

414. Чеснокова, М. Н. Эволюция музейной экспозиции как знаковой системы: 24.00.03: автореф. дис. ... канд. культурологии / Чеснокова Мария Николаевна; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2010. – 29 с. – Текст: непосредственный.

415. Чувилова, И. Классификация музеев и проблемы наследия / И. Чувилова. – Текст: непосредственный // Музей. – 2009. – № 5. – С. 20–25.

416. Чуклина, Т. И. Метод погружения как актуальный метод построения музейной экспозиции: 24.00.03: автореф. дис. ... канд. культурологии / Чуклина Татьяна Изосимовна; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2011. – 24 с. – Текст: непосредственный.

417. Шагжина, З. А. Музеи «in situ» в музейной сети Республики Бурятия: к постановке проблемы музеефикации новых объектов / З. А. Шагжина. – Текст: электронный // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. – 2017. – № 4(4). – С. 93–97. – EDN YLZWQN.

418. Шангина, И. И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х – 30-х годов XX века / И. И. Шангина. – Текст: непосредственный // Советская этнография. – 1991. – № 2. – С. 71–81.

419. Шатковская, Е. Ф. «Заповеданное Кенозерье» в научном и личном пространстве Ю.А.Веденина / Е. Ф. Шатковская, М. Н. Мелютин. – Текст: электронный // В фокусе наследия: сборник статей, посвященный 80-летию Ю.А.Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва. – Москва: Институт географии РАН, 2017. – С. 577–594.

420. Шварова, М. В. Концепция «живого музея» П. А. Флоренского – Текст: непосредственный / М. В. Шварова. – Текст: электронный // П.А.Флоренский и современность: мат. науч. конф., 9-12 октября 2007 г., Калининград. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2007. – С. 73–77. – EDN WZPEJU.

421. Шендрик, А. И. Теория культуры: учеб. пособие для студентов вузов по дисциплине «Культурология» / А. И. Шендрик. Москва: ЮНИТИ: Единство, 2002. – 519 с. – (Cogito ergo sum. Urbi et orbi). – ISBN 5-238-00349-8. – Текст: непосредственный.

422. Шиляев, А. П. Опыт работы СНИЛ «Белы крыж» в организации «Живого музея» средневековой истории / А. П. Шиляев. – Текст: электронный // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы: традиции и модернизация современного высшего образования: мат. респ. науч.-методич. конф.: в 4 ч., Гомель, 10–11 марта 2016 г. – Ч. 1. – Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2016. – С. 363–366. – EDN TEVBFR.

423. Шиляев, А. П. Опыт работы СНИЛ «Белы крыж» с одаренной молодежью при организации мероприятия «Музей живой истории» / А. П. Шиляев. – Текст: электронный // Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы «школа – университет – предприятие»: мат. XI междунар. науч.-методич. конф., Гомель, 23–24 ноября 2017 г. – Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2017. – С. 714–717. – EDN NIYPOG.

424. Шляхтина, Л. М. Музейно-педагогическая мысль в России: исторические очерки: [монография] / Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастеница; М-

во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. агентство по культуре и кинематографии, С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2006. – 271 с. – ISBN 5-94708-065-6. – Текст: непосредственный.

425. Шляхтина, Л. М. Музейные инновации в ретроспективе музееведческих идей / Л. М. Шляхтина. – Текст: непосредственный // Вопросы музеологии. – 2010. – № 1(1). – С. 44–49. – EDN OОATHF.

426. Шляхтина, Л. М. Музейная педагогика: учеб.-методич. пособие / Л. М. Шляхтина. – Санкт-Петербург: СПбГИК, 2021. – 60 с. – Текст: электронный.

427. Шмелев, В. Г. Музеи под открытым небом: очерки истории возникновения и развития / В. Г. Шмелев. – Киев: Наук. думка, 1983. – 119 с. – Текст: непосредственный.

428. Шмит, Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции / Ф. И. Шмит; Гос. ин-т истории искусств. – Ленинград: Academia, 1929. – 245, [1] с. – Текст: непосредственный.

429. Шола, Т. С. Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музейных грехов / Томислав С. Шола. – Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013. – 356, [1] с. – ISBN 978-5-93322-069-5. – Текст: непосредственный.

430. Шулепова, Э. А. Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе: 24.00.02, 24.00.03: автореф. дис. ... д-ра культурологии / Шулепова Элеонора Александровна; Рос. ин-т культурологии. – Москва, 1998. – 42 с. – Текст: непосредственный.

431. Шульгин, П. М. Возрождение и развитие памятников истории, культуры и природы на принципах уникальной исторической территории / П. М. Шульгин. – Текст: непосредственный // Тезисы докладов II Международ. конф. по сохранению и развитию уникальных исторических территорий / науч. ред. Ю. А. Веденин. – Москва: б.и., 1992. – С. 18–32.

432. Шульгин, П. М. Перспективы создания природного парка «Пунси» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа / П. М. Шульгин. – Текст: непосредственный // Болота и люди: мат. междунар. семинара «Болота и археология» (01.09.1998–09.09.1998). – Москва: Институт Наследия, 2000. – С. 193–204.

433. Шульгин, П. М. Ясная поляна: опыт использования историко-культурного наследия / П. М. Шульгин. – Текст: непосредственный // Россия и современный мир. – 2005. – № 3(48). – С. 235–240.

434. Щепеткова, И. А. Театрализация музейного пространства как форма взаимодействия с посетителями: 24.00.03: дис. ... канд. культурологии / Щепеткова Ирина Анатольевна; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – Санкт-Петербург, 2006. – 249 с. – Текст: непосредственный.

435. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: монография / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт [и др.]; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва:

Институт Наследия, 2021. – 438 с. – ISBN 978-5-86443-344-7; DOI 10.34685/НИ.2020.11.84.020. – Текст: электронный.

436. Эстетические воззрения П.А.Флоренского: науч.-аналит. обзор / [И. Л. Галинская]. – Москва: ИНИОН, 1991. – 67 с. – (Сер. «Наследие отечественного обществоведения». АН СССР, ИНИОН). – Текст: непосредственный.

437. Юренева, Т. Ю. Музей в мировой культуре / Т. Ю. Юренева. – Москва: Рус. слово, 2003. (Вологда: ПФ Полиграфист). – 532 с. – ISBN 5-94853-099-Х. – Текст: непосредственный.

438. Юренева, Т. Ю. Музей в истории мировой культуры: генезис и эволюция: 24.00.01: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Юренева Тамара Юрьевна; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2004. – 36 с. – Текст: непосредственный.

439. Юренева, Т. Ю. Музееведение: учебник для подготовки кадров высшей квалификации / Т. Ю. Юренева; Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва. – Москва: Институт Наследия, 2020. – 438 с. – ISBN 978-5-86443-306-5. – Текст: непосредственный.

440. Юхневич, М. Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике / М. Ю. Юхневич; М-во культуры РФ; Рос. ин-т культурологии. – Москва: Рос. ин-т культурологии, 2001. – 224 с. – ISBN 5-93719-014-9. – Текст: непосредственный.

441. Candlin, F. *Micromuseology: An Analysis of Small Independent Museums* / Fiona Candlin. – Bloomsbury: London, 2016. – 224 p. – Текст: непосредственный.

442. Dana, J. C. *The Gloom of the Museum: No. 2 of the New Museum Series* / John Cotton Dana. – Woodstock, Vermont: ElmTree Press, 1917. – 45 p. – Internet archive [сайт]. – 2014. – URL: <https://archive.org/details/newmuseum01danagoog/page/n4/mode/2up> (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.

443. Dana, J. C. *Installation of a Speaker and Accompanying Exhibits: No. 3 of the New Museum Series* / John Cotton Dana. – Woodstock, Vermont: ElmTree Press, 1917. – 25 p. – Internet archive [сайт]. – 2014. – URL: <https://archive.org/details/installationasp00danagoog/page/n44/mode/2up> (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.

444. Dana, J. C. *A Plan for a New Museum: The Kind of Museum it Will Profit a City to Maintain: No. 4 of the New Museum Series* / John Cotton Dana. – Woodstock, Vermont: ElmTree Press, 1920. – 57 p. – Internet archive [сайт]. – 2014. – URL: <https://archive.org/details/planfornewmuseum00dana/page/56/mode/2up> (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.

445. *Economuseum network from Quebec*. – 30.01.2017. – URL: <https://www.mastermuseos.es/en/blog/publicaciones/la-red-de-economuseos-de-quebec/> (дата обращения: 19.03.2024). – Текст: электронный.

446. Laporte, M. V. *Genèse de l'économuséologie* / Marie Vaillancourt Laporte // *Material Culture Review*. – Vol. 80–81, 2014–2015. – P. 123–133. –

Érudit Consortium [сайт]. – 2024. – URL: https://id.erudit.org/iderudit/mcr80_81art09 (дата обращения: 06.04.2024). – Текст: электронный.

447. Living History Reader / ed. J. Anderson; American Association for State and Local History. – Vol. I: Museums. – Nashville: Rowman & Littlefield Publishers, 1991. – 240 p. – Текст: непосредственный.

448. McNeil, T. J. A Site for Convergence and Exchange: Designing the Twenty-first-century University Art Museum / Timothy J. McNeil. – Текст: электронный // The Future of Museum and Gallery Design: Purpose, Process, Perception / ed. S. MacLeod, T. Austin, J. Hale, O. H. Hing-Kay. – London and New York: Routledge, 2018. – Pp. 100–115.

449. Simard, C. Économuséologie, comment rentabiliser une entreprise culturelle / Cyril Simard. – Montréal: Centre Éducatif et Culturel inc., 1989. – 170 p. – Текст: непосредственный.

450. The living history anthology: perspectives from ALHFAM / Ed. Martha B. Katz-Hyman, Cliff Jones, Susan J. McCabe and Mary Seelhorst; Association for Living Historical Farms and Agricultural Museums (U.S.). – New York, NY: Routledge, 2019. – 262 p. – Ebook-hunter.org [сайт]. – 2017. – URL: https://ebook-hunter.org/the-living-history-anthology-by-martha-b-katz-hyman-cliff-jones-susan-j-mccabe-mary-seelhorst_5e6b818524968d6bb2e930cd/ (дата обращения: 18.04.2024). – Текст: электронный.